Главлит № А—[illegible] Изд. „Правды". Тираж [illegible] экз.
Типография газ. „Правда", Москва, Тверская, 48. Заказ № [illegible]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 21—22 30 НОЯБРЯ № 21—22

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1928
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"

Главлит № А—26460 Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.

К итогам пленума ЦК ВКП(б).

Только-что закончившийся пленум ЦК вынес решения по основным вопросам политики партии, стоящим перед ней на нынешнем этапе социалистического строительства.

Уже в ближайшие месяцы после XV с'езда наша страна вступила в полосу некоторых экономических затруднений. К товарному и сырьевому голоду, дававшему себя знать в течение всех последних лет, прибавился недостаток сельскохозяйственных продуктов, который заставил нас не только прекратить экспорт этих продуктов за границу, но и поставил на время под непосредственную угрозу продовольственное снабжение городов и армии, чем вынудил партию принять чрезвычайные меры к предотвращению этой угрозы.

Основа явлений товарного голода заключается в недостаточном уровне развития промышленности в стране, в ограниченности наших возможностей в деле капитальных вложений для строительства новых фабрик и заводов и расширения старых. Затруднения по линии снабжения страны сельскохозяйственными продуктами, в свою очередь, явились следствием медленного роста сельского хозяйства при постоянном увеличении внутридеревенского потребления и дальнейшем раздроблении и измельчании крестьянских хозяйств.

В свое время троцкистская оппозиция предлагала ликвидировать товарный голод путем выкачки средств из крестьянского хозяйства в таких размерах, чтобы их хватило для осуществления сверхиндустриализаторских и явно утопических проектов оппозиции, хотя бы ценою разрыва союза между рабочим классом и основной середняцкой массой крестьянства. Партия отвергла эту гибельную, авантюристическую и по сути вещей ликвидаторскую тактику. Но решительно отвергая путь, предлагавшийся троцкистской оппозицией, партия должна была наметить свой путь выхода из экономических затруднений как по линии промышленности, так и по линии сельского хозяйства. Вслед за апрельским и июльским пленумами ЦК ВКП, только-что закончившийся ноябрьский пленум во всей широте поставил вопрос об этом пути.

Пленум совершенно не мог, разрешая этот вопрос, пройти мимо ясно оформившихся внутри партии тенденций, которые искали выхода

из переживаемых страной затруднений на пути открытых уступок капиталистическим элементам нашего хозяйства, в частности, кулачеству. Эти тенденции не новы в нашей партии. Они коренятся в общих условиях нашей экономики, имея своим источником влияние буржуазной и мелкобуржуазной идеологии на отдельные прослойки партии, естественно усиливающееся в моменты обострения хозяйственных затруднений.

Можно вспомнить хотя бы о заявлениях, раздававшихся на XII с'езде партии через несколько лет после введения нэпа, о том, что наша страна не выйдет из разрухи без помощи иностранного капитала, и требовавших признания царских долгов, последующих предложений, направленных к отмене монополии внешней торговли; можно вспомнить отрицание кулацкой опасности и разговоры о расширении нэпа в период XIV конференции. После XV с'езда, в момент наступивших хлебозаготовительных затруднений и обострившейся борьбы с кулаком, правооппортунистические настроения в партийных рядах выступили особенно ясно в деревенских организациях. Февральское письмо ЦК ВКП к местным партийным организациям, резолюция апрельского и июльского пленумов вынуждены были говорить об элементах, не видящих классов в деревне и не желающих ссориться с кулаком, о носителях буржуазных тенденций внутри партии, понимавших наступление на кулака, как отказ от нэпа и т. д. На местах во многих случаях дело доходило до того, что отдельные сельские коммунисты оказывали прямое противодействие хлебозаготовкам и возглавляли оппозицию кулацких элементов мероприятиям партии. И нужно было исключать таких коммунистов из партии, чтобы обеспечить успех хлебозаготовок в тех или других районах. Впрочем, было бы прямо удивительно, чтобы в условиях нынешних трудностей, в окружении стабилизировавшегося (хотя бы относительно) капитализма и мелкобуржуазной стихии, постоянно рождающей капитализм внутри страны, в отдельных прослойках партии, в особенности в тех из них, которые подвергаются прямому воздействию чуждых и враждебных элементов, не проявилось ликвидаторских и капитулянтских настроений и чтобы эти настроения не нашли себе более или менее оформленного выражения.

Типичными для таких настроений являются сейчас такие конкретные экономические требования—сократить темп индустриализации, дать больше свободы капиталистическим элементам, не налегая особенно на строительство совхозов и колхозов. В нынешней международной и внутренней обстановке проведение в жизнь этих двух требований, конечно, ничего бы больше не означало, кроме обострения товарного голода и увеличения запасов хлеба в руках кулацких элементов, которые нам их, разумеется, не дали бы, а использовали для борьбы с нами. На ряду с этим ноябрьский пленум отметил как характерные черты правого уклона, бюрократическое невнимание к нуждам масс, смазывание задач борьбы с бюрократизмом, благодушное

забвение военной опасности,—естественно, что и эти черты правого уклона могут лишь размагничивать партию в ее борьбе за социализм.

Нанесши ряд решающих поражений полуменьшевистской идеологии троцкизма, партия дала твердый и решительный отпор правому уклону и примиренческому отношению к этому уклону.

Резолюции ноябрьского пленума о контрольных цифрах и росте партии в этом смысле подводят итог целому периоду в жизни нашей партии, когда огромная часть ее организаций: низовых ячеек, районных собраний и конференций, губернских и областных комитетов и комитетов национальных компартий—сказала свое твердое и решительное слово о правых уклонах и о борьбе с ними.

Решительно ударив по правому уклону и по примиренческому отношению к нему, партия наметила свой большевистски-ленинский путь ликвидации хозяйственных затруднений не через свертывание социалистического строительства и спуск на тормозах, а путем решительного и твердого проведения дальнейшей социалистической перестройки нашей экономики и в частности сельского хозяйства.

За истекший год наша крупная промышленность увеличила свою продукцию на 22%, добившись темпа, неслыханного ни для одной капиталистической страны. Пленум признал необходимым сохранение достигнутого темпа и на предстоящие годы (что не исключает усиления этого темпа в меру возможностей), обратив особенное внимание на металлургию, машиностроение, химическую и строительную промышленность. Констатировав чрезвычайное отставание темпа развития сельского хозяйства по сравнению с требованиями, пред'являемыми ему быстро растущей промышленностью, благодаря чему остается в наличности угроза снабжению растущего рабочего класса и городского населения; создаются лимиты для целого ряда отраслей промышленности (хлопок, шерсть, кожа, лен и т. д.) и ограничивается экспорт, что в свою очередь ведет к сокращению импорта в страну орудий производства, пленум указал на опасность разрыва между промышленностью и сельским хозяйством, как на главную опасность для дела индустриализации страны в настоящий момент, и решительно поставил перед всей партией вопрос об ускорении темпа развития сельского хозяйства, особенно в его зерновой части, как боевую задачу партии. Вопрос о сельском хозяйстве (и о зерне, в частности) пленум признал *центральным* среди тех хозяйственных вопросов, которые встали перед партией в связи с переживаемыми страной трудностями. Ликвидация средневековой отсталости сельского хозяйства, связанной с его раздробленностью, низкой урожайностью и низкой культурностью, возможна только через самую решительную ломку унаследованных от старины методов обработки земли, через поднятие урожайности, через производственное кооперирование крестьянских хозяйств, коллективизацию, строительство мощных совхозов, через массовое снабжение сельского хозяйства машинами и удобрениями. Партия достигла известных успехов в этом отношении

и в области машиноснабжения, и в области кооперирования и коллективизации. Уже в этом году на Сев. Кавказе колхозы дали около 10% товарной сельскохозяйственной продукции. Как явствует из материалов обследования РКИ, мы имеем полную возможность в течение ближайших 5 лет повысить урожайность земли в пределах нынешней посевной площади на 30% путем самых простейших мероприятий, доступных индивидуальным бедняцким и середняцким хозяйствам. Пленум совершенно справедливо отметил, что местные партийные организации далеко не исчерпали всех средств поднятия индивидуального крестьянского хозяйства, до сих пор дающего нам основную массу хлебной сельскохозяйственной продукции. Пленум наметил целый ряд мер стимулирования дальнейшего под'ема индивидуального крестьянского хозяйства путем улучшения товароснабжения деревни, путем решительной борьбы с нарушениями революционной законности, с извращениями нашей партийной линии по отношению к середняку в области налоговой практики, помимо общих мероприятий поднятия урожайности. Задачу всемерного стимулирования хозяйственного интереса бедняцких и середняцких масс крестьянства пленум выдвинул, как одну из ц е н т р а л ь н ы х наших задач в настоящее время. Но пленум отдавал себе совершенно ясный отчет в том, что для нашего отсталого сельского хозяйства при быстром росте населения, при наличии явлений измельчания и обестоваривания крестьянских хозяйств, явлений пауперизации в среде крестьянской массы нет решающего выхода к дальнейшему под'ему, если только мы одновременно с поднятием индивидуального крестьянского хозяйства не будем проводить решительных мер по его социалистической реконструкции. Радикальный выход для бедняцких и середняцких хозяйств заключается в производственном кооперировании и коллективизации. Только этими путями мы в состоянии всерьез и основательно выводить основную массу крестьянства из тисков средневековой отсталости и нищеты к новой, социалистической технике, к огромному увеличению сельскохозяйственной продукции, мощному поступательному движению вперед, которое могло бы обеспечить нашу быстро растущую социалистическую промышленность.

Не путь экономических уступок капиталистическим элементам, не путь свертывания социалистического строительства, а путь дальнейшего наступления на кулака, дальнейшего его ограничения, путь дальнейшей индустриализации страны, роста рабочего класса, энергичной реорганизации сельского хозяйства на социалистических началах—таков большевистско-ленинский путь, намеченный единогласно ноябрьским пленумом ЦК.

На этом пути перед партией лежат большие трудности. Обеспечение утвержденного пленумом темпа индустриализации страны на предстоящий год требует понижения себестоимости промышленной продукции не менее чем на 7%, а стало быть соответствующего поднятия производительности труда; требует сокращения строительного

индекса на 15%; требует, таким образом, огромного напряжения сил и огромного под'ема творческой энергии всего рабочего класса. То же приходится сказать по поводу введения 7-часового рабочего дня в многочисленных предприятиях целого ряда отраслей промышленности, о чем пленум также вынес свое решение. Выполнение намеченного плана хлебозаготовок пред'являет громадные требования ко всему советскому аппарату и местным партийным организациям. Между тем, невыполнение этого плана неизбежно ударит по промышленности и подорвет ее работу. Обеспечение дальнейшей индустриализации требует огромного роста сельскохозяйственной продукции в ближайшие годы. А такой рост немыслим без глубоких, серьезных, далеко идущих мероприятий в области реконструкции сельского хозяйства уже сегодня, которые требуют огромной активности нашей сельской партийной организации, умения мобилизовать вокруг этих вопросов миллионные батрацкие, бедняцкие и середняцкие массы.

Трудности нашего хозяйственного положения, неизбежно связанные с намеченным нами темпом индустриализации, вытекают не только из нашего внутреннего положения, но и из нашего международного положения, из растущей угрозы империалистического нападения на Советскую Страну. Эти трудности могут быть преодолены только при максимальном развертывании активности и самодеятельности партийных и беспартийных пролетарских и трудящихся масс и при максимальном улучшении работы госаппарата и массовых организаций, в особенности профсоюзов.

Кампания самокритики, особо энергично проводившаяся партией после XV с'езда, воочию показала, какая масса болячек, язв и гнойников еще имеется в нашем аппарате. Мы имеем там в большом количестве явно антисоветские, контрреволюционные, абсолютно чуждые рабочему классу и социалистическому строительству элементы и рядом с этим элементы, обюрократившиеся, оторвавшиеся от масс и разложившиеся. Среди последних насчитывается не мало коммунистов.

Особенное внимание должно привлечь к себе состояние сельской партийной организации. Мы видим там ничтожный процент сельскохозяйственных рабочих и коллективистов. Социалистический сектор нашего сельского хозяйства, и без того чрезвычайно слабый, еще слабее представлен в нашей партийной организации. И одновременно с этим у нас есть весьма значительное количество коммунистов, использующих принадлежность к партии для превращения своего индивидуального хозяйства в типичное кулацкое и эксплоататорское, использующих партийный билет для защиты интересов кулачества и для противодействия антикулацким мероприятиям советской власти.

Вот почему совершенно очевидно, что проведение в жизнь намеченных партией мер по развертыванию социалистического строительства, по коренной реконструкции сельского хозяйства на социалистических началах предполагает укрепление нашей партийной

организации, особенно в деревне, улучшение ее социального состава за счет рабочих и батраков в первую голову и беспощадной чистки партийной организации от разложившихся и примазавшихся элементов, а также дальнейшего и самого энергичного развертывания борьбы с бюрократизмом, втягивания в эту борьбу масс, радикального улучшения нашего госаппарата и поднятия работы профсоюзов.

Пленум подчеркнул особое значение для переживаемого страной и партией момента борьбы с правой опасностью внутри партии и с примиренческим отношением к ней. Эта борьба за последние два месяца всколыхнула основные партийные организации. Партия живо реагировала на правую опасность, показавши, насколько велика в широких партийных массах революционно-классовая чуткость.

В чем заключается правый уклон от ленинской партийной линии в настоящее время? Он заключается, как мы уже отмечали в начале статьи, в тенденции к ослаблению темпа индустриализации, в недооценке обострения классовой борьбы, в частности, борьбы с кулаком, в недооценке значения строительства совхозов и колхозов, в невнимании к нуждам масс, в недооценке борьбы с бюрократизмом и военной опасности. Не трудно видеть, что в таком виде правый уклон логически и политически ведет к отказу от ленинизма, к сдаче позиций пролетарской диктатуры международной буржуазии и ее союзникам внутри страны, и не трудно также видеть, насколько опасным и вредным является внутри партии примиренческое отношение к правому уклону.

Означает ли сосредоточение основного внимания партии на борьбе с правой опасностью прекращение борьбы с троцкистским уклоном внутри партии? Имеет ли троцкистский какие-либо преимущества по сравнению с правым уклоном? Не имеет никаких. Авантюристская политика троцкизма ведет к взрыву пролетарской диктатуры и реставрации капитализма. Троцкизм за пределами партии выродился в решительную антисоветскую организацию меньшевистского типа. И если партия выдвигает в настоящее время борьбу с правым уклоном на первое место по сравнению с борьбой против троцкистского уклона (внутри партии), то не потому, что троцкистский уклон лучше правого, а потому, что «левая» идеология троцкизма, прикрывающая его оппортунистическую сущность, уже в значительной степени разоблачена перед партийными массами в течение последних лет. Тем не менее пленум ясно сказал, что в партии имеются элементы троцкистских настроений и борьба с ними должна неуклонно продолжаться. Необходимо решительно бороться внутри партии против антисередняцких и сверхиндустриалистских «левых» загибов, против трактовки большевистской политики борьбы на два фронта, как политики «центристской» (подобное толкование, распространяемое троцкистами, частично проникает и в среду партии). Ни малейших идеологических уступок троцкистскому уклону внутри партии, ни малейшего примиренчества к нему партия не допускает и не собирается допускать. Но

особенно важное значение в настоящее время приобретает борьба с открыто - право - оппортунистическим уклоном.

Пленум наметил перед партией ясные перспективы ближайших этапов социалистического строительства. Не назад от XV с'езда к XIV, а вперед к дальнейшему росту социализма, к дальнейшему укреплению пролетарской диктатуры, к дальнейшему укреплению партии на ленинских позициях, к дальнейшему наступлению на капиталистические элементы, к дальнейшей беспощадной борьбе со всякими уклонами от пролетарской ленинской линии как в сторону троцкизма, так и в сторону открытого оппортунизма и примиренческого отношения к нему.

Такова основная политическая установка, данная ноябрьским пленумом ЦК.

Совершенно несомненно, что единодушно принятые решения пленума встретят такую же единодушную поддержку во всей партии и что, сплотившись вокруг этих решений, партия сделает новый и значительный шаг вперед к построению социализма в нашей стране и к победе революции в международном масштабе.

Арт. Кактынь.

Перспективы предстоящего хозяйственного года[1]).

Тяжелая и легкая индустрия.

Баланс промышленных товаров был сведен в истекшем году и сводится в текущем с большим напряжением в отношении удовлетворения как физического, так и ценностного об'ема потребностей. Как мы уже отмечали, главные разрывы мы имеем в этом году по линии металла (особенно чугуна), строительных материалов (главным образом, строительного металла, кровельного железа, стекла, цемента и кирпича); недопроизводство мы имеем также по некоторым группам промышленных товаров широкого потребления, к каковым приходится отнести в первую очередь, шерстяные ткани, подсолнечное масло, чай, сахар.

Если взять душевые нормы потребления основных промтоваров в отношении довоенного времени (1913 г.), то в общем и целом мы уже превзошли довоенные нормы, за исключением чугуна, по которому мы имеем всего 84,1% от довоенной продукции на душу; по топливу в этом году мы доходим до 132,2%; по хлопчатобумажной пряже до 121,1%; по шерстяным тканям—101,5%; по сахарному песку—102,5%; по соли—111,3%; по кирпичу—103,9%; по галошам—135,0%; при чем по основным товарам, в том числе и по чугуну, за исключением только льняных тканей, душевая норма возросла по сравнению с предыдущим годом, что говорит о том, что прирост промышленной продукции превышает прирост населения.

Основными материальными лимитами, в которые упирается рост продукции, в первую очередь легкой индустрии, являются лимиты сырьевые, об'ясняемые слабой урожайностью и сбором в этом году сахарной свеклы, табака, махорки, недостаточным импортом хлопка и некоторых других товаров. Если же взглянуть на посевные площади указанных культур, то, за исключением льна, все они в этом году росли весьма интенсивно (хлопок на 22,2%, сахарная свекла—15,9%, маслосемена—18,4%, лен—4,1% прочие—10,3%). Если валовая продукция, однако, по этим культурам растет значительно меньше (более значительный рост сбора дает лишь хлопок и льняное волокно), то это об'ясняется низкой урожайностью, что, в свою очередь, находит свое об'яснение в недостаточной обработке почвы, главным образом в недостаточном внесении в нее удобрений, в слабом уходе за растениями во время их вегетации. Об этом говорилось выше, в разделе о промышленных лимитах сельского хозяйства: все это происходит не от недостатка рабочей силы в деревне, а от недостатка необходимых средств производства.

[1]) Окончание. Нач. ст. см. в № 20 «Большевика».

В отношении строительных материалов и металла материальным лимитом являются средства производства соответствующих отраслей промышленности: особенно резко это выражается в отношении чугуна, где настоящая продукция доменных печей явно недостаточна для удовлетворения потребности мартеновских и прокатных цехов в чугуне, еще более недостаточна для снабжения металлическим сырьем машиностроения и других отраслей металлообрабатывающей промышленности. То же, в основном, наблюдается и в отношении цветных металлов. Как мы видели, именно по металлической группе и сказывается главный дефицит строительных материалов. Из других строительных материалов относительно более дефицитными являются—цемент, кирпич и лес, при чем недостаток леса в этом году несколько смягчается. Дефицит в этих отраслях может быть устранен при энергичном нажиме, притом легче, чем в отношении металла. Таким образом, по группе средств производства главное напряжение мы будем иметь по металлической группе. Недостатком металла об'ясняется, между прочим, продолжающийся все еще дефицит (несмотря на максимальные темпы роста сельмашстроения) в отношении некоторых видов сельскохозяйственных машин, особенно сложных, в частности, в отношении тракторов. Сугубо дефицитной является, конечно, продукция нашей химической промышленности, дефицит которой наиболее остро ощущается внешне по линии удобрений, внутри же промышленности—концентрируется в области кислотного производства, чем и об'ясняется отставание роста продукции удобрений и других химикалей.

Из сказанного приходится сделать в первую очередь тот вывод, что наибольшую остроту дефицита и наибольшее напряжение мы видим как раз в отношении продукции не легкой, а тяжелой индустрии (металлы, удобрения), при чем в то время как в легкой индустрии дефицит происходит преимущественно от недостатка сырья и вызван в известной мере стихийными колебаниями урожайности и вообще низкой урожайностью, что, в свою очередь, происходит от недостатка снабжения деревни средствами производства, т.-е. опять-таки продукцией тяжелой индустрии,—в отношении тяжелой индустрии дефицит вызван преимущественно слабостью и неразвитостью технической базы, что особенно сказывается в отставании основных производств металлической и химической отраслей (чугун, кислоты).

Это обстоятельство должно ориентировать наши усилия по линии преодоления узких мест в первую очередь тяжелой индустрии, с другой стороны, по линии производства сырья, особенно растительного, в деревне, что связано с усиленным производственным снабжением деревни, т.-е. опять-таки с дальнейшим усилением развертывания соответствующих отраслей тяжелой индустрии. Вывод о необходимости переброски капиталовложений из тяжелой индустрии в легкую был бы поэтому явно опрометчивым и привел бы только к еще большему напряжению товарных ресурсов промышленности, к еще большему разрыву между спросом и предложением, особенно со стороны сельского хозяйства. Конечно, не приходится отрицать возможности известного отставания развития технической базы легкой индустрии от роста производства, особенно при переводе на непрерывное производство ряда отраслей (с введением 3-х смен по текстилю и др.): усиленная работа машин и двигателей приводит к ускорению физического износа существующего оборудования, не говоря о его моральном износе Из этого следует, что на ряду с тяжелой необходимы некоторые вложения и в легкую индустрию, особенно в ее силовые установки (в этом году мы вкладываем в нее около 400 млн., что отнюдь не является маленькой величиной).

В перспективе дело, однако, сводится к тому, чтобы максимально укрепить, развернуть и обеспечить металлом двига-

теле- и машиностроение для легкой промышленности. При наличии развернутых отраслей текстильного, например, машиностроения и при наличии в стране достаточного количества металла нам нечего будет бояться недостаточности технической базы для текстильной промышленности даже при максимальной подаче из деревни сырья, ибо соответствующим производством машин и двигателей, при введении двух и трех смен на действующих предприятиях и постройке ряда новых текстильных фабрик, мы сумеем быстро привести в соответствие с сырьем и потребностями страны техническую базу текстильной промышленности.

Центр тяжести, следовательно, лежит в тяжелой индустрии. О ней мы и должны заботиться больше всего.

Товарный баланс средств потребления.

Если выделить из промышленной продукции группу предметов широкого потребления (т.-е. взять главным образом продукцию легкой индустрии) и выделить из нее товарную часть, охватывающую, в среднем, примерно 80% валовой продукции, присоединить к этой массе промтоваров широкого потребления еще и соответствующие сел.-хоз. продукты, идущие на удовлетворение массового спроса в средствах питания (хлеб, овощи, мясо, жиры), и свести все это в общий баланс спроса и предложения, разделенный на две основные части—город и деревня,—то станет ясно, что по городскому спросу наибольшее в этом году напряжение мы имеем по линии продовольственных продуктов, особенно хлеба и овощей, а по сельскому спросу—по линии промышленных товаров (текстиль, сахар, чай, масло растительное и животное и некоторые др.), в потребляющих районах—еще и по хлебу.

Если напряженность городского спроса и отчасти деревенского спроса потребляющих районов в отношении хлеба и продуктов питания вызывается недопроизводством соответствующих продуктов сельского хозяйства, в частности, зерновых хлебов, при чем по статистическим данным мы имеем даже абсолютное сокращение продукции против предыдущего года по ржи и сокращение посевных площадей по ржи и пшенице,—то в отношении промышленных товаров мы имеем не столько физический голод на них, сколько несоответствие между платежеспособным спросом деревни и города, вместе взятых, и предложением промтоваров на широком массовом рынке. Это явление находит себе двоякое об'яснение: с одной стороны, сильно возрастает в этом году покупательный спрос, особенно со стороны деревни как вследствие больших заработков крестьянства от строительных и других промыслов, значительно превосходящих прошлогодние, так и вследствие повышения цен на хлеб (в среднем по Союзу на 16% с учетом передвижки основной массы заготовок на восток, где цены снижены менее, чем на Украине, Сев. Кавказе, на Волге и в ЦЧО,—на 13%), а также на некоторые виды сырья (лен, подсолнух), при стабильности цен на промтовары. С другой стороны, значительно возрастает в этом году, как и в предыдущем году, внутреннее потребление промтоваров в самой промышленности, что стоит в связи с ростом обобществленного сектора вообще и видоизменением методов распределения, а также—в связи с ростом технического спроса на некоторые промтовары (ткани, сукно, сахар, растительные масла и др.).

Таким образом, рост той части промпродукции, которая выходит на широкий рынок, заметно отстает не только от роста валовой продукции, но и от роста покупательного спроса города и деревни на промтовары, выражающегося в этом году в размере от 9 до 10%. При росте валовой продукции предметов широкого потребления примерно на 17% валовая продукция по основным 18-ти товарам возрастает лишь на 8%, а продукция, идущая на широкий рынок, лишь процентов на 5. Напряженность эта усугубляется еще и тем, что промышленность не может дать достаточного количества с.-х. машин, тракторов, туков и других средств производства, на которые деревня заявляет неограниченный спрос, предложением каковых могла бы быть покрыта значительная часть деревенского спроса.

Однако, поскольку мы вошли в новый год с некоторыми остатками предметов широкого потребления от прошлого года, накопленными нами к осени, максимальная острота товарного дефицита скажется не этой осенью и зимой, а, по всей видимости, будущим летом и осенью, в начале хлебозаготовительной кампании 1929—30 г. Мы имеем, следовательно, некоторый резерв времени, в течение которого мы можем и должны принять ряд мер для сбалансирования спроса и предложения на промтовары. Из этих мер на первый план выдвигается, естественно, максимальное расширение производства средств производства для деревни (особенно удобрений и тракторов), максимальное развертывание отраслей, дающих строительные материалы, которые в значительной своей части должны итти также по линии всяческого содействия кустарно-ремесленной промышленности и мелкой промышленности вообще, могущим дать из местного сырья добавочные контингенты товаров широкого потребления, которые могут помочь сбалансировать спрос и предложение на эти товары.

Известное смягчение дефицита промтоваров широкого потребления возможно еще и по линии усиленного производства таких предметов, которых раньше мы вовсе не производили, на которые спрос, однако, сильно возрастает из года в год. Такими предметами являются: радиоаппаратура, фотокиноаппаратура, пластинки, пленки, бумага и проч.; велосипеды, лыжи и другие предметы спорта, целый ряд предметов, идущих на удовлетворение культурных потребностей населения. Развертывание соответствующих отраслей производства отнюдь не представляет собою каких-либо особенных трудностей и может дать даже из незначительных количеств сырья значительную выброску товаров на рынок, что, в свою очередь, должно смягчить товарный дефицит. На эти производства следует обратить поэтому внимание.

Неизбежность товарного дефицита в период напряженной индустриализации подчеркивалась неоднократно, подчеркивает это и XV с'езд партии. Если сравнить нынешние и довоенные нормы потребления, то мы голода в товарах, за редкими исключениями, уже не имеем: однако, бурно возрастающий спрос населения как сельского, так и городского, в основном удовлетворяемый бурно же растущей промышленностью, все же опережает последнюю, особенно по линии сельского потребления. Опережение это неизбежно в течение длительного периода, пока прочной базой нашего народного хозяйства не станет тяжелая индустрия, пока широко не развернутся основные отрасли сельского хозяйства, поставляющие хлеб и сырье.

Совершенно ясно, с другой стороны, что как бы нам ни трудно было, мы не пойдем на смягчение товарного дефицита путем повышения цен на промтовары, путем ухудшения таким образом материального положения широких трудящихся масс и разрыва с крестьянством, к чему привела бы политика троцкистов в случае ее проведения в жизнь.

Напротив, наша социальная политика попрежнему остается единственно возможной и соответствующей нашим целям—политикой, направленной к максимальному улучшению материального положения рабочих и крестьян, к укреплению смычки между рабочим классом и крестьянством, к росту реаль-

ного заработка, что неизбежно будет и в дальнейшем расширять потребности рабочей массы, но вместе с тем и поднимать производительность труда. Промышленность приобретает, таким образом, постоянно толкающий ее вперед стимул в виде неизменно растущего массового спроса и в то же время находит в себе самой средства разрешения этой постоянно воспроизводимой коллизии путем неизменно же растущего предложения своей продукции.

Следует тут же подчеркнуть, что как раз в этом пункте наиболее ярко сказывается отличие ленинской политики индустриализации, проводимой нашей партией, от сверхиндустриализма Троцкого и троцкистов, проповедывавших развертывание промышленности за счет высоких прибылей, получаемых от повышения отпускных цен, т.-е. за счет рабочих и крестьян как потребителей промтоваров; поскольку рабочему это повышение цен на промтовары возмещалось в представлении троцкистов повышением зарплаты, вся тяжесть повышенных цен переносилась на плечи крестьянства, на сельское хозяйство, из которого этим путем перекачивались бы средства в промышленность (не на шутку ведь «теоретик» сверхиндустриализма, Преображенский, договорился до колонизации деревни в интересах промышленности). Индустриализация получилась бы в таком случае ценою размычки города с деревней, рабочего класса с крестьянством. Ленинская политика партии состоит, напротив, в подведении под индустриализацию прочной базы смычки города с деревней, рабочего с крестьянином. Нашей задачей в данный же момент особенно является подтягивание посредством реконструкции и обобществления и отсталого сельского хозяйства к быстро растущей крупной промышленности. Индустриализируя страну, развивая в первую очередь тяжелую индустрию, давая через нее средства производства в сельское хозяйство, мы тем самым поднимаем и упрочиваем зерновую и сырьевую базу промышленности, подводим под индустриализацию прочный фундамент, обеспечивающий дальнейшее ускорение ее развития.

Уместно в связи с этим припомнить следующие места из доклада Ленина, сделанного на XI с'езде партии 27 марта 1922 г.:

«Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но за то так, что действительно будет двигаться масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый, основной политический урок новой экономической политики».

Вряд ли есть необходимость об'яснять и доказывать полную применимость этого урока и в данный момент, на восьмом году нэпа, при разрешении вопроса о темпах индустриализации и о пропорциях между промышленностью и сельским хозяйством.

Продовольственный баланс.

Трудности сбалансирования спроса и предложения в отношении продовольствия вызваны помимо основной причины—отставания зерновой базы,—еще и особенностями урожая этого года. Главные прорывы мы имеем по части продовольственных зерновых культур, собственно, по ржи; по ней мы в этом году имеем уменьшение сбыта против предыдущего года, несмотря на то, что общий баланс зерновых в этом году выше, чем в пре-

дыдущем году. К тому же по некоторым зерновым культурам (по пшенице, а также по некоторым сырьевым культурам: по маслосеменам, конопле, свекле, табаку и махорке и некоторым продуктам животноводства (по кор. маслу и кожсырью)—валовые сборы и выхода растут в весьма слабых темпах, отстающих не только от роста соответствующих отраслей промышленности, но и всей с.-х. продукции в целом. Еще слабее растут товарные выхода зерна, сырья и с.-х. продуктов, что приводит, при напряженности соответствующих экспортных статей, к тому, что рост внутреннего потребления по большинству этих статей лишь не на много обгоняет рост населения, т.-е. дает незначительный прирост душевых норм, а по хлебу и маслу коровьему дает даже некоторое, хотя и незначительное, их снижение.

Трудности продовольственного баланса вызываются еще тем, что мы в этот год вступили с пониженными против прошлого года переходящими запасами, что явилось следствием общего недовыполнения плана хлебозаготовок в прошлом году, особенно же в весенние и летние месяцы (апрель, май, июнь). Нам пришлось в целях пополнения запасов прибегнуть даже к импорту хлеба в размере 250.000 тонн. Другая величайшая трудность хлебного баланса заключается в крайне неблагоприятном географическом расположении нынешнего урожая: высокий урожай мы имеем в северо-восточных районах—в Сибири, Казакстане, на Волге, частично на Урале, где и должны получиться наибольшие товарные излишки хлеба и где развернуты соответствующим образом заготовки. При слабости транспортной сети в этих районах, при некоторой относительной слабости также и заготовительной сети, необорудованности ссыпных пунктов, недостаточности элеваторов, сушилок и т. д. заготовить в этих районах значительную массу хлеба и вывезти ее отсюда в ближайшие сроки, во всяком случае, до весеннего половодья,—задача исключительной трудности.

Однако, и трудности продовольственного баланса все же преодолимы. Коренное разрешение вопроса лежит конечно, в подготовке яровой посевной кампании. Мы еще не знаем результатов озимой кампании, но, поскольку семена были завезены в соответствующие районы, главным образом на Украину, в срок, поскольку были даны машины, удобрения и были открыты необходимые кредиты, а также проведена в значительных размерах контрактация на зерновые, можно полагать, что озимая посевная площадь дала некоторое расширение даже в недородных районах (Украина, Сев. Кавказ, Крым и ЦЧО); повышение этим летом уровня хлебных цен на 16% не могло не создать стимула к расширению площади посевов также и в урожайных районах. Намеченный Госпланом 7-процентный рост посевных площадей в будущем году представляет собою задачу тяжелую и ответственную, но все же разрешимую. К этому прибавляется еще задача 3-процентного повышения урожайности в предстоящем году. То и другое в сумме должно дать 10-процентный рост продукции зерновых хлебов.

Задача эта должна решаться по трем основным линиям: по линии обобществления сельского хозяйства—энергичное развертывание новых совхозов, улучшение старых, развертывание сети колхозов; по линии производственного снабжения деревни машинами и удобрениями, а также тяговой силой (тракторами); по линии контрактации, в плановом порядке охватывающей мелкие индивидуальные хозяйства, заинтересовывающей их в организации посевов, дающей им соответствующую денежную и материальную помощь еще во время посевной кампании. Совершенно естественно, что свое воздействие на расшире-

ние посевных площадей окажут также и повышенные хлебные цены.

Разрешение этих труднейших и сложнейших задач потребует колоссального напряжения сил как центрального, так и местного аппаратов и мобилизации всех сил советской общественности, партии, союза батраков, кооперации, сельскохозяйственного кредита. Опыт прошлогодней яровой кампании показал, что наиболее слабыми местами нашей работы в деревне являются недочеты и извращения, имеющие место в системе сельскохозяйственного кредита, то же—в снабжении деревни машинами и семенами и пассивность отдельных частей низового советского и партийного аппарата, склонных к соглашению с кулаком вместо борьбы с ним. Перевыборная кампания в советы должна расшевелить этот аппарат, оживить его, поставить его вплотную перед теми гигантскими задачами, которые стоят сейчас перед нами в деревне. Своевременная подготовка к распределению машин, удобрений, семян, проведение широкой рационализации системы с.-х. кредита, соответствующая классовая установка и зарядка низового аппарата, при энергичном нажиме партии, должны обеспечить проведение предстоящей посевной кампании. В этом—ключ к коренному разрешению продовольственной проблемы.

Поскольку, однако, все эти основные мероприятия отразятся на продовольственном балансе 1929—30 года, из трудностей баланса предстоящего 1928—29 года приходится выходить рядом паллиативных мер, могущих ослабить недостаток продовольственных продуктов—хлеба, овощей и жиров. По части хлеба главный нажим должен быть произведен по линии вывоза хлеба с востока и организации его быстрого перемола, а также по линии усиления выходов муки из зерна и примеси к пшенице ржи ячменя и кукурузы, а также усиленная выработка круп; по линии овощей должно быть путем соответствующего регулирования цен увеличено продовольственное потребление картофеля за счет технического; то же в известной мере по жировым—замена продовольственных жиров техническими жирами и маслами, а также усиление питания населения мясом, что в этом году представляется осуществимым. Все эти мероприятия при энергичном их проведении могут обеспечить нам уровень питания не ниже прошлогоднего, а по некоторым предметам даже выше, считая по душевым нормам, что должно быть признано в конечном счете более или менее удовлетворительным разрешением задачи в текущем неурожайном в отношении продовольственных хлебов году.

Можно констатировать уже теперь, что хлебозаготовки в первые четыре месяца хлебозаготовительной кампании, при отмене всяких чрезвычайных мер, дали нам свыше одной трети (до двух пятых) выполнения годового хлебозаготовительного плана, несмотря на то, что первые два месяца кампании (июль, август) вследствие позднего созревания хлебов дали весьма ничтожные заготовки. Однако, этот успех не исключает больших трудностей в предстоящие месяцы. Ход хлебозаготовок будет находиться в зависимости от того, как уйдут посевы под снег, еще более от того, как они из-под него выйдут. В зависимости от этого сильнейшим образом может колебаться и товарный баланс хлеба, особенно в части накопления невидимых запасов в самой деревне. При благоприятных условиях весной не исключена даже возможность повышения хлебозаготовительного плана и полное перекрытие дефицита продовольственных хлебов. Но возможно и обратное. Вот почему мы должны уже теперь готовиться к худшему и, исходя из этого, строить планы заготовок и использования хлеба и прочих продовольственных продуктов, страхуя себя принятием всех и [illegible]ческих мер на случай наибольшего обострения продовольственного баланса.

Проблема экспорта и импорта.

Рассматривая материальные лимиты народного хозяйства, мы не мо-
жем пройти мимо экспорта—импорта, являющегося одним из наиболее
жестких лимитов, крайне стесняющих хозяйственное маневрирование

Поскольку из экспортного плана в этом году выпадает почти пол-
ностью хлебный экспорт и в известной мере сокращается экспорт сырье-
вой, т.-е. таким образом относительно сокращается сель-
скохозяйственный экспорт, постольку мы вынуждены соответ-
ственно расширять промышленный экспорт, что и наблюдается в
структуре экспорта как 1927—28, так и предстоящего 1928—29 года.
Если еще в 1925—26 и 1926—27 г.г. мы имели соотношение между сельско-
хозяйственным и промышленным экспортом как 60—65 к 40—35, то в по-
следующие годы соотношение определяется уже как 45—50 к 55—50.

Если учесть, что такое изменение структуры экспорта происходит
при его продолжающемся росте, то отсюда уже с ясностью вытекают те
трудности, какие создаются в связи с этим для внутреннего потре-
бительского рынка по линии сокращения предложения некоторых
промышленных товаров (например, сахара, мануфактуры).

Структура импорта в основном остается прежней, однако, размер
импорта растет в последние годы совершенно недостаточно, создавая жест-
кие лимиты в отношении ввоза оборудования и сырья для промышленности,
а также тракторов, триеров и удобрений для сельского хозяйства.

Трудности последних лет в этом отношении вытекают отчасти из
крупных платежей по уже ранее реализованным нами германским креди-
там. Поскольку, однако, часть ранее закупленного оборудования не вполне
еще нами использована и, в ряде случаев, его использование задерживается
вследствие отставания постройки соответствующих зданий, можно его вве-
дение в производство в этом году причислить с некоторой натяжкой к про-
изводственному импорту этого года, что несколько выравнивает соотноше-
ние между отдельными годами. Тем не менее импортный лимит остается
крайне напряженным и в этом году, создавая ряд трудностей для народного
хозяйства.

Так как для нас совершенно безусловным является
сохранение активного баланса внешней торговли,
то выходом из этого затруднения может быть только дальнейшее
максимальное форсирование экспорта, при чем органи-
чески эта задача должна разрешаться по линии восстановления
сельскохозяйственного экспорта, что, в свою очередь,
зависит от развития и укрепления зерновой и сырьевой базы народного хо-
зяйства. Поскольку в этом году одним из моментов для роста продукции
легкой индустрии является сырье, в том числе и импортное, выход из этого
затруднения должен изыскиваться между прочим по линии дополнительного
расширения экспорта, что должно соответственно расширить импорт сырья.

Расширение экспорта мыслимо при этом не только в количественном,
но и в качественном отношении, что должно повысить выручку от
экспорта. Соответственная работа необходима и в отношении импорта, в
сторону уменьшения затрат. Мы настолько еще отстали в отношении каче-
ственных показателей внешней торговли, что многого и многого можем еще
добиться путем рационализации соответствующих процессов. Необ-
ходимо также ускорить оборот капиталов, вложенных во внешнюю
торговлю, что также дает заметный финансовый эффект.

Внешняя торговля все еще остается наиболее отсталой от
довоенного отраслью народного хозяйства. Как, однако, ни про-
тиворечивы друг другу социалистическая и капитали-

стическая системы хозяйства, какие бы препятствия, в виде кредитных блокад и т. п., ни ставились на пути развития нашего внешнеторгового оборота, мы должны все же настойчиво пробивать кольца блокад и глубже внедряться в мировое хозяйство, существенной составной частью которого является, несомненно, СССР.

Ясно, однако, что расширение и укрепление наших связей с внешним миром должно исходить из непоколебимости принципа монополии внешней торговли, достижения большей независимости СССР от внешнего мира и укрепления через импорт социалистической базы СССР, на что указал в своей резолюции XV с'езд ВКП(б).

Народный доход и бюджет.

Уже в первых разделах нами было подчеркнуто продолжающееся стремительное развертывание реконструктивных процессов в народном хозяйстве, что связано с длительными вложениями в капитальное строительство и неизбежно вызывает напряжение как материальных, так и финансовых ресурсов народного хозяйства. О неизбежности этого напряжения и вызываемых им трудностях говорил еще XV с'езд ВКП(б) в своей резолюции. Трудности эти усугубляются, кроме того, и недостатками нашего капитального строительства, особенно длительностью его сроков. Поскольку мы стоим в этом году перед окончанием целого ряда начатых в 1925—26 и 1926—27 годах крупных строительств, которые после их введения в действие дадут нам значительный прирост продукции, но пока в этом году требуют гигантского напряжения сил для их своевременного окончания,—этот год в смысле сбалансирования всех планов хозяйства получается особенно трудным. Это видно, между прочим, из того, насколько удельный вес расходов на финансирование народного хозяйства возрастает из года в год в государственном бюджете: расход на народное хозяйство составляет в 1925—26 г.—18,2%, в 1926—27 г.—23,5%, в 1927—28 г.—28,8%, в 1928—29 г.—34,4%; в составе этих расходов удельный вес промышленности возрастает за четыре года с 4,9% до 12,2%; удельный вес транспорта с 4,2% до 9,3%.

Промышленность получает в этом году из гос. бюджета 810 млн. рублей (не считая военной и золото-плат.), на электростроительство отпускается 184 млн. руб. Все финансирование промышленности вместе с банковским кредитом достигает 2.531 млн. Транспорт получает дотаций 357 млн. руб. Сельскому хозяйству из госбюджета отпускается 317,0 млн. р. (против 192,9 млн. руб. в истекшем году—рост на 64,3%), в том числе—на производственное финансирование—298,5 млн. руб. Если прибавить сюда еще и сельскохозяйственный кредит (согласно проекту Госплана, еще не утвержденному), то общая сумма производственного финансирования государством сельского хозяйства выражается в этом году в 651,1 млн. руб. против 487,8 млн. руб. в истекшем хозяйственном году (рост на 33,3%). Из них по обобществленному сектору (совхозы, зернотрест, колхозы, кооперация, машинные т-ва и пр. гос. организации и меропр. общ. значения) проходит 353,4 млн. руб., индивидуальным хозяйствам предоставляется 192,5 млн. руб., не считая контрактации. Вместе с контрактацией (краткосрочной) и местным бюджетом сельское хозяйство должно получить в этом году 1.129 млн. руб. против 780 млн. руб. в прошлом году, т. е. на 45% больше.

Все это вызывает значительный рост бюджета, как по абсолютной величине, так и относительной, по сравнению с ростом народного дохода.

Для выявления относительного роста бюджета по сравнению с ростом народного дохода приведем следующую табличку из контрольных цифр Госплана (исправленную в соответствии с решениями правительства):

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
	В червонных рубл. каждого года.			
Народный доход по реальному методу.	22.515	23.578	25.872	28.448
1. Сводный бюджет—доходы	5.018	6.592	7.894	9.119
2. Госбюджет—доходы	4.215	5.626	6.710	7.695
3. Налоги по свод. бюджету	2.148	2.999	3.387	4.085
В %% к народному доходу:				
1. Сводный бюджет—доходы	22,3	28,0	30,5	32,0
2. Госбюджет—доходы	18,7	23,9	25,9	27,0
3. Налоги по свод. бюджету	9,5	12,7	13,1	14,4

Таблица показывает, что рост бюджета обгоняет рост народного дохода и приводит к все большему перераспределению через бюджет народного дохода. Это в общем и целом, несомненно, положительное явление, поскольку этим путем обобществляется значительная часть народного дохода и он, по крайней мере, в этой своей части, переводится таким образом преимущественно в накопление. Если считать, что одновременно идет процесс накопления также и в деревне, влагающей значительные, притом возрастающие из года в год (за исключением прошлого года), средства в строительство, то из этого станет ясно, что в стране за последние годы накопление растет быстрее потребления, что опять-таки явление положительное. Достаточно указать в подтверждение этого на то, что из прироста в этом году народного дохода на 2.576 млн. р. около 76% уходит на увеличение финансирования народного хозяйства, т. е. преимущественно переводится в накопление.

Такое распределение народного дохода сугубо характерно для периода индустриализации; страна производит энергичное накопление, что и выражается в индустриализации. Происходит же этот процесс, и это особенно важно, на фоне плавно нарастающего из года в год темпа увеличения народного дохода, почти втрое превышающего соответствующие темпы довоенной России и капиталистических стран. Рост народного дохода в 1926—27 году составляет 5,1%, в 1927—28 г.—9,4% и должен составить в 1928—29 г.—10,0%. В составе народного дохода обобществленный сектор возрастает с 38,8% в 1924—25 г до 52,4 в 1928—29 г., при чем особенно растет доля цензовой промышленности в народном доходе (с 14,3% в 1924—25 г. до 21,1% в 1928—29 г.) Все эти показатели говорят о вполне здоровом и, главное, чрезвычайно быстром и энергичном росте народного дохода, чем и обеспечивается относительный рост из года в год накопления в стране, притом накопления преимущественно в обобществленном секторе, поскольку народный доход на большую половину получается уже из этого сектора и поскольку нашими финансовыми мероприятиями (через налоги, кредит, займы, страхование и т. д.) мы переводим часть накоплений необобществленного сектора в обобществленный.

Положительной чертой распределения народного дохода является то, что доля лиц наемного труда во всем доходе страны продолжает из года в год возрастать, составляя в 1925—26 г. 28,1% от всего дохода, в 1926—27 г.—30,9%, в 1927—28 г.—

32,1%, в 1928—29 году—32,1%. Еще сильнее возрастает доля всего пролетариата; растет также и доля обобществленного сектора в распределении дохода. Все приведенные данные говорят о том, что *под нашим хозяйством, и в частности процессами реконструкции и индустриализации, имеется прочная и здоровая финансовая база.* О том же косвенно говорит и возрастающая из года в год реализация государственных займов, особенно в городской части населения. Предварительные итоги реализации 2-го займа индустриализации (даже при поправках на сброску облигаций займов) являются *лучшим показателем воли населения к индустриализации и к накоплению вообще.*

Все эти факторы должны обеспечить тот рост бюджета, какой вызывается в этом году растущими потребностями промышленности, транспорта и сельского хозяйства в капитальных вложениях, а также культурно-просветительными нуждами. Государственный бюджет дает в этом году вновь крупный прирост на 15,5% (против 18,4% в истекшем году), при чем, если не считать оборотных статей НКПС и НКПиТ и переходящих остатков с прошлых лет, то рост бюджета выражается в цифре 16,6% (против 22,2% в прошлом году). Почти такой же рост дает сводный бюджет. Тем не менее, даже несмотря на этот рост, все же получается крайняя напряженность расходной части бюджета, и требования промышленности, транспорта, сельского хозяйства, обороны и культурно-просветительного сектора не могут быть полностью удовлетворены.

Кредит, растущий в этом году в относительно меньшем размере,—по вкладам и текущим счетам всего на 6,7% (против 11,2% в прошлом году), а по учетно-ссудным операциям на 12,8% (против 19,6% в прошлом году), при росте денежной массы в общем на 15,3%, не сможет, особенно в своей долгосрочной части, возместить недоданного перечисленным отраслям народного хозяйства по бюджету. Рассчитывать, однако, на больший рост бюджета не приходится, так как и взятый нами темп, превышающий темп роста народного дохода и выделяющий все большую его долю на накопление, является *предельным.* Приходится поэтому балансировать бюджет с частичной урезкой потребностей основных отраслей по бюджету, но с расчетом на то, что они *возместят себе эту урезку в порядке внутреннего накопления в самих этих отраслях, что возможно при энергичной рационализации производственных процессов и снижении себестоимости.* Это возмещение пойдет, конечно, за счет народного дохода и вызовет соответствующий рост накопления за счет потребления. В этом *особенная трудность этого года: нам приходится строить финансовый план в расчете на внутренние процессы накопления в самом хозяйстве, не организуя его (накопления) через бюджет и не планируя его точно наперед.* Особенно трудной эта задача будет, естественно, в сельском хозяйстве, где процессы рационализации дают свой эффект не так быстро. Затрудняет этот процесс еще и то обстоятельство, что уровни цен в этом году, благодаря повышению хлебных и некоторых сырьевых цен, дают *частичное перераспределение доходов в пользу сельского хозяйства,* ибо в то же время промышленные цены остаются на прежнем уровне, даже предполагается небольшое снижение отпускных цен промышленности.

Поскольку, однако, как мы выше видели, несмотря на это перераспределение, доля промышленности и всего обобществленного сектора в народном доходе возрастает, постольку и эта трудность нами может и должна быть преодолена.

Задача разрешима по линии *энергичной коллективизации деревни, по линии усиления в сельском хозяйстве роли производственной кооперации, по линии поднятия производительности труда и рационализации промышленности, по линии дальнейшей рационализации всех народнохозяйственных процессов.*

Политика цен в предстоящем году.

Наша политика цен преследует две основные цели: *улучшить материальное положение рабочих и крестьян,* что должно достигаться систематическим снижением общего уровня цен; *сжать «ножницы» между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней* путем сближения уровней цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. К этим двум основным задачам тесно примыкает задача *сжатия оптово-розничных «ножниц»,* снижения нормы торговых издержек, что должно дать возможность не только довести до потребителя *все* снижение оптовых цен, но и добавить к снижению оптовых цен еще и снижение своих расходов или, по другому, *добиться намечаемого снижения розничных цен при относительно меньшем понижении оптовых цен, что должно повысить внутреннее накопление в промышленности и сельском хозяйстве.*

Эти задачи нами систематически осуществлялись уже в течение ряда лет. Нами достигнуты ощутительные результаты: за последние годы уровень цен снижается (если не считать индекса цен на с.-х. товары, особенно в этом году, и индекса коммунальных услуг, значительно возрастающего и поднимающего тем самым общий индекс статистики труда) при одновременном *развитии внутреннего товарооборота и его обобществления,* что сделало кооперацию и госторговлю хозяевами рынка и в значительной мере соподчинило им частника. Тем не менее в моменты острого бестоварья спекулятивный частный капитал все еще выходит на поверхность и поднимает соответствующие индексы при снижении или стабильности, в основном, индексов государственной и кооперативной торговли. Общий результат нашей политики цен виден из следующей таблички:

Движение индексов цен по годам.

	По ценам соответствующего года.				В процентах к предыдущему году:		
	1925—26	26—27	27—28	28—29	26—27	27—28	28—29
Оптовый индекс ЦСУ.	1.856	1.755	1.714	1 755	94,6	97,7	102,4
а) Отдельно с.-х. товаров.	1.713	1.566	1.565	1.660	91,4	99,9	106,1
б) Отдельно пром. товаров	2.009	1.967	1.877	1.856	97,9	95,4	99,0
Индекс строительства.	2.690	2.570	2.460	2.265	95,5	95,7	92,0
Бюджетный индекс ЦБСТ.	2.027	2.032	2.058	2.116	100,2	101,3	102,8
а) Отдельно с.-х. товаров.	2.070	2.089	2.175	2.175	100,9	104,1	100,0
б) Отдельно пром. товаров	2.366	2.262	2.175	2.175	95,7	96,2	100,0
в) Отдельно ком. услуг.	1.212	1.444	1.547	1 670	119,1	107,1	108,0

Как видно из приведенной таблицы, указанная выше *политика цен проводилась нами планомерно и без всякого колебания по отношению к промышленным товарам,* п *отношении которых мы имеем совершенно реальные результаты как по оптовому индексу, так и рознич‑*

ному индексу и отдельно по индексу строительства. Другое дело получается в отношении сельскохозяйственных товаров. Если по оптовому индексу цен ЦСУ мы здесь имеем вплоть до последнего года, снижение, хотя и небольшое, то по бюджетному индексу по этой группе мы имеем из года в год рост, хотя и не особенно заметный; в истек. году оптовый индекс цен по сельскохозяйственным товарам возрос вследствие проведенного нами летом (с июля) повышения цен на зерновые культуры. При таких условиях нелегкой задачей представляется удержать розничный с.-х. индекс, хотя бы на уровне прошлого года, что, однако, намечено контрольными цифрами Госплана и что осуществимо лишь путем решительного сокращения накладных и торговых расходов, производимых по пути движения сельскохозяйственных товаров—хлеба и сырья—от производителя к потребителю.

В результате такого движения розничных индексов цен на сельскохозяйственные товары, а также вследствие неизбежного роста за последние годы стоимости коммунальных услуг мы имели, несмотря на систематическое снижение цен на промышленные товары, небольшой рост (на 1 — 2%) в течение последних лет бюджетного индекса ЦБСТ. Бюджетный индекс ЦБСТ дает более заметный рост (почти на 3%) в последнем году, в течение которого он, если сравнивать конец года с началом, поднялся на 10 баллов (с 199,2 до 209,2).

Что касается «ножниц», то, как по линии движения цен на промышленные товары, так и по линии движения цен на сельскохозяйственные товары, «ножницы» неизменно сжимались в течение ряда последних лет и дошли почти до нулевого состояния, что особенно заметно по розничным ценам на те и другие товары. Некоторый раствор «ножниц» мы имеем еще по оптовым ценам, но и эти «ножницы» крайне незначительны. Таким образом, задача сжатия «ножниц» в основном и целом нами разрешена, хотя и на высоком все еще общем уровне цен.

Изменение в этом году индексов сельскохозяйственных цен в сторону повышения задерживает, естественно, также и дальнейшее снижение индексов промышленных цен, что тем более становится понятным, если учесть дефицитность ряда промтоваров на широком рынке. Резкое снижение сбытовых цен на промышленные товары, при условии роста их на сельскохозяйственные, вызвало бы не только обратные «ножницы» между сельскохозяйственными и промышленными товарами, но и значительно усилило бы дефицитность последних и создало бы почву для роста спекуляции частника. Вследствие этого нам приходится в этом году ограничиться лишь небольшим (на 1%) снижением оптовых цен на промтовары и стабилизировать на прошлогоднем уровне розничные промышленные цены. Нужно подчеркнуть, что и оптовые цены снижаются преимущественно за счет строительных материалов.

Это, однако, ни в какой мере не означает, что мы уже вступаем в длительную фазу стабилизации цен. Общий уровень цен все еще слишком высок и в два с лишним раза превышает довоенный уровень цен, что заставляет нас продолжать линию дальнейшего неуклонного снижения цен как по промышленным, так и сельскохозяйственным товарам, что в ближайшее время должно проводиться в значительной мере за счет дальнейшего энергичного сжатия оптово-розничных «ножниц». Как ни велики в этой части наши достижения за последние годы, как ни сократились наши торговые издержки даже по сравнению с капиталистическими странами, мы все еще имеем здесь широкие возможности экономии, за счет которой возможно дальнейшее снижение уровня розничных цен. При монопольном или почти монопольном положении

на основных рынках ряда наших синдикатов и кооперации эта задача вполне осуществима в порядке интенсивной рационализаторской работы в отношении оптово-торговых, транспортных, складских и распылительных операций, с привлечением к этому делу широких потребительских масс. Эта задача отнюдь не снимается с порядка дня, как это кажется Наркомторгу, наоборот, она в данный момент должна быть развернута со всей энергией и особенно в отношении сельскохозяйственных товаров, в первую очередь хлеба, во вторую очередь прочих продуктов питания (мяса, масла, яиц и др.), а также и сырья.

О возможностях дальнейшей экономии по этой линии отчетливо говорит настоящая табличка.

Издержки обращения по всем секторам из НЦ Наркомторга.

	Сумма наложения, чистая накидка.	В %% к тов. массе.	В %% к пред. шест. году.
25/26	4832	34,1	—
26/27	4729	29,8	97,9
27/28	4869	26,7	102,9
28/29	5271	25,8	108,2

Естественно, что в дальнейшем, возможно, еще в конце этого года, при условии нового хорошего урожая, при условии достаточного снабжения промышленности сырьем и выброски, таким образом, значительно большего количества предметов потребления на рынок, мы сможем пойти на дальнейшее снижение уровня также и оптовых цен, в первую очередь, конечно, промышленных, но в известной мере и сельскохозяйственных, удерживая соотношение между теми и другими на уровне максимально сжатых «ножниц», что даст новую предпосылку для дальнейшего снижения также и розничных цен и повышения реального заработка и покупательной способности рубля. В качестве боевой задачи на предстоящий год должна быть нами поставлена задача достижения обязательного перелома в движении бюджетного индекса ЦБСТ, приостановки его роста и создания условий для его снижения.

Процессы обобществления.

Проблема обобществления хозяйства приобретает особое значение в предстоящем году в отношении сельского хозяйства. Число лиц наемного труда в частном хозяйстве определяется в этом году в размере 20,8% от всего числа занятых в хозяйстве лиц (против 21,2% в предыдущем году). При чем внутри этого числа количество лиц, занятых в хозяйстве в торговле, спускается до 10,9% (против 12,0% в предыдущем году); в промышленности в целом оно устанавливается на прошлогоднем уровне—9,3%, отдельно в цензовой—на уровне 1,3%; лишь в мелкой промышленности оно сохраняется еще на уровне 69,3% и в сельском хозяйстве—на уровне 68,0%.

Несмотря на продолжающееся сокращение удельного веса частного сектора, он в отношении валовой продукции народного хозяйства, благодаря тому, что в сельском хозяйстве его удельный вес все еще держится на уровне 97,0%, а в мелкой промышленности на уровне 60,5%, обладает все еще большею частью совокупной продукции народного хозяйства—52,6% (против 55,2% в 1927—28 г., 59,8% в 1926—27 г. и 64,0% в 1925—26 г.). В валовой продукции промышленности удельный вес частного сектора спускается с 12,7% до 10,2%, в том числе в цензовой промышленности с 1,7% до 1,6%.

Из основных фондов к концу года частный сектор, считая в том числе и все крестьянское хозяйство, владеет 46,1% (против 47,6% в предыдущем году), т.-е. меньше чем половиною, хотя опять-таки процент этот весьма значителен в сельском хозяйстве (97,4% против 98,0% в предыдущем году). Заметно падает также доля частного сектора в капитальных вложениях (до 40,0% против 45,4% в предыдущем году).

Приведенная статистика не дает, однако, ясного представления о действительной роли частного капитала в нашем народном хозяйстве, ибо к разряду частного статистикой относится вся масса крестьянских хозяйств, в том числе и натуральные и простые товарные хозяйства. Более ясная картина получится, если мы обратимся к товарной массе: удельный вес частного сектора в ней устанавливается в этом году на уровне 25,1% (против 28,9% в 1927—28 году, 32,7% в 1926—27 г. и 36,7% в 1925—26 г.). Отдельно в сельском хозяйстве—91,3% (против 93,6% в предыдущем году), в мелкой промышленности—60,5% (против 67,5% в предыдущем году), при 12,2% во всей промышленности (против 14,5% в предыдущем году). Из этих цифр мы можем установить, что во владении частного сектора остается все еще четвертая часть всей товарной массы страны, а из сельскохозяйственной массы еще более 9/10. Однако, роль частного сектора сразу же падает, как только мы переходим в сферу обращения, где эта товарная масса из рук частного производителя попадает уже непосредственно в руки государственно-кооперативного или частного заготовителя. (Тут уже выступает на сцену частный капитал). Во всем торгово-посредническом обороте доля частного сектора падает в этом году до 6,8% (против 9,3% в 1927—28 г., 17,0% в 1926—27 г. и 24,3% в 1925—26 г.), при чем в оптовом секторе за ним остается только 0,9% (против 1,3% в предыдущем году), а в розничном 19,5% (против 23,4% в 1927/28 г., 35,3% в 1926/27 г. и 43,8% в 1925/26 г.).

Все приведенные данные говорят о том, что в деле обобществления мы достигли значительных результатов. Но тем не менее перед нами остаются еще гигантские задачи, особенно значительные в сельском хозяйстве и отчасти в мелкой промышленности. Рост удельного веса обобществленного сектора в сельском хозяйстве хотя и значителен в этом году, все же измеряется в абсолютном значении очень еще незначительными величинами. Мелкое товарное хозяйство в деревне—вот та экономическая почва, из которой растет капитализм (кулак и частный торговец в деревне, промышленник и торговец в городе). Отсюда явствует, что нам необходимо приложить все усилия к выполнению поставленной перед нами XV с'ездом партии и последним пленумом ЦК задачи максимального развертывания сети колхозов, развития и накопления производственных форм сельского хозяйства и промысловой кооперации и широкого строительства на неиспользованных землях новых мощных сельскохозяйственных фабрик-совхозов.

Но, так как задачи эти осуществимы лишь при значительных капитальных вложениях в соответствующие отрасли и, что особенно важно, лишь при условии снабжения соответствующих обобществленных хозяйств двигательной силой, машинами и удобрениями, то осуществление этой задачи, как мы уже видели в начале статьи, упирается неизбежно в развитие соответствующих отраслей нашей металлической и химической промышленности, т.-е. основных отраслей тяжелой индустрии. Мы должны, конечно, попрежнему усиленно организовать кооперативный сбыт сельскохозяйственной продукции через с.-х. кооперацию, переходя развернутым фронтом к методу контрактации с.-х. продуктов, должны приложить все усилия к производственному

кооперированию кустаря и сельского хозяина и к усилению в этом деле именно производственных моментов—агропомощи, инструктажа, землеустройства, семеноводства, введения в хозяйство новых методов работы и новых организационных форм, сосредоточивая на проведении именно этих мероприятий, те значительные вложения, какие мы направляем в сельское хозяйство через бюджет и сельскохозяйственный кредит из обобществленного сектора, и мобилизуя вокруг них крестьянские накопления, привлекая их в качестве паев и вкладов в кооперацию и кредитные товарищества.

Все эти задачи приобретают особое значение, особый размах именно в предстоящем году. Тем не менее еще раз следует подчеркнуть, что их успешное решение, их реальный и быстрый эффект зависят в первую очередь от того, насколько мы сможем соответствующую агропропаганду, внедрение новых организационных и технических методов ведения хозяйства сопроводить внедрением в обобществляемое и индивидуальное сельское хозяйство техники и средств производства. К их производству в соответствующих отраслях тяжелой индустрии и к их наиболее организованному и рациональному распределению мы должны приложить максимальные усилия. Разрешение этих задач становится в этом году в буквальном смысле слова предпосылкой для разрешения всей проблемы поднятия зерновой и сырьевой базы народного хозяйства и вместе с тем для практического разрешения проблемы социализации деревни.

Устремление наших основных усилий по этим линиям отнюдь не снимает с нас обязанности содействия и помощи индивидуальному бедняцкому и маломощному середняцкому хозяйству как по линии кредита, так и государственного и местного бюджета и фондов самообложения; как по линии семенного снабжения, так и машинного и всякого прочего.

Осуществление материальной и финансовой помощи сельскому хозяйству, упирая на коллективизацию сельского хозяйства, должно вместе с тем исходить из необходимости «всемерного стимулирования хозяйственного интереса основных масс крестьянства» (т.-е. бедняков и середняков), как «одной из центральных наших задач» (см резолюцию последнего, ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)). Способствование «под'ему индивидуальных середняцких и бедняцких хозяйств» через «производственную смычку с деревней»[1]) (машины, тракторы, удобрения) является в ближайшей перспективе одним из основных рычагов в увеличении зерновой и сырьевой продукции, поскольку индивидуальные хозяйства дают свыше 90% всей сельскохозяйственной продукции. Но через ту же производственную смычку, содействуя под'ему индивидуальных хозяйств, должны мы, меняя техническую базу деревни, приводить ее к укрупнению хозяйства и коллективизации.

Выводы.

Анализ перспектив предстоящего хоз. года, произведенный нами в порядке рассмотрения основных показателей народного хозяйства, приводит, в общем и целом, к несомненно положительным итогам.

По основным линиям социалистического строительства, в особенности по линии промышленного, электро- и транспортного строитель-

[1]) Разрядка моя. *А. К.*

ства, мы в 1928—29 году энергично двигаемся вперед, закрепляя и расширяя достижения предыдущих лет. Накапливаемые в хозяйственном организме внутренние ресурсы, а также создаваемые путем индустриализации новые средства производства, создают предпосылки для дальнейшего под'ема производственных темпов не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Отставание развития производительных сил деревни и, в особенности, отставание зерновых и сырьевых отраслей сельского хозяйства, создавшее ряд тягчайших лимитов для дальнейшего хозяйственного строительства, должно быть в этом году, благодаря принятым решительным мерам, усиленным вложениям и мобилизации всех общественных и партийных сил на это дело, сменено на решительный поворот сельского хозяйства к росту и развитию на базе обновленной техники и коллективной организации. Поворот этот должен быть достигнут путем «всемерного стимулирования хозяйственного интереса основных масс крестьянства», путем содействия под'ему индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств, путем производственной смычки с деревней социалистической промышленности.

В области товарного и денежного обращения, несмотря на напряжение, создающееся в последние годы в сфере обрашения и потребления, мы видим, однако, дальнейший рост, свидетельствующий о здоровом общем развитии всего народнохозяйственного организма, несмотря на крупные затруднения и частичные кризисные явления, имеющие место в нашем хозяйстве.

Напряжение в сфере обращения и потребления, усугубляющееся по линии экспорта-импорта, продовольственного, сырьевого и промтоварного балансов, а также кредита и денежного обращения, создает, несомненно, ряд крупных трудностей как для хозяйственного планирования, так и текущего маневрирования, особенно при отсутствии или недостаточности резервов, накопление которых в этом году подвигается вперед весьма слабо.

Трудности эти, однако, неизбежны при интенсивном развертывании процессов индустриализации и реконструкции хозяйства. Трудности эти преодолимы при должной концентрации на них общественного и партийного внимания и мобилизации всех сил рабочего класса и партии на их преодоление.

Трудности эти были бы опасны лишь в том случае, если бы в основных процессах воспроизводства наблюдались существенные отрицательные моменты. Поскольку, однако, весь процесс воспроизводства в целом идет по широко развертывающейся спирали, хотя и задерживаясь в части зерновой продукции и металлургии, постольку встречающиеся на нашем пути трудности являются, с одной стороны, отражением унаследованных от прежнего диспропорций народного хозяйства, далеко еще нами не изжитых, и, с другой стороны, последствием частичных нарушений при быстром поступательном движении соотношений между отдельными элементами хозяйства (зерно, металл), что, однако, устранимо соответствующим организованным воздействием на отстающие отрасли, подтягиванием их к ушедшим в своем развитии вперед отраслям хозяйства.

Стесняющие и затрудняющие наше развитие материальные и финансовые лимиты должны быть сбалансированы в основном за счет максимального напряжения сил по линии повышения качества хозяйственной работы, по линии социалистической рационализации и экономии. Эти моменты встают перед нами во весь рост.

Повышение качества работы, являясь следствием индустриализации, реконструкции и рационализации, должно вместе с тем обеспечить дальнейшее интенсивное развитие этих процессов, что, в свою очередь, будет создавать новые предпосылки для дальнейшего повышения качественных моментов в народном хозяйстве. В частности, необходимо обратить возрастающее внимание на организацию, методы и технику планирования, регулирования и текущего хозяйственного маневрирования. Рост обобществленного сектора, укрепление социалистических позиций во всем народном хозяйстве, овладевание основными рычагами экономического воздействия на необобществленный сектор хозяйства, создание некоторых резервов,—все это усиливает элементы плановости в народном хозяйстве.

Мы в этом году достигаем известного облегчения трудностей и некоторых материальных и финансовых плюсов тем, что вся основная работа по планированию народного хозяйства, т.-е. по принятию контрольных цифр, утверждению бюджета, хлебозаготовительного, экспортно-импортного, сырьевого и других планов, а также планов сельскохозяйственного кредита и снабжения и проведения яровой посевной кампании, заканчивается нами в основном уже к середине ноября, а в целом—к 1 января, тогда как в прошлые годы нам удавалось заканчивать эту работу в основном не ранее 1 февраля, а в целом не ранее 1 марта. Выигрыш 2—3 месяцев в отношении дачи оперативных директив по линии производства, строительства, заготовок, экспорта-импорта, бюджета, кредита и т. д. устраняет многие из тех ошибок и дефектов, которые создавали перебои в хозяйственной работе и стоили нам в последующем многих и многих лишних миллионов.

Усилению плановости в народном хозяйстве СССР содействует еще и завершаемое в скором времени экономическое районирование РСФСР, чем, в сущности, завершается в основном районирование всего СССР. Создание ряда областей, непосредственно связанных с центром РСФСР, уже в этом году значительно облегчило хозруководство.

Основной вопрос, на который должны дать ответ контрольные цифры предстоящего хозяйственного года, это вопрос о том, продолжаем ли мы итти вперед к социализму, усиливаются ли позиции социалистического сектора по сравнению с капиталистическим, кто кого обгоняет в росте и развитии.

На эти вопросы контрольные цифры дают совершенно точный и несомненный ответ: предстоящий год поднимает нас на ряд дальнейших ступеней к социализму; социалистический сектор продолжает крепнуть и развиваться за счет частного и капиталистического, оттесняет последний на второй план, несомненно, обгоняет его в темпе своего развития. Но именно это обстоятельство, укрепляя наши позиции и облегчая борьбу с нарождающимися в стране капиталистическими элементами, в то же время активизирует эти элементы к борьбе с нами, чем и об'ясняется то обострение классовой борьбы в стране, какое мы наблюдаем за последние годы. Это прибавляет лишние политические трудности к тем хозяйственным трудностям, какие мы имеем, но в то же время активизирует пролетарские и крестьянские массы, четко и выпукло определяет классовые отношения и выделяет те мишени, по которым должен быть направлен наш классовый огонь.

Предстоящий год пойдет под знаком усиливающейся борьбы за социализм. Цель этой борьбы полностью оправдывает все трудности, какие в этой борьбе придется нам превозмочь.

Я. Бумбер.

Дальнейшие вехи колхозного строительства.

(Продолжение) [1].

5. Специализация и микрорайонирование колхозов.

Выявление и реализация наиболее выгодного для колхозов места в системе народнохозяйственного разделения труда, специализация и развитие товарности их в этом направлении — второй узловой момент в деле рационализации коллективного сельского хозяйства.

В связи с переходом от натурального потребительского хозяйства времен военного коммунизма к товарному колхозы пережили в первые годы новой экономической политики тяжелейший кризис, усугубленный местами полным невниманием партийных и советских органов к тяжелому переходному состоянию колхозов. На крутом повороте к нэпу упало в результате этого с колхозной повозки немало слабо увязанной поклажи. Укрепление и консолидация выживших коллективов могло происходить и происходило на новой базе, на базе товаризации их хозяйства. При наличии товарной формы народнохозяйственных связей лишь товаризация хозяйства приобщает к выгодам народнохозяйственного разделения труда.

Но товарность товарности рознь как по проценту охвата валовой продукции хозяйства, так и по степени лежащей в основе ее специализации производства. Теперешнее положение колхозов характеризуется тем, что товарность в них значительно (вдвое и больше) выше, чем в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Но это большое относительное преимущество колхозов по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами имеет место лишь потому, что в преобладающей бедняцко-середняцкой массе крестьянских хозяйств товарность исключительно низка. И товарная продукция колхозов представляет нередко товарные излишки натурального в своих основах хозяйства. В других случаях в колхозах установилось, правда, рассчитанное на сбыт специальное товарное производство, но оно пребывает в большинстве случаев на начальных стадиях, развивается эпизодически, по-кустарному, без достаточного напряжения, перспектив и эффекта.

Рационализаторское значение специализации как будто усвоено передовыми колхозами. На последних колхозных с'ездах неоднократно говорилось о необходимости ее. *Однако, массового сдвига в этом направлении, сдвига, охватывающего большинство колхозов, — пока еще не заметно.*

Рационализаторское значение специализации производства тем больше, что именно через нее раскрывается весь эффект и значение укрупнения. Владимир Ильич весьма настойчиво подчеркивает в своей классической работе по сельскому хозяйству С.-А. Соед. Штатов, что основным критерием

[1]) См. „Большевик" № 20.

для отнесения того или другого хозяйства к крупному производству следует считать не размер его землепользования или пашни, а величину продукции и капитала. На равновеликих земельных участках могут существовать и существуют совершенно разнородные по размерам и степени укрупненности хозяйства. Весьма крупное капиталистическое сельскохозяйственное предприятие, специализированное в направлении высокой интенсификации, может быть и не очень крупным по размерам землепользования, как и, наоборот, не всегда раскинутое на порядочной территории отсталое, слабое хозяйство является крупным. Но укрупнение с.-х. предприятий через затрату большего капитала на одной и той же земельной площади предполагает определенное строение капитала, сообразованное с направлением специализации.

Это же относится к нашему социалистическому сельскому хозяйству. Степень укрупненности его предприятий измеряется не только и не столько размерами землепользования, сколько величиною средств производства и продукции. Оптимальные размеры и структура их же, как и величина землепользования, определяется прежде всего тем, в каком направлении данное с.-х предприятие специализировано. *Нельзя, поэтому, заняться укрупнением колхозов, не имея четкой ориентировки в отношении их специализации: именно специализация обусловливает лицо и внутреннюю структуру укрупнения в данных конкретных условиях.* Одно из основных преимуществ укрупненного с.-х. предприятия в том и состоит, что оно позволяет поставить *массовое специализированное производство. Но, чтобы массовое производство было наиболее рентабельно, само укрупнение должно быть рассчитано на определенное направление специализации.*

Выработка стандартов укрупнения на основе специализации, хотя бы и черновых, одна из неотложнейших задач на данной стадии колхозного строительства. Конечно, окончательное их уточнение и отшлифование окажется возможным лишь на опыте дальнейшей практики колхозного строительства. Слишком уже разнородны капиталистическое и социалистическое крупное сельское хозяйство, чтобы опыт и образцы первого могли послужить достаточным материалом для выработки образцов второго. Специализация совхозов же еще слаба. Однако, для выработки черновых рабочих моделей основных, типичных разновидностей специализированного коллективного сельского хозяйства наличного опыта достаточно. Необходимо лишь раскачаться и теперь же взяться за эту совершенно назревшую работу. Чем скорее можно будет пустить в оборот практической проверки и усовершенствования такие черновые рабочие модели укрупнения и специализации колхозов, тем лучше будет для колхозного строительства.

Работа в этом направлении должна быть поставлена неотложно. Без нее не двинуть широким фронтом дела качественного роста колхозов. Тем более, что первые шаги в поисках прототипов крупного специализированного социалистического сельского хозяйства особенно трудны. Строители его мало подготовлены к своей сложнейшей задаче; над ними довлеет еще вековая традиция ненаучного дедовского и прадедовского способа ведения хозяйства. С другой стороны, сама научная постановка специализации сельского хозяйства весьма сложна и своеобразна. В передовой специализированной крупной промышленности немыслимо периодическое систематическое чередование производства разных предметов в одном и том же помещении, на одних и тех же станках — это было бы первейшим признаком отсталости, слабости специализации. Наоборот, в специализированном сельском хозяйстве обязательно, в целях восстановления структуры почвы, практикование периодического систематического чередования культур, т.-е. севооборота. Однако, как показывает опыт передового капиталистиче-

ского сельского хозяйства, это обстоятельство не исключает глубокой специализации сельского хозяйства, особенно по сравнению с обычным универсализмом низкотоварного крестьянского хозяйства.

Одновременно с разработкой стандартов оптимальных крупных колхозов всякого типа специальных направлений необходимо поставить работу и по выявлению географии их размещения. Эта задача точно так же совершенно неотложна, если хотим всерьез заняться повышением качественного уровня колхозного строительства. Дело, конечно, не в обычном районировании. В этом смысле общее лицо сельского хозяйства районов нам известно. Для конкретного колхозного строительства этого недостаточно. Мы имеем здесь в виду микрорайонирование колхозов, т.-е. выделение по совокупности природных и социально-экономических условий более узких районов с однородным комплексом конкретных условий, отвечающих определенному стандарту колхозного предприятия. Только на основе микрорайонирования, направленного к всестороннему выявлению специфических условий данной местности для строительства определеных крупных специализированных колхозов, возможно создание научно обоснованной четкой перспективы в колхозном строительстве.

Если мы сумеем это в кратчайший срок проделать, т.-е. организованные в колхозы массы получат четкую конкретную перспективу и приуроченные к конкретным условиям микрорайонов рабочие модели укрупнения и специализации, то при одновременной материальной и организационной помощи дело строительства специализированных крупных колхозов действительно перестанет быть предметом благих нудных общих разговоров и перейдет на почву конкретных расчетов и обмена опытом. Конечно, при одном дополнительном условии, именно, что проработка этих проблем не будет укрыта за стенами соответствующих учреждений, что в обсуждение основных качественных установок специализации и микрорайонирования будут вовлечены самые широкие круги деревенского партийного и советского, особенно же колхозного актива.

Задача колхозного микрорайонирования и выработки соответствующих ему черновых стандартов специальных колхозов разных направлений актуальна и в другом отношении.

Коллективизация является одной из функций нашей социалистической крупной промышленности. Без технического вооружения, идущего от социалистической крупной промышленности, коллективизация немыслима. Однако, для каждого направления с.-х. специализации необходимо свое специфическое вооружение. Каждый колхозный микрорайон нуждается в своем специфическом комплексе технического вооружения. Если во многих районах сюда относятся прежде всего тракторы, то комлект прицепных орудий и машин к ним порайонно весьма разнообразен, в других районах и сам трактор отходит на второе место перед индустрией первичной переработки, опять-таки крайне разнообразной в районном разрезе, наконец, в-третьих, значительно вырастает значение усовершенствованных хозяйственных построек и т. д., и т. д.

Проблема технического вооружения колхозов стоит в каждом районе по особому. Поэтому и для того, чтобы иметь определенную конкретную заявку для промышленности на производство технического вооружения социалистическим отрядам сельского хозяйства необходимо выявление всей номенклатуры их потребностей, всего

порайонного количественного и качественного своеобразия их.

Приходится констатировать, что пока-что более или менее выявлен стандарт технического вооружения лишь для районов зернового направления (трактор и набор соответствующих прицепных орудий и машин к нему). Что же касается с.-х. индустрии первичной переработки, играющей колоссальную роль в техническом вооружении передового капиталистического сельского хозяйства, то она у нас пока-что определенного места в деле коллективизации не заняла и основные, наиболее эффективные с точки зрения стимулирования коллективизации разновидности ее не выявлены.

Неудивительно поэтому, что районы интенсивного сельского хозяйства в темпе коллективизации значительно отстают. Ведь, помимо всего остального, не установлены и не подвергнуты сколько-нибудь широкой массовой проверке комплексы их технического вооружения, кстати сказать, весьма многоликого в порайонном разрезе.

Можно ли сказать, что в деле использования индустрии первичной переработки в целях коллективизации лимитом являются только возможности крупной промышленности? Никак нельзя, ибо до сего времени, даже не было достаточного напряжения и определенности в пред'явлении крупной промышленности заявок в этом направлении. Внимание, уделявшееся постановке колхозной индустрии не может итти и ни в какое сравнение, например, с напряжением по линии тракторизации. Задача колхозного микрорайонирования выявить все многообразие скрытых здесь возможностей, сдвинуть, наконец, использование с.-х. индустрии в деле коллективизации с мертвой точки вялого кустарничества. Излишне, думается, указывать, что отрицательный опыт старых, унаследованных от прошлого, крайне отсталых кустарного типа колхозных индустриальных предприятий, конечно, ни в какой мере не показателен для выявления действительного значения с.-х. индустрии переработки в деле коллективизации. Попытка оценить ее значение на этом опыте равносильна тому, как если бы кто-нибудь по опыту работы самых несовершенных, притом изношенных и частично поломанных тракторов взялся судить об эффективности тракторизации. Еще только предстоит выработать и поставить основные виды колхозной индустрии первичной переработки. Только по рационально поставленным предприятиям с.-х. индустрии переработки можно судить о действительном значении этого рода технического вооружения в деле социалистической реконструкции деревни.

Раскрытие социально-реконструктивного эффекта и значения той или другой разновидности технического вооружения зависит в значительной мере от умения экономически рационально его организовать. К примеру сказать, трактор,—он теперь вполне заслуженно в центре внимания строителей колхозов. Вполне заслуженно, особенно в районах зернового направления, потому что налицо уже первые поразительные свидетельства социально-реконструктивной роли трактора. А давно ли установилась такая репутация за трактором? Давно ли он перестал быть предметом насмешек, шуток вследствие неумелого и нерентабельного использования? Совсем недавно, именно после изумительного опыта совхоза им. Шевченко, на Украине. В текущем году пример пионеров-шевченковцев, как видно из нижеследующих данных, получил уже распространение во всех районах основного зернового направления (см. табл. на след. стран.).

Предрассудки крестьянина — мелкого производителя — общеизвестны. А вот пионеры тракторных колонн доказали, как шатки порою эти вековые предрассудки перед умело организованным социалистическим натиском, какую социально-реконструктивную силу способен развивать трактор в уме-

(По состоянию на 1 октярбя 1928 г.):

Наимевование районов.	Количество.		Количество всей земли в гектарах.	Об'единено.			Количество хозяйств.	Примечание.
	Колонн.	Тракторов.		Целых зем. общ.	Селений.	Хуторов.		
Сев. Кавказ	3	52	8.625	2	4	—	750	Данные по двум колоннам.
ЦЧО.	4	38	24.825	92	17	—	3.603	
Крым	2	42	5.338	—	11	—	неизв.	
Нижне-Волжск. район	4	87	14.024	2	2	6	947	
Средне-Волжск. район	1	33	6.70(	—	13 с.-х. артел.	—	453	

лых руках талантливых организаторов. Под руководством совхоза им. Шевченко в течение всего-на-все двух лет десятки селений (именно селений, а не дворов) буквально ураганным вихрем снесли свои дедовские и прадедовские межи, соединяя полосы в одно коллективное поле и пашню, образовывая целыми селами товарищества по совместной обработке земли. Успех совхоза им. Шевченко, построенный на принципах полной добровольности, поражает своей массовой монументальностью.

В текущем году инициаторы тракторных колонн положили начало еще более интересной форме организации использования трактора в целях коллективизации — «машинно - тракторной кооперативной станции». В июне 1928 г. основана первая из них. Теперь она имеет 70 тракторов, к весне их количество предположено довести до 120. На 15 октября станцией заключено с зем. обществами договоров на обработку площади в 16.500 га, к весне предположено довести площадь обслуживания до 22—27 тыс. га сплошным массивом. Станция обслуживает на основе договора, заключенного на 6 лет, все производственные процессы, включая молотьбу, возку и т. д., и т. д., крестьяне поставляют лишь живую рабочую силу на основе особой инструкции. Все межи сносятся. Урожай распределяется пропорционально земельным наделам. Товарная продукция с обрабатываемой тракторами площади в размерах для пшеницы и ржи не менее 30% валового сбора, кукурузы и овса—40%, технических культур—80% должна быть реализована через кредитные товарищества, организовавшие станцию. Станция организована тремя с.-х. кредитными товариществами и окружным сельсоюзом. Оплата за каждый вид работы исчисляется по особой таксе, составляя примерно 25% урожая. Организация труда такова, как в товариществах по общественной обработке земли. В настоящее время оформляется переход всех этих об'единяемых станцией сел на основу устава товариществ по общественной обработке земли.

Весьма характерна и четка социально-классовая установка работы «машинно-тракторной кооперативной станции» шевченковцев. Земля кулачества выделена согласно договору в конце полей севооборота и не обслуживается станцией. Кулачье, таким образом, подвержено полной изоляции, даже территориальной; против него стоит организационно-оформленный единый бедняцко-середняцкий фронт. Беднота пользуется кредитной обработкой в размере полной стоимости, середняки—частично.

Опыт выявления социально-реконструктивного значения трактора, проверенный работниками совхоза им. Шевченко, исключительно поучителен. Что мы имеем равноценного этой монументальной работе в районах интенсивного сельского хозяйства на основе другого основного вида колхозного

технического вооружения,—на основе с.-х. индустрии первичной переработки? Приходится констатировать, что ничего не имеем. Может быть, такие возможности здесь вообще исключены? Конечно, нет. Положение лишь, примерно, такое же, как три—четыре года назад с тракторами.

Возьмем для иллюстрации первый попавшийся пример—состояние колхозного строительства в льноводческих районах. Оно здесь характеризуется наименьшими относительными темпами роста. С другой стороны, и эта весьма важная отрасль нашего сельского хозяйства влачит в последнее время жалкое существование. В истекшем 1927—28 году наш экспорт льна составлял лишь 10% довоенного. Одновременно годовой план снабжения промышленности был покрыт лишь в размере 65%.

Что же, наше льноводное хозяйство так и обречено на безнадежное хирение? Колхозное строительство в льноводных районах не имеет под собой почвы? Конечно, не так.

Индивидуальное крестьянское льноводство действительно зашло в тупик. Примитивность, отсталость его, плюс крайняя истощенность почвы совершенно вывели его из строя. При старом традиционном способе производства, характерном для крестьянского единоличного хозяйства, не поднять льноводное хозяйство на ноги. Зато на основе достижений передовой техники (льняные сеялки, уборочная льнотеребильная машина, культурно-оборудованная мочильная яма, усовершенствованная индустрия первичной переработки, химические удобрения и т. д.)—это вполне разрешимая задача. Лен — необходимейшее промышленное сырье и ценнейший предмет экспорта. Мы не можем допустить продолжительного застоя в его производстве. Пока что, однако, мы не имеем даже сколько-нибудь ярких единичных показательных опытов в этом направлении. Вот где, казалось бы, открыты самые широкие возможности для выявления социально-реконструктивной роли индустрии переработки и химизации.

Хозяйственных участков с невыявленными или недостаточно выявленным и слабо использованными материально-техническими рычагами коллективизации весьма много повсеместно. Бывает и так, что далеко не все элементы технической реконструкции используются одновременно в целях социальной переделки с. х. Возьмем, например, водное хозяйство. На ирригацию мы расходуем громаднейшие средства, но если спросить, каков социально-реконструктивный эффект наших огромных вложений в ирригацию, приходится ответить, что он почти отсутствует. Сколько образовано водохозяйственных колхозов? Только в самое последнее время намечено изучение возможности использования высоко централизованного водного хозяйства в целях коллективизации.

Идет Днепровское строительство. Оно включает в себя и мелиорацию, и ирригацию громадных пространств Нижнего Приднепровья. Вполне своевременно идет горячая дискуссия по выявлению наиболее эффективных способов промышленного потребления энергии будущей Днепровской электроцентрали. Но что-то не слышно о такой же конкретной разработке проблемы коллективизации с. х. на основе комплекса средств технического вооружения, получаемых сельским хозяйством этого широкого района. Не получится ли так, что и этот гигант социалистической реконструкции юга не даст максимально возможной реконструктивной зарядки сельскому хозяйству? Очень возможно, если актуальнейшие проблемы колхозного строительства не станут, наконец, предметом своевременной плановой разработки.

Или возьмем, например, еще одну иллюстрацию из другой области. Посмотрите на территорию, прилегающую непосредственно к свалочным пустырям наших больших городов и промышленных центров. Она занята под многочисленные овощные хозяйства. В кольце овощных хозяйств, опоясывающих города и промышленные центры, не только много вывозного городского на-

воза и сора, но и относительно высок процент местного социально-классового кулацкого мусора. Окружающий города пояс высокоинтенсивных овощных хозяйств—одна из наиболее питательных почв кулацкого накопления. Уже вследствие этого хозяйственная организация бедноты и середняков этих пригородных овощных районов в колхозы имела бы огромное значение. Кроме того, колхозная концентрация мелких овощных участков позволила бы значительно поднять и улучшить овощное хозяйство, содействовала бы охвату городской рабочей потребительской кооперацией этого очень важного с точки зрения рабочего потребителя рынка.

По данным Церабсекции, в настоящее время, несмотря на неоднократные соответствующие директивы, в том числе директивы XV с'езда партии об охвате кооперацией овощного рынка, удельный вес рабочей кооперации в снабжении потребителя овощами в среднем ниже 15%. Причины разные, в том числе и отсутствие крупных контрагентов производителей с рационально поставленным производством. Образование мощных овощных колхозов коренным образом изменило бы положение кооперации на овощном рынке; к тому же они были бы одними из наиболее доходных предприятий в системе производственной кооперации.

Можно было бы перечень иллюстраций по микрорайонированию и выявлению основных специальных направлений колхозов бесконечно продлить, но и сказанного вполне достаточно, чтобы уяснить все значение и богатое содержание этой совершенно назревшей работы. В процессе микрорайонирования каждый уголок Союза должен выявить свое лицо в колхозном строительстве, наиболее благоприятный в данных конкретных условиях тип колхоза, наилучший набор его технического вооружения, как и, наоборот, способ извлечения максимального социально-реконструктивного эффекта из всех наших технико-реконструктивных начинаний. Общие рассуждения о недостатке средств совершенно неосновательны в данном случае. Сначала надлежит выявить с возможной обстоятельностью, точностью и полнотой характер и размер необходимой со стороны промышленности для дела коллективизации помощи, потом лишь можно будет вполне обоснованно и точно говорить о действительных лимитах ее. В противном случае получается то, что выше отмечено о водном хозяйстве, т.-е. неиспользование для коллективизации даже ценных наличных технико-реконструктивных начинаний, явно напрашивающихся на извлечение их социально-реконструктивной зарядки.

(Продолжение следует).

К. Попов.

Об исторических условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

(Статья первая.)

I. Программа Коминтерна об основных типах революции.

Программа Коминтерна, принятая его VI конгрессом, делит страны современного капиталистического мира по «условиям и путям» перехода к пролетарской диктатуре на такие основные типы [1]):

1) «Страны высокого капитализма (Соединенные Штаты, Германия, Англия и т. д.) с могущественными производительными силами, централизованным в высокой степени производством, с относительно малым значением мелкого хозяйства, с давно уже сложившимся буржуазно-демократическим политическим строем. В этих странах в области политической основным требованием программы является прямой переход к диктатуре пролетариата»...

2) «Страны со средним уровнем развития капитализма (Испания, Португалия, Польша, Венгрия, балканские страны и т. д.) с имеющимися налицо значительными остатками полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве, с известным минимумом материальных предпосылок, необходимым для победоносного социалистического строительства, с еще незавершенным буржуазно-демократическим преобразованием. В одних из этих стран возможен процесс более или менее быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую»; в других — типы пролетарских революций, но с большим об'емом задач буржуазно-демократического характера»...

3) «Колониальные и полуколониальные страны (Китай, Индия и т. д.) и страны зависимые (Аргентина, Бразилия и проч.) с известными зачатками, а иногда и значительным развитием индустрии, недостаточным, однако, в большинстве случаев для самостоятельного социалистического строительства страны, с преобладанием феодально-средневековых отношений или отношений азиатского способа производства как в экономике страны, так и в ее политической надстройке, наконец, с сосредоточением в руках иностранных империалистических групп важнейших промышленных, торговых, банковских предприятий, основных средств производства, земельных латифундий и плантаций и т. д. Переход к диктатуре пролетариата возможен здесь по правилу лишь через ряд подготовительных ступеней, лишь в результате целого периода

[1]) Цитируем по изданию ГИЗ 1928 г., стр. 77—80. Разрядка наша.

перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, а успешное социалистическое строительство, в большинстве случаев—лишь при условии прямой поддержки со стороны стран пролетарской диктатуры».

4) Еще более отсталые страны (например, некоторые части Африки), где «почти нет или вовсе нет наемных рабочих, где большинство населения живет в условиях племенного быта и где сохранились еще остатки первобытно-родовых форм, где почти отсутствует национальная буржуазия и где иностранный империализм играет в первую очередь роль военного оккупанта. ...Национальное восстание и его победа могут открыть здесь дорогу развитию к социализму, без прохождения стадии капитализма, если будет на деле оказана могущественная помощь странами пролетарской диктатуры»....

С точки зрения того вопроса, который стоит в заголовке нашей статьи, нас могут, очевидно, интересовать лишь первые три из намеченных программой Коминтерна типов стран. Страны четвертого типа могут миновать капиталистическую стадию развития, и там не приходится говорить о буржуазно-демократической революции и ее «перерастании» ни в прошлом, ни в будущем. Из стран же первых трех типов одни рано или поздно, но уже прошли через этап буржуазных революций, то более или менее завершенных, то более или менее куцых, ограниченных в своих «демократических преобразованиях», и эти революции не связаны с пролетарской революцией непрерывным революционным процессом. Другим еще предстоит пройти через этап буржуазно-демократической революции, и в них эти революции, в современных условиях, как правило, являются более или менее непосредственным преддверием пролетарской, перерастают в нее.

К первой категории стран, очевидно, относится первый основной тип стран по программе Коминтерна («страны высокого капитализма»). Но к ней же следует отнести и одну из групп второго «основного типа» по той же программе,—ту группу стран «со средним уровнем развития капитализма», в которых еще не завершены буржуазно-демократические преобразования, но завершаться они будут не на особом этапе буржуазно-демократической революции, а непосредственно самой пролетарской революцией, в качестве ее побочной задачи. Различие от стран «высокого капитализма» здесь огромно, необходимость покончить со значительными остатками полуфеодальных отношений наложит особую печать на пролетарскую революцию в этой группе стран, но того революционного процесса, который известен под именем «перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую», здесь не было и не будет так же, как в странах «высокого капитализма».

Ко второй категории стран относится третий основной тип стран по программе Коминтерна—колониальные и полуколониальные страны типа Китая и Индии и «зависимые страны» типа Бразилии и Аргентины. И к этой же категории относится в свою очередь другая группа стран второго основного типа по коминтерновской программе, та группа, в которой тоже возможен процесс «перерастания», но процесс более быстрый, чем в странах «колониальных и полуколониальных» и «зависимых», не достигших еще «среднего уровня развития капитализма». Разница и здесь опять-таки значительная, ибо значительно различие в уровне развития капитализма и в степени сохранения докапиталистических отношений, но по существу взаимоотношение между буржуазно-демократической и пролетарской революцией там и тут одно и то же: в обоих случаях мы имеем «перерастание», хотя и с различной степенью преодолеваемых трудностей и с различным темпом непрерывного революционного процесса.

Таким образом, программа КИ, говоря об «основных типах пролетарских революций», этим самым говорит и об основных типах революций буржуазно-демократических, различая среди них революции перерастающие и не перерастающие в пролетарскую. Это различие основано в конечном счете на старом ленинском различении буржуазно-демократических революций на революции «обычного» и необычного типа, ибо буржуазно-демократической революцией необычного типа была для него именно революция, имеющая тенденции перерасти в революцию пролетарскую.

На чем основано это различие? Какие исторические условия создают эти революции необычного типа, не похожие на буржуазные революции старого Запада Европы, создают возможность их «перерастания»?

Само собой разумеется, что программа Коминтерна, говоря о перерастании буржуазно-демократических революций в революции пролетарские, возможность такого перерастания в странах определенных типов обусловливает наличностью развернутых противоречий современной империалистической эпохи. Эта эпоха создает все необходимые условия для перерастания. И то обстоятельство, что единственный до сих пор случай фактически осуществившегося перерастания буржуазной революции в революцию пролетарскую, произошел в нашей стране именно в условиях империалистической эпохи, и притом в условиях величайшего обострения ее противоречий в результате империалистической войны,—служит подтверждением несомненности такого положения. Однако, также несомненно, что такой ответ на поставленный вопрос был чрезвычайно общим, и потому не исчерпывающим. Программа Коминтерна, конечно, не удовлетворяется им. Она, как это видно уже из приведенных нами выдержек, с большой конкретностью обрисовывает специфические особенности тех типов стран, в которых империалистическая эпоха ведет к перерастанию буржуазно-демократической революции в пролетарскую. И мы увидим ниже, что эта обрисовка совершенно соответствует тем историческим условиям, в которых по марксо-ленинскому учению мыслимо «перерастание».

Но, с другой стороны, положение, что развернутые противоречия империалистической эпохи являются основным условием «перерастания», как-будто впадает в противоречие с тем фактом, что Маркс и Энгельс говорили о возможности «перерастания», о возможности «непрерывной революции» в Германии в условиях середины девятнадцатого столетия, т. е. в условиях совсем не империалистической эпохи, а Ленин говорил о «непрерывной революции» в России в условиях 1905—1907 гг., т. е. в условиях, когда империализм не развернул еще всей совокупности своих противоречий и особенностей, и они еще не были вскрыты марксистским анализом самого Ленина.

Выходит так, что если для нас в настоящее время перерастание буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую не мыслится иначе, как в связи с историческими условиями империализма, то для Маркса—Энгельса середины XIX века и для Ленина периода первой русской революции оно мыслилось и вне этих условий.

Очевидно, вопрос требует более детального рассмотрения, чем простая ссылка на условия империализма. Очевидно, также, что вопрос требует некоторого анализа того, что говорилось Марксом — Энгельсом и Лениным о «непрерывной революции» в указанные выше периоды.

II. Маркс—Энгельс в 1850 г. и Ленин в 1905 г. о „непрерывной революции“.

Когда Ленин в 1905 г. писал, что «от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции», когда он выбрасывал лозунг «мы стоим за непрерывную революцию» (т. VI, изд. 1922, стр. 449), то для него русская буржуазно-демократическая революция имела следующие особенности:

1) Это революция, от которой буржуазия отходит уже на первых ее стадиях, в которой буржуазия не может и не будет играть роль движущей, а тем более возглавляющей революцию силы: это—революция без революционного участия буржуазии, неустойчивость, трусость, половинчатость, антиреволюционность которой должна быть «парализована» другими, действительно революционными силами,—пролетариатом и крестьянством.

Это революция, в которой руководящая роль «парализуемой» буржуазии заменяется руководящей ролью пролетариата.

2) Это революция, оселком которой является аграрно-крестьянский вопрос; это буржуазная революция, низвергающая до конца феодально-крепостнические отношения, но революция не капиталистов, а крестьян против помещиков, к р е с т ь я н с к а я революция, в которой в с е крестьянство, как единая сила, выступает против помещиков и против помещичьего самодержавия, под руководством пролетариата.

3) Это революция, действительная победа которой выливается в революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, имеющую свое «прошлое» и свое «будущее». Прошлое—в борьбе против «самодержавия, крепостничества, монархических привилегий» в союзе со всем крестьянством; будущее—в борьбе «против частной собственности, борьбе наемного рабочего с хозяином, борьбе за социализм» [1]) в союзе с деревенской беднотой при нейтрализации среднего крестьянства и мелкой буржуазии вообще. «Прошлое» в завершении задач уничтожения до конца всех остатков феодально-крепостнических отношений, «будущее» в «непрерывной революции», приводящей к уничтожению капиталистических отношений—к диктатуре пролетариата.

Коротко говоря, это — к р е с т ь я н с к а я р е в о л ю ц и я, р у к о в о д и м а я п р о л е т а р и а т о м и п е р е р а с т а ю щ а я (имеющая тенденцию перерасти) в р е в о л ю ц и ю с о ц и а л и с т и ч е с к у ю.

К этим трем чертам буржуазно-демократической революции в России («крестьянская», «руководимая пролетариатом», способная «перерасти» в пролетарскую) для В. И. Ленина периода 1905—1907 годов неизменно прибавляется и четвертая, без которой не мыслится им и самая возможность ее перерастания в революцию социалистическую: буржуазно-демократическая революция в России совершается в такой международной обстановке, когда в Европе условия для социализма достигли «зрелости вообще». Именно поэтому полная победа демократической революции в России «дает нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот» [2]).

Сравним эту ленинскую концепцию буржуазно-демократической революции в России 1905—1907 гг. с марксо-энгельсовской концепцией германской буржуазно-демократической революции, как она дана в «Обращении ЦК к союзу коммунистов Марта 1850 г.

Концепция германской революции в «Обращении» сводится к таким моментам:

1) Германская буржуазия и в частности буржуазия либеральная уже в 1848—1849 годах показала свою неспособность играть действительно революционную роль и следовательно возглавлять буржуазно-демократическую революцию для ее завершения: она предала революцию, «вступив в союз с устраненной в марте (1848 г. *К. П.*) феодальной партией», «уступив господство снова этой феодальной абсолютистской партии» [3]). Этим самым

[1]) Том VI, изд. 1922 г., стр. 395.

[2]) Там же, стр. 357. Сравни т. VI того же издания, стр. 129 и «Ленинский Сборник» V, стр. 452 (тезис 6-й конспекта статьи «Этапы, направление и перспективы революции»).

[3]) «Историч. работы Маркса и Энгельса», изд. ГИЗ, стр. 498.

она, как и русская буржуазия, выпала со счета классовых сил Германии, способных вести сколько-нибудь решительную борьбу с феодализмом.

2) В той «новой революции», которая по «Обращению» неизбежно должна последовать в ответ на «феодальную контрреволюцию», роль революционных сил могут сыграть лишь городская мелкая буржуазия, крестьянство и пролетариат, при чем городская мелкая буржуазия, крестьянство и «деревенский пролетариат, пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов» [1]), будут возглавляться мелкобуржуазной демократической партией, которая должна будет в новой революции сыграть ту же самую «предательскую роль», какую в 1848 году играли либеральные буржуа

3) «Пролетариат городов» с его рабочей партией, являясь союзником мелкой буржуазии и крестьянства и не отказываясь от временных соглашений с мелкобуржуазными демократами в борьбе против феодальной контрреволюции, в то же время должны выступить «возможно более организованно, возможно более солидарно и возможно более самостоятельно», чтобы не попасть на буксир не только либеральной буржуазии, как это «было в 1848 году», но и мелкобуржуазных демократов.

Пролетариат и его партия должны поставить и преследовать в предстоящей революции свои особые, самостоятельные классовые задачи. «В то время как «демократические мелкие буржуа хотят... наиболее быстро закончить революцию», стремясь лишь «к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество», интересы и задачи пролетариата и его партии будут заключаться в том, чтобы «с д е л а т ь р е в о л ю ц и ю н е п р е р ы в н о й, до тех пор пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, п о к а п р о л е т а р и а т н е з а в о ю е т г о с у д а р с т в е н н о й в л а с т и» для социалистических преобразований и пока социалистический переворот не охватит «всех господствующих стран мира» [2]).

4) «Непрерывная революция», по пути которой пойдет пролетариат Германии, должна будет пройти через этап мелкобуржуазной демократической власти, в которой пролетариат не участвует, направляя свое «недоверие» и борьбу уже не против победоносной реакционной партии», а «против своих собственных союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя», т.-е. против мелкобуржуазных демократов [3]). В этой борьбе «демократы» будут «об'единяться с крестьянами», стремясь «создать мелкобуржуазный крестьянский класс», рабочие же городов «должны об'единяться с сельским пролетариатом». Вместе с сельским пролетариатом, отвоевав его из-под влияния мелкобуржуазных демократов, они и придут через непрерывную революцию к завоеванию власти.

5) Путь пролетариата к власти будет «продолжительным путем революционного развития», но он будет «сильно ускорен» тем, что «первый акт этой революционной драмы совпадает с прямой победой» рабочего класса Франции [4]).

В этой концепции Маркса и Энгельса мы так же, как в концепции Ленина для России 1905—1907 гг. видим «непрерывную революцию», но по ее пути пролетариат идет внутри страны как-будто совершенно одиноким, в надежде только на помощь социалистической революции на Западе, в данном случае—во Франции. Однако, достаточно вспомнить, чем был «сельский пролетариат» Германии, с которым по «Обращению» должны об'единиться

[1]) Там же, стр. 500.

[2]) Там же, стр. 501.

[3]) Там же, стр. 503.

[4]) Там же, стр. 507.

рабочие городов, чтобы сказать, что союзником городского пролетариата в «Обращении» выступает не только и даже не столько сельский пролетариат в собственном смысле этого слова, сколько сельский рабочий с наделом, т.-е. деревенская беднота Германии того времени. В этом отношении различие между концепцией революции и стратегическим планом Ленина 1905—1907 гг. для России и Маркса—Энгельса 1850 г. для Германии только видимое. Точно так же можно говорить о том, что только видимым является и другое различие: в то время как у Ленина середняк в процессе непрерывной революции нейтрализуется, у Маркса и Энгельса «крестьянство» вообще (за исключением сельских полупролетариев), фигурирует об'единяющимся с мелкой буржуазией города против пролетариата. Надо думать, что эта позиция «крестьянства» для середняка (мелкого крестьянина по терминологии Энгельса) является лишь временной, непосредственно после завершения буржуазно-демократической революции. Надо иметь в виду общий взгляд Маркса и Энгельса того времени, что без крестьянского «хора» пролетарская революция «во всех крестьянских странах» обречена на гибель. Надо, кроме того, исходить из предположения, что работа пролетариата и его партии, стремящаяся «компрометировать» мелкобуржуазных демократов в глазах народных масс, и «предательская роль» самих этих демократов по отношению к «народу» должны в конечном счете сорвать их «об'единение» с мелким крестьянином. Поэтому можно сказать, что и по Марксу—Энгельсу «непрерывная революция должна, если не перевести этого крестьянина на сторону пролетариата, то нейтрализовать его. Гораздо важнее этих скорее видимых, чем действительных различий в концепциях Маркса—Энгельса и Ленина[1]) другие различия уже совершенно неоспоримые.

В концепции и стратегическом плане «непрерывной революции» в «Обращении» Маркса и Энгельса так же, как у Ленина 1905—1907 гг. отпадает не только руководящая, но и вообще революционная роль либеральной буржуазии в завершении буржуазно-демократической революции. Но не становится *гегемоном* буржуазно-демократической революции и пролетариат. Он борется рядом с городской мелкой буржуазией и крестьянством, выступая их союзником в борьбе против феодализма. Мало того, он является наиболее решительным, стойким и последовательным борцом в демократической революции. Но он не возглавляет мелкой буржуазии и крестьянства в этой революции. Гегемоном (по отношению к деревенской бедноте) он выступает уже в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. В соответствии с этим у Маркса—Энгельса нет ленинской «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». У них есть, как и у Ленина, «прошлое» и «будущее» буржуазно-демократической революции: «прошлое»—в уничтожении феодально-крепостнических отношений в союзе со всем крестьянством и «будущее»—в борьбе за уничтожение капиталистических отношений в союзе с деревенской беднотой. Но это «прошлое» и «будущее» не связано с революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. В свое время Плеханов корил Ленина отсутствием в «Обращении» Маркса—Энгельса этого лозунга и на этом основании обвинял Ленина в антимарксистской точке зрения на участие рабочей партии в революционном правительстве. Ленин тогда же (в 1905 г.) дал по этому поводу суровую и исчерпывающую отповедь Плеханову. Он отметил словами Маркса и Энгельса из «Обращения» следующий итог тому положению с партией мелкобуржуазной демократии и с рабочей партией, которое сложилось в Германии к 1850 году: ...«*в то время как демократическая партия,*

[1]) На этих «видимых различиях» мне приходилось уже подробнее останавливаться в своей брошюре «Маркс и Энгельс о крестьянстве в пролетарской революции» (ГИЗ, 1928 г., стр. 43—52).

партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных целей и в силу этого *попала в общем всецело под господство и под руководство мелкобуржуазных демократов».* (Подчеркнуто у Ленина). Сославшись на этот итог, Ленин говорит: «После двух лет открытой революции, после победы народного восстания в Берлине, после созыва революционного парламента, после того, как часть страны находилась в открытом восстании и власть переходила в руки революционных правительств, Маркс констатирует поражение революционного народа и, в отношении партийной организованности, *выигрыш* мелкобуржуазной демократии, *проигрыш* рабочей партии. Разве это не указывает яснее ясного на такую политическую ситуацию, когда вопроса об участии рабочей партии в правительстве не к чему было и ставить? После 2-х лет революционной эпохи, когда Маркс в течение девяти месяцев издавал открыто самую революционную газету рабочей партии, приходится констатировать полную дезорганизацию этой партии, полное отсутствие сколько-нибудь резко выраженной пролетарской струи в общем течении... полное подпадение пролетариата не только под господство, но и под руководство буржуазии! Очевидно, что экономические отношения были еще крайне неразвиты, крупная промышленность почти отсутствовала, никакого самостоятельного рабочего движения в сколько-нибудь серьезных размерах не было, мелкая буржуазия господствовала безраздельно. *Понятно, что при таких условиях писателю, разбирающему конкретную ситуацию, нельзя было даже допускать мысли о возможности участия рабочей партии во временном правительстве»*—пишет Ленин. (Т. VI, изд. 1922, стр. 212—213). Понятно, что при таких условиях не могло быть и речи о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Какая может быть диктатура пролетариата и крестьянства, если пролетариат только-что в революционные годы оказался подпавшим «под руководство буржуазии», если еще нет самостоятельно организованной рабочей партии, если в силу этого пролетариат еще не может выступать *гегемоном*, вождем остальных трудящихся масс в завершении буржуазно-демократической революции. Ему нужно еще самому освободиться от руководства буржуазии и мелкобуржуазных демократов. Ему нужно еще самому сложить свою самостоятельную рабочую партию. А это он сможет сделать только в процессе дальнейшей революционной борьбы». «Понятно поэтому, что Маркс,—говорит В. И.,—должен был вдалбливать (извините за выражение) членам союза коммунистов такие истины, которые нам теперь кажутся азбучными». Сущность этих истин сводится к одной основной: «мы должны организоваться самостоятельно, непременно, безусловно, во что бы то ни стало самостоятельно,—иначе и при грядущей победе усилившей свою организацию и могучей мелкобуржуазной партии мы тоже будем в хвосте» (там же, стр. 213). Только при этом условии, только в том случае, если германские рабочие «будут выяснять себе свои классовые интересы», если они займут «свою самостоятельную классовую позицию и ни на одно мгновение *не дадут лицемерным фразам демократических мелких буржуа сбить себя с позиции самостоятельной организации партии пролетариата»*[1]), они смогут завершение буржуазно-демократической революции превратить в «непрерывную революцию», а в ее результате власть «демократических мелких буржуа» сменить своей властью. Они не смогут еще встать во главе всех трудящихся

[1]) «Обращение ЦК к союзу».—«Историч. работы Маркса и Энгельса», ГИЗ, стр. 507.

масс в завершении буржуазно-демократической революции, они не успеют еще для этого достаточно сложиться в самостоятельную политическую силу, прежде чем одержанная при их участии, и даже главным образом их силой, победа над феодальной контрреволюцией поставит у власти мелкую буржуазию[1]). Но они смогут уже использовать эту победу для того, чтобы двинуть революцию дальше и в огне революционной борьбы против своих вчерашних союзников—мелкобуржуазных демократов—сложиться в силу, способную притти к собственной победе при помощи социалистической революции во Франции. Такова основная мысль «Обращения».

Отличие от ленинской концепции буржуазно-демократической революции в России 1905—1907 гг. тут несомненно, но оно целиком вытекает из отличия исторических условий Германии середины XIX века и России начала XX века. В России уже было самостоятельное рабочее движение в неизмеримо более серьезных размерах, чем в Германии середины XIX века. В России уже была гораздо более организованная, росшая и крепшая самостоятельная рабочая партия, уже—в лице ее большевистского крыла—противопоставлявшая себя либеральной буржуазии и отмежевавшаяся от мелкобуржуазной демократии. В России пролетариат уже показал себя на деле, как революционная сила, идущая во главе революционного движения и увлекающая за собой крестьянство, в то время как в Германии в революционные 1848—1849 годы он оказался еще в хвосте буржуазии. Поэтому для России лозунг гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства были действительными лозунгами, вытекавшими из конкретной политической ситуации 1905 года, а для Германии 1850 года они еще не могли быть поставлены.

При этих серьезных различиях между ленинской 1905—1907 гг. и марксо-энгельсовской 1850 года концепциями «непрерывной революции», между ними имеется безусловное сходство, безусловное родство, как в значительной части тех существенных моментов, которые определяют собой, почему с точки зрения Маркса—Энгельса германская революция середины XIX века, а с точки зрения Ленина русская революция начала XX века была способна в результате «продолжительного пути революционного развития» перерасти в революцию пролетарскую.

Обе они отрицают и руководящую и вообще революционную роль капиталистической буржуазии в завершении буржуазно-демократической революции. Обе они (но ленинская в гораздо большей мере, чем марксо-энгельсовская) подчеркивают значение для этого завершения крестьянства в целом, как класса, противостоящего феодально-крепостническим отношениям в деревне. В обеих них руководящая сила буржуазно-демократической революции (у Маркса—Энгельса городская мелкая буржуазия и ее партия—партия мелкобуржуазных демократов, у Ленина—пролетариат и его партия) ведет за собой это крестьянство в целом. В обеих пролетариат является союзником мелкой буржуазии и всего крестьянства в борьбе против феодализма, но союзником со своими самостоятельными классовыми целями, со своей самостоятельной задачей превратить революцию в непрерывную для завоевания своей диктатуры в союзе с полупролетариями деревни. Наконец, в обеих них этому завоеванию предшествует социалистическая революция на Западе.

(Продолжение следует).

---

[1]) Мелкобуржуазные демократы по «Обращению», возьмут власть в свои руки, хотя победа будет «общей» и хотя она будет «добыта главным образом рабочими благодаря их мужеству, решительности и готовности к самопожертвованию». («Обращение ЦК к союзу».—«Историч. работы М. и Э.», ГИЗ, стр. 502).

Беннет.

Борьба против оппортунизма и примиренчества в германской коммунистической партии.

«В Центральном Комитете коммунистической партии Германии произошла серьезная перегруппировка сил на основе пережитого политического кризиса. Выкристаллизовалась правая (т. Брандлер), получившая, однако, ничтожное меньшинство в ЦК (два голоса из двадцати семи)». Эти строки мы заимствовали из введения к резолюции ИККИ от 19 января 1924 года. И в том же введении сказано, что «ИККИ стал на ту точку зрения, что в настоящий момент необходимо полное сплочение центрального ядра с левой против оппортунистических ошибок правой (разрядка моя). Из сказанного явствует, что брандлеровская разновидность оппортунизма имеет уже сравнительно долгую историю и что нынешний этап характеризуется лишь вступлением оппортунистической группы в рядах германской компартии на новый путь, на путь раскола партии и создания новой откровенно-оппортунистической партии. «Главное для нас, твердят теперь брандлеристы, не партия, а революция». (Цитируем по статье т. Ульбрихта в «Правде» от 22 ноября с. г.).

Автор этого откровенно-ликвидаторского заявления вряд ли отдавал себе отчет в том, что брандлеризм выкристаллизовался в обстановке революционной борьбы 1923 г. и был проверен Коммунистическим Интернационалом на революционной практике. Приговор ИККИ сформулирован в упомянутой выше резолюции от 19 января 1924 г. следующим образом: «Если, несмотря на революционную ситуацию и на все старания Коммунистического Интернационала и коммунистической партии Германии, дело не дошло ни до решительного революционного боя, ни до массовой политической борьбы, то причиной тому была совокупность всех ошибок и недочетов, отчасти выразившихся и в оппортунистических уклонах» (разрядка моя). К характеру ошибок, а равно и к природе оппортунистических уклонов, выявившихся в конце 1923 г., мы еще вернемся. Здесь мы только отметим, что о расколе партии во имя «революции» твердят громче всех непосредственные виновники поражения революции при наличии революционной ситуации.

Приведенной справки вполне достаточно, чтобы умозаключить, что поход брандлеристов менее всего связан с нашумевшим делом Витторфа. Брандлеризм оформился как отчетливое оппортунистическое течение за годы до того, как Витторф присвоил и растратил партийные деньги. Оживление же брандлеризма и его новая тактическая установка обусловлены не действиями тех или иных членов партии, а теми грандиозными сдвигами, которые произошли в германской экономике за истекшие пять лет.

Октябрьское поражение (1923 г.) стало исходным пунктом стабилизации капиталистических отношений в Германии. Успешная ликвидация революционного кризиса подняла кредитспособность Германии и создала необходимые предпосылки для ее дауэсизации. Американское золото в сочетании с потом германских пролетариев дало возможность германскому капитализму быстро окрепнуть и расправить свои крылья. В последнее время очень часто пишут о той роли, какую сыграл приток иностранного капитала в деле восстановления германского капитализма. Забывают прибавить, что, опираясь на свою бескровную октябрьскую победу, германская буржуазия смогла, благодаря активной помощи реформистов, навязать германским пролетариям удлиненный рабочий день и сокращенную заработную плату. Еще по сей день огромный процент немецких пролетариев, особенно в металлургии и в текстильной промышленности, бессилен добиться возврата к 8-часовому рабочему дню.

Относительная стабилизация германского капитализма, невзирая на то, что она осуществлялась на спине рабочего класса, имела своим последствием укрепление и усиление реформизма. Для буржуазии октябрь (1923 г.) был бескровной победой, ставшей началом ее быстрого роста; для рабочего класса октябрь был поражением в результате отступления без боя, заметно дезорганизовавшим его ряды. Естественно, что октябрь повлек за собою тяжелый кризис для германской компартии и стал исходной точкой восстановления рядов социал-демократии, пришедших в заметное расстройство в течение 1923 г., когда пролетарские массы так отчетливо проявляли тягу к коммунизму. Дальнейшие успехи капиталистической стабилизации вновь создали благоприятную почву для реформизма, сила которого представляет собою отражение силы капитализма.

Верно, что германской компартии удалось сравнительно легко изжить послеоктябрьский кризис. Было бы, однако, роковой ошибкой не видеть всех результатов октябрьского поражения и не учитывать той силы, какую германская социал-демократия ныне представляет. Возросшей силой реформизма обусловлено оживление оппортунистической группировки в рядах компартии. Нет ничего удивительного в том, что именно в Германии—в стране максимальных успехов послевоенной капиталистической стабилизации—оппортунистические элементы внутри компартии выступают сплоченными рядами, переходя в открытое наступление против Коминтерна за полную ревизию ленинской линии революционной борьбы. «То, чего требует Гаузен и чего требуем мы—это радикальная реформа партии, а также всего Коминтерна, реформа с ног до головы» (из письма Тальгеймера, Вальхера, Фрейлиха и др. от 18 октября, адресованного Исполкому Коминтерна).

Истоки брандлеризма.

Чтобы правильно понять сущность брандлеризма, мы должны обратиться к существу ошибок 1923 года. Для этого мы можем ограничиться тем анализом, который сделан был Коминтерном по горячим следам в январе 1924 года. Решающую ошибку партруководства в 1923 г., которое возглавлялось Брандлером, Коминтерн усматривал в непонимании роли социал-демократии вообще, левых социал-демократических вождей в особенности. «Недооценка сил контрреволюции в особенности выразилась в том, что партия недостаточно учла роль социал-демократии, как тормозящей силы в пролетариате» (резолюция ИККИ от 19 января 1924 г.).

Свое доподлинно-оппортунистическое понимание и восприятие социал-демократии Брандлер с особой яркостью выявил в своем докладе президиуму Коминтерна 11 января 1924 г. «В Саксонии,—заявил Брандлер,—нам тоже удалось взять под свое руководство не только беспартийную рабочую массу, но и организованную социал-демократическую, и случилось это благодаря проводимой нами в Саксонии политике, помешавшей коалиции социал-демократов с буржуазией и приведшей к тому, что под давлением социал-демократической рабочей массы даже правые, оппортунистически настроенные вожди отвергли правительственную коалицию с буржуазией и, опять-таки под давлением социал-демократической и беспартийной рабочей массы, из'явили готовность сотрудничать с коммунистами».

Здесь что ни слово—то перл. Брандлер так упоен сотрудничеством с социал-демократией, что он даже не замечает, что в результате этого «сотрудничества» «проводимая нами в Саксонии политика» привела к позорнейшему краху. Упомянутая выше резолюция ИККИ от 19 января называет саксонский опыт «нереволюционным парламентским сотрудничеством с «левыми» социал-демократами». Та же резолюция, отмечая подлое поведение главарей социал-демократии в подавлении гамбургского восстания, заключает: «Поведение их (главарей соц.-дем. в Гамбурге) в данном случае есть лишь оборотная сторона медали, лицевую сторону которой украшает поведение Цейгнера и его «левых» в Саксонии». А Брандлер в восторге от сотрудничества с Цейгнером! Верно, в результате сотрудничества получилось поражение. Но это Брандлера мало смущает. «При той совокупности условий,—заявляет Брандлер,—которая была налицо на этот раз и в период мартовского выступления в 1921 г., я повторяю, сложись обстоятельства еще раз таким же образом, я опять стал бы проводить ту же политическую линию и ту же тактику» (доклад на заседании президиума 11 января 1924 г.). Мы, таким образом, получили от Брандлера торжественное обещание и впредь стремиться к «нереволюционному парламентскому сотрудничеству с «левыми» социал-демократами». Забегая вперед, скажем, что он своему слову остался верен и теперь пытается превратить свое слово в дело, правда, в иной обстановке и иными средствами.

Но вернемся к «саксонскому эпизоду». В своей директиве от 1 октября 1923 г. ИККИ предлагал германской компартии вступить в коалиционное правительство с соц.-демократами в целях вооружения 50—60 тысяч рабочих. Цель была четко сформулирована: вооружение рабочих. Брандлер же превратил коалицию с соц.-демократами в парламентское соглашение, повлекшее за собою политическое разоружение пролетариата. На «левых» социал-демократов он смотрел, как на союзников и даже после октября, он не понял той предательской роли, какую «левые» социал-демократы сыграли в организации победы буржуазии.

Брандлер возглавлял германскую компартию в 1923 г., т.-е. через три с лишним года после того, как второй конгресс Коминтерна принял тезисы Ленина об основных задачах Коминтерна, которые Ленин дополнительно раз'яснил в ответе Серрати и Нобсу (см. «Фальшивые речи о свободе», т. XVII, стр. 368 и дальше). В этом замечательном ответе Ленин писал: «Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, нельзя победить в пролетарской революции, нельзя отстоять ее. Это очевидно принципиально. Это подтверждено наглядно опытом и России, и Венгрии. Это соображение решающее». Но Брандлер после венгерского опыта и вопреки точному смыслу урока саксонского опыта клялся остаться верным саксонской тактике.

Программа брандлеризма.

Октябрьское поражение имело своим последствием перегруппировку сил в рядах германской компартии, и брандлеристы были удалены от руководства. От своих ошибок брандлеристы, однако, не отрекались. Оставаясь в рядах партии, они спокойно и, очевидно, уверенно ждали, что история в конечном счете их оправдает и что они еще смогут вернуться к руководству

партией. Через три года после того, как Коминтерн осудил брандлеризм, как правый оппортунизм, брандлеристы выступают с программой действия, которую они противопоставляют общей линии германской компартии и Коммунистического Интернационала. Программу свою они сформулировали в виде платформы, которую Вальхер и Мельхер представили Эссенскому партейтагу (март 1927 г.).

Раньше, чем перейти к сущности этой программы, необходимо бросить взгляд на ту обстановку, которая создалась в Германии накануне эссенского с'езда. В январе 1924 г.—об этом убедительно свидетельствуют протоколы германской комиссии ИККИ—Брандлер понимал неизбежность и необходимость крутого сдвига влево. Мыслимо, конечно, что и тогда Брандлер надеялся на провал левого руководства, который задним числом оправдает его политику в 1923 году. Но в январе 1924 г. результаты октябрьского поражения еще не вполне обозначились. Многие допускали, что после короткой передышки—в три-четыре месяца—рабочий класс сможет еще раз вступить в бой. Эти предположения не оправдались. Началась длительная полоса капиталистического наступления. И брандлеристы начинают выступать тверже и увереннее по мере того, как Германия ускоряет свой бег по пути капиталистической стабилизации.

Внутрипартийное положение также казалось брандлеристам в высокой степени благоприятным. Позорный провал руководства Рут Фишер они расценивали, как крах *левого курса*. Они естественно рассматривали себя, как законных претендентов на руководство, и в качестве таковых они и представили свою программу Эссенскому с'езду.

В чем же заключается программа брандлеристов? В платформе, представленной Вальхером и Мельхером Эссенскому с'езду мы читаем:

> «Об'единяющим лозунгом в текущей борьбе с монополистической политикой трестов должен быть лозунг рабочего контроля над производством... Лозунгу хозяйственной демократии коммунисты противопоставляют лозунг рабочего контроля над производством. Борьба с политикой трестов под лозунгом контроля над производством подводит прочную основу под союз всех трудящихся, возглавляемых пролетариатом, под союз пролетариата, крестьянства и средних городских слоев, особенно крупное значение имеет лозунг контроля над производством для сельских рабочих и мелких крестьян».

Чтобы не оставить никаких сомнений о характере этого «об'единяющего лозунга», авторы новой платформы поясняют:

> «При нынешней неострой революционной ситуации главная задача производственного контроля—планомерный и организованный подбор материала, разоблачающего политику цен, проводимую монополиями, отдельными трестами и крупными банками».

Нет надобности доказывать, что под этой их революционной платформой, заключающейся в изучении цен, подпишутся и ученики школы Томаса и Жуо. Сторонники же хозяйственной демократии в Германии имеют полное право сказать, что на сей раз их программа преподнесена под соусом «рабочего контроля». Вместе с тем у защитников лозунга «рабочего контроля» хватило наглости изобразить этот лозунг, как доподлинно революционный, как лозунг, равносильный лозунгу диктатуры пролетариата. Брандлер, выступивший со статьями в защиту платформы своих друзей, в январе текущего года писал:

> «*Рабочий контроль над производством есть не что иное, как отстранение капиталистов или их уполномоченных от дела управления предприятием, взятие дела управления производством и регулирования товарообмена в свое ведение органами трудящихся*». («Комм. Интерн.» от 6 января 1928 года).

И дальше тот же Брандлер поясняет:

> «Установление контроля над производством равносильно революционному вмешательству в капиталистическое хозяйство — первому шагу по пути экспроприации экспроприаторов, иными словами—в борьбе за власть. Таким образом, борьба за контроль над производством есть высокая ступень политической борьбы».

Сравните эти разглагольствования об экспроприации экспроприаторов с раз'яснением, что производственный контроль заключается в планомерном и организованном подборе материалов—и вы получите: 1) отчетливую реформистскую программу; 2) безответственную игру революционной фразой, и 3) фактический отказ от диктатуры пролетариата.

Впрочем, производственный контроль, по мысли Брандлера, должен заменить не только диктатуру пролетариата, но и все формы классовой борьбы:

> «Без установления рабочего контроля,—пишет Брандлер,—без проникновения в коммерческие тайники этого концентрированного капитала и без яростной борьбы с каждым отдельным случаем надувательства, всякая борьба за заработную плату и за рабочее время, всякая деятельность профсоюзов, направленная к снабжению трудящихся дешевыми предметами массового потребления, всякая забота о жилище, всякая социально-политическая деятельность есть сизифова работа». (Там же).

Итак, пресловутый производственный контроль превращается в альфу и омегу классовой борьбы.

Брандлеристы прекрасно понимали, что для внедрения в партию всеоб'емлющего лозунга о рабочем контроле необходимо добиться радикального пересмотра отношения как к социал-демократии, так и к Амстердаму.

Программа, принятая единогласно VI конгрессом Коммунистического Интернационала, точно и твердо устанавливает место социал-демократии вообще, левой социал-демократии—в особенности. Программа подчеркивает, что левая социал-демократия является опаснейшей фракцией социал-демократической партии. Иной взгляд на левую социал-демократию развивают брандлеристы. Для них левая социал-демократия является тем мостиком, через который коммунистическое движение должно быть направлено в лоно откровенного реформизма. «Невозможно,—пишет Вальхер,—долго об'яснять-ся в любви левым социал-демократическим рабочим и в то же время изображать всех вкупе левых вождей как наихудших и опаснейших врагов» (см. «Интернационал» № 7, стр. 210). И дальше тот же Вальхер прибавляет: «Есть левые вожди, которые, правда, постоянно идут на трусливые уступки правым и отстаивают официальную политику германской социалистической партии, но, тем не менее, считают себя хорошими классовыми бойцами и искренно убеждены, что полевение германской социалистической партии возможно и что им удастся снова сделать социалистическую партию классовой и боевой партией пролетариата». А Брандлер доводит мысль Вальхера до логического конца (см. «Коммунистический Интернационал», № 52, стр. 44): «*В иные моменты центристская идеология может быть для рабочих этапом по пути от реформизма к коммунизму*».

Брандлеристы, конечно, не ограничились только платонической защитой центристской идеологии и левой социал-демократии. Отстраненные от руководства коммунистической партией, они сохранили некоторые позиции

в профсоюзном движении. Эти свои позиции они используют для того, чтобы бороться... не против Амстердама, а против Профинтерна и ошибочной политики Коминтерна. Они настаивали на том, что «если считать нужным прибегать к таким фразам, что амстердамцы—союзники капитала и штрейкбрехеры,—то мы не можем двигаться дальше». (Из речи Поллера). Но зато они успешно двигались «дальше», сопротивляясь организации стачечных комитетов во время забастовок и признавая, что «профсоюзы поступили правильно, высказавшись за рационализацию».

Проповедь производственного контроля взамен диктатуры пролетариата сопровождалась, таким образом, защитой левой социал-демократии и Амстердама и непосредственной помощью амстердамцам в деле капиталистической рационализации.

Общее наступление брандлеристов.

В течение сравнительно долгого времени брандлеристы ограничивались отдельными вылазками против партии и Коминтерна. Уже IX пленум Коминтерна вызвал серьезную тревогу в среде германских оппортунистов. Верно, что пленум не занимался специально германским вопросом. Но все решения пленума были заострены против реформизма и против пережитков реформизма в рядах компартии (резолюции о тактике французской и английской компартии). Сторонники «гибкой» тактики в отношении Амстердама почувствовали себя особенно ущемленными резолюцией пленума о профсоюзах, резолюцией, выявляющей штрейкбрехерскую роль героев Амстердама. Еще большую тревогу в среде брандлеристов вызвал последовавший за IX пленумом IV конгресс Профинтерна. За этим конгрессом следуют первые попытки открытого бунта со стороны брандлеристов. Последней каплей, переполнившей чашу терпения немецких оппортунистов, является VI конгресс Коммунистического Интернационала, об'явивший беспощадную войну правым уклонам вообще, брандлеризму в особенности. Политическая резолюция VI конгресса, принятая единогласно 29 августа с. г., определенно говорит о правых уклонах в Германии: «Лозунг производственного контроля в данный момент, оппозиция решениям IV конгресса Профинтерна, соглашательское отношение к левой социал-демократии и т. д.».

Памятуя, что наступление—лучшее средство обороны (в Саксонии, когда речь шла о борьбе за пролетарскую диктатуру, Брандлер это золотое правило забыл), брандлеристы об'единились в поход против германской компартии и Коминтерна. Фракционная деятельность брандлеристов развивается с молниеносной быстротой. Лишь 18 октября брандлеристы выдвинули требование реформы Коминтерна «с ног до головы», а теперь эта группа уже сложилась в фракцию, которая рвет партийную дисциплину, подготовляя новую центристскую партию, как мост от коммунизма к реформизму. Более того, в прессе уже идет перекличка брандлеристов с «левыми» ренегатами из Ленинбунда, с одной стороны, и с «левыми» социал-демократами из «Лейпцигер Фольксцейтунг»—с другой. «Лейпцигер Фольксцейтунг» от 2 ноября вполне солидаризируется с Фрейлихом и Бехтером в борьбе против... коррупции в германской компартии, Урбанс откровенно заявил 22 октября, что его цель «завоевать партию», а посему он и его соратники должны стремиться к сотрудничеству с брандлеристами. Таким образом, в перекличке нащупывается возможность «тройственного союза» против германской компартии и Коминтерна.

Брандлеристы, конечно, тщательнейшим образом скрывают свою политическую платформу. Они прекрасно понимают, что в обстановке напряженной классовой борьбы, когда социал-демократы—правые и «левые»—изо дня в день изобличают себя, как агентов капитализма, неразумно выступать с проповедью терпимости к амстердамцам и с предложением блока с левыми

социал-демократами, которые только тем и занимаются, что прикрывают лживыми фразами своих правых партнеров. Брандлеристы предпочитают поэтому облечься в мантию защитников морали партии, и они выступают не против политики компартии, а против «нравов», якобы в ней царящих.

День 18 октября следует считать днем открытого об'явления войны Коминтерну брандлеристами. В этот день Гельм и Гаузен, с одной стороны, Тальгеймер, Вальхер и др.,—с другой, выступили с «грозными» обвинениями против руководства германской компартии и против линии Коминтерна. «Те директивы,—писали Гельм и Гаузен,—партийного руководства, которые ведут к гибели партии, не могут претендовать на то, чтобы их осуществляли». Тальгеймер и К°, выступившие с требованием «реформы с головы до ног», об'явили, что, «поскольку решения VI конгресса имеют это содержание («утверждение руководства партии в лице Тельмана и его друзей»), мы отклоняем их, как в корне неправильные и катастрофические для развития партии».

Со дня 18 октября много воды утекло: брандлеровская фракция уже обзавелась фракционной газетой (в Офенбахе) и бюллетенем (в Бреславле). Уже состоялась конференция—очевидно, учредительная—всех брандлеровцев из всей Германии, которая, кстати сказать, показала всю слабость этих строителей новой партии (всего в ней участвовало 52 человека). Короче говоря, «реформа», возвещенная 18 октября, уже облеклась в форму откровенно-раскольнических действий, невзирая на то, что «сам» Брандлер призывает своих друзей воздержаться от «неосторожных раскольнических мероприятий».

Вместе с тем, документы 18 октября заслуживают того, чтобы на них несколько подробнее остановиться.

При чтении этих документов в глаза прежде всего бросается желание их авторов оглушить и ошеломить читателя. Гаузен и Гельм начинают свое послание «убийственным» заявлением, что «коммунистическая партия Германии находится в настоящее время на краю гибели». За этим заявлением следует сообщение, что партия в антиброненосной кампании потерпела «потрясающее поражение». Опасаясь, очевидно, что и этих оглушительных изречений недостаточно, чтобы поколебать авторитет партии, авторы украшают свое заявление указанием на «снова и снова вскрывающиеся нарывы, вызываемые коррупцией», и площадной руганью по адресу «обанкротившейся партийной бюрократии» (читай: ЦК партии). Но все эти «сильные слова» представляют собою только орнамент для простой, но ясной социал-демократической мысли, заимствованной непосредственно со страниц «Форвертс'а». Эта мысль выражена следующими словами: «Новый курс..., утвержденный VI всемирным конгрессом, означает прекращение тактики единого фронта в профсоюзах и в других массовых организациях, будет благоприятствовать раскольнической политике реформистов». Все «язвы», «нарывы» и «поражения» понадобились только для того, чтобы взвалить на Коминтерн ответственность за подлую политику главарей реформистских союзов. К сказанному прибавим, что в своей первой программной речи на фракционном собрании в Хемнице Брандлер призывал в экономической борьбе строго и неуклонно придерживаться профсоюзных рамок. Компартии надо раскалывать, а линию реформистских профбюрократов надо свято блюсти—таков символ веры Брандлера и его соратников!

Перейдем теперь к более пространному заявлению Тальгеймера и К°. Оно изобилует не менее «страшными» словами, чем письмо Гаузена—Гельма. В постановлении президиума ИККИ от 6 октября по делу Витторфа они усматривают «серьезное нарушение интересов КПГ, Коминтерна и русской революции». Далее следуют упражнения на те же темы: «коррупция», «гниющие язвы», «катастрофический исход броненосной кампании» и т. д., и т. д.

Но и Тальгеймер нечаянно для себя выявил в этом письме не только свое мещанское тупоумие, но и свое оппортунистическое отношение к социал-демократии. По мнению Тальгеймера, главная причина «катастрофического исхода броненосной кампании» заключается в том, что «в виде центрального лозунга кампании наш ЦК выдвинул лозунг: против социал-демократии». Видать, что ЦК германской компартии удовлетворил бы целиком и полностью Тальгеймера, если бы он главным лозунгом броненосной кампании выдвинул лозунг борьбы против Коминтерна. Ведь, друзья Тальгеймера так и поступили: в разгар кампании против броненосной кампании они начали поход против Тельмана, против руководства КПГ и против ИККИ.

Ныне брандлеристы выступают резче и отчетливее—иначе быть не могло. Раскольническая фракционная борьба имеет свою логику. «Саксонский эпизод» был началом. Всеоб'емлющий лозунг рабочего контроля был программным обоснованием тактики, стремящейся приспособить коммунизм к реформизму. Заключительным аккордом этой оппортунистической линии является общее наступление против программы и тактики Коминтерна под знаком борьбы за центристскую партию. «Саксонский эпизод» мог бы остаться только эпизодом, если бы брандлеристы имели мужество осознать и признать свои оппортунистические ошибки. Но этого не случилось. Уклон вырос в течение, группа превратилась во фракцию, отдельные вылазки против линии Коминтерна—в общее наступление, и брандлеристы ныне катятся в болото откровенного реформизма под дружеские аплодисменты старых друзей—«левых» саксонских социал-демократов.

Антиброненосная кампания.

В борьбе против КПГ и Коминтерна брандлеристы по сей день цепляются за дело Витторфа, с одной стороны, за антиброненосную кампанию—с другой. Нас, конечно, значительно больше интересует изучение хода и исхода антиброненосной кампании. Вместе с тем, мы обязаны предварительно остановиться на анализе дела Витторфа, хотя бы потому, что первая часть дискуссии в рядах германской коммунистической партии—от 6 октября до 3 ноября—была тесно связана и переплетена с злополучным гамбургским делом.

Дело Витторфа дало брандлеристам первую и легкую победу в рядах германской коммунистической партии. В союзе с примиренцами, о роли которых речь будет впереди, брандлеристы сумели навязать центральному комитету германской компартии постановление от 26 сентября. 27 сентября, когда «Роте Фане» опубликовала постановление германского ЦК, содержащее осуждение тов. Тельмана, правые чувствовали себя именинниками. В осуждении Тельмана они усмотрели исходную точку перегруппировки сил в руководстве германской кампартии и начало ликвидации отчетливого курса, принятого VI конгрессом Коммунистического Интернационала.

Через несколько дней брандлеристы уже испытали первое разочарование: 25 членов центрального комитета, т.-е. подавляющее большинство его, признали постановление ЦК ошибочным. За этим сообщением последовала резолюция ИККИ, которая привела в ярость не только правых, но и примиренцев. Все надежды, которые правые и примиренцы возлагали на свою победу от 26 сентября, сразу рухнули. И естественно, что правые, а вместе с ними и примиренцы попытались опереться на ошибочное постановление от 26 сентября в борьбе против резолюции президиума ИККИ от 6 октября.

В чем заключается основной смысл резолюции президиума ИККИ от 6 октября? Президиум ИККИ в первую очередь признал, что «ЦК КПГ поступил правильно в том отношении, что со всей строгостью действовал в деле Витторфа о растрате партийных денег, исключив Витторфа за это престу-

пление из партии». Президиум далее признал, что «товарищ Тельман... совершил серьезную ошибку тем, что, узнав о расстрате Витторфа, не довел о ней немедленно до сведения центрального комитета». Вместе с тем, президиум констатировал, что ЦК КПГ «совершил опаснейшую для партии ошибку», опубликовав резолюцию с осуждением тов. Тельмана в крайне трудной для партии обстановке во время кампании против броненосной социал-демократии. Эту грубую ошибку ЦК президиум осудил. Но осуждением не ограничился. Он выявил и разоблачил доподлинный смысл постановления ЦК и заклеймил истинных виновников этой ошибки, которые «вознамерились использовать дело Витторфа в фракционно-групповых интересах против тов. Тельмана, как одного из виднейших представителей линии VI конгресса, пытаясь добиться изменения руководства партии и тем самым сорвать проведение в КПГ принятого VI конгрессом КИ политического курса».

Резолюция президиума ИККИ от 6 октября одним ударом вскрыла всю подлость маневров правых, попытавшихся, прикрывшись тогой лицемерного благочестия, начать политическую кампанию против Коммунистического Интернационала. Вполне естественно, что эта резолюция не пришлась по вкусу ни правым, ни примиренцам, активно помогавшим правым в проведении маневра 26 сентября.

Это постановление превратило легкую победу правых в блоке с примиренцами в исходную точку решительной борьбы против правой опасности и против примиренческого отношения к правым уклонам, которая (борьба) уже в первые три недели дала сокрушительные результаты для брандлеристов. Только в Нижней Силезии, Тюрингии, Франкфурте и Вюртемберге правым удалось мобилизовать вокруг себя руководящие элементы местных организаций. Но не надо забывать, что в данном случае речь идет как раз о тех округах, в которых правые получили руководящие посты после Эссенского с'езда. Если же мы бросим взгляд на всю остальную Германию, то мы увидим, что все усилия правых направить свои отравленные стрелы против руководства германской компартии, в связи с делом Витторфа, кончились полнейшим крахом. Этот крах получил свое окончательное выражение на партконференции 3—4 ноября: на этой партконференции решение ИККИ было одобрено 221 голосом против 4 (против голосовали правые из Лейпцига и Тюрингии), при чем 19 человек из примиренческой группы голосовали за резолюцию с оговорками.

Мы поэтому могли бы считать инцидент Витторфа совершенно законченным. И брандлеристы начинают чувствовать и сознавать, что трудно индивидуальное преступление отдельного члена партии изобразить, как симптом развала и разложения. Ни Коммунистический Интернационал в целом, ни коммунистические партии в различных странах не обладают такими патентованными средствами, которые сделали бы невозможным проникновение в партию от'явленных негодяев или слабовольных людей, способных поддаться развращающему влиянию буржуазной среды. Задача коммунистических партий заключается лишь в том, чтобы напряженно следить за своими членами и безжалостно выгонять из коммунистической среды тех, кто недостоин звания коммуниста. Центральный комитет исключил Витторфа из партии, иными словами, применил к нему высшую меру партийного наказания. Исключение утверждено Коммунистическим Интернационалом. Этим дело Витторфа раз и навсегда исчерпано.

Но брандлеристы пытаются нажить капитал на ошибке тов. Тельмана. У тов. Тельмана хватило пролетарского мужества признать свою ошибку и осудить ее более резким образом, чем это сделали центральный комитет германской коммунистической партии и президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Характернее всего то, что об ошибке тов. Тельмана, которую он с революционной прямотой честно при-

знал, громко вопиют те, которые в течение пяти лет не могли набраться духа признать роковые для дела революции ошибки, совершенные ими в 1923 г. Эти грозные прокуроры—Тальгеймер, Вальхер, Бетхер и другие, очевидно, полагают, что прозевать революционную ситуацию и заменить вооружение рабочих парламентским соглашением с социал-демократией является маловажной ошибкой в сравнении с той ошибкой, которую совершил тов. Тельман! В этом их отношении к своим собственным ошибкам, с одной стороны, и к ошибке, допущенной тов. Тельманом—с другой, сказывается вся оппортунистическая установка и мещанская узколобость правой фракции.

Перейдем теперь к антиброненосной кампании. Тальгеймер и К° утверждают в цитированном выше письме от 18 октября, что «поражение броненосной кампании тем серьезнее, что это—первое крупное выступление не только КПГ, но и всего Коминтерна против империалистических военных приготовлений». В этой оценке значения антиброненосной кампании мы видим чудовищное преувеличение роли и места антиброненосной кампании в борьбе против империализма, при чем это преувеличение отмечено явно оппортунистическим и реформистским отношением к борьбе против империализма вообще. Очевидно, что Тальгеймер и его сподвижники потому считают антиброненосную кампанию первым крупным выступлением всего Коминтерна, что они вообще признают только те кампании, которые так или иначе связаны с выборами, с голосованием в рамках буржуазной демократии. Героическую борьбу китайского пролетариата Тальгеймер, очевидно, не может признать серьезной кампанией против империализма. В Китае никто не голосовал, никто не подписывал петиций, да и вообще никакой демократической конституции в Китае не было. Тальгеймер также вряд ли признает особенно важной ту работу, которую ведут коммунистические партии в войсках. Демонстрации резервистов и матросов во Франции, на которые Французская Республика отвечает каторжными приговорами, Тальгеймер, вероятно, рассматривает, как простое озорство. Ясно, что мы отнюдь не можем согласиться с мыслью Тальгеймера, будто антиброненосная кампания является первым крупным выступлением Коминтерна против империализма. Но это отнюдь не может и не должно помешать нам самым серьезным образом относиться к этой кампании и постараться постичь ее урок.

Броненосец А, который строится броненосной социал-демократией, является материальным воплощением «новой» установки германской буржуазии, открыто подготовляющейся к тому, чтобы с оружием в руках участвовать в новом переделе земного шара. К тому же этот броненосец является как бы дополнением—и крайне существенным дополнением—к общей западной ориентации германской буржуазии, по существу направленной и заостренной против первого социалистического государства. В этих условиях и в этой обстановке коммунистическая партия Германии была призвана развить максимальную энергию, чтобы нанести сокрушительный удар той социал-демократии, которая буквально в одни и те же часы подписывала резолюции о международной солидарности в качестве секции II Интернационала и закладывала броненосец А в качестве соучастницы гинденбургского коалиционного правительства.

Справилась ли германская коммунистическая партия с этой задачей? Было бы жесточайшей ошибкой считать результаты антиброненосной кампании в какой бы то ни было мере удовлетворительными. Германская коммунистическая партия имела все основания рассчитывать на более успешную и на более эффективную мобилизацию пролетарских масс против броненосца и против броненосной социал-демократии. Отнюдь не разделяя катастрофических воплей брандлеристов, мы все же должны самым спокойным и самым

трезвым образом проанализировать причины неуспеха кампании, которая, казалось, была начата в общем и целом в благоприятной обстановке.

В первую очередь необходимо отметить, что антиброненосная кампания была недостаточно подготовлена в организационно-политическом отношении. Германская коммунистическая партия должна была учесть, что именно в этой кампании она будет иметь против себя коалицию всей буржуазной Германии, включая как германскую социал-демократию, так и реформистское руководство профессиональных союзов. Броненосец А является символом веры как буржуазии, так и социал-демократии. Всенародная борьба против броненосца вряд ли была по плечу германской коммунистической партии. Ясно, что задача германской коммунистической партии заключалась в том, чтобы сосредоточить борьбу в промышленных районах, в крупных и крупнейших фабрично-заводских предприятиях. В борьбе против броненосца германская коммунистическая партия могла опереться только на активные элементы рабочего класса, в том числе и на честных пролетариев, остающихся в рядах социал-демократической партии. Всякая попытка расширения кампании и превращения ее во всенародную кампанию, охватывающую и сельские местности и мелкую буржуазию, должна была неминуемо иметь своим последствием распыление сил коммунистической партии и ослабление эффекта кампании.

Вторым важным моментом, сыгравшим отрицательную роль в развитии кампании, является наличие в рядах коммунистической партии отчетливо-оппортунистической группировки. Подобно тому, как германской коммунистической партии трудно овладевать экономическими боями, когда ее собственные члены, в качестве активных работников профсоюзов, сопротивляются созданию стачечных комитетов и об'единению неорганизованных рабочих, так еще в большей степени германской коммунистической партии трудно бороться против социал-империализма, проникающего в ряды рабочего класса, при наличии в составе коммунистической партии элементов, определенно тяготеющих к так называемой левой социал-демократии.

В отношении броненосной кампании брандлеристы сумели не только ослабить идеологическую мощь компартии, но внести непосредственные элементы дезорганизации в антиброненосную кампанию. Тщательное изучение работы коммунистической партии в промежуток между 26 сентября и последним днем подачи голосов против броненосца показывает, что правым в союзе с примиренцами удалось отодвинуть антиброненосную кампанию на задний план и поставить во главу угла кражу, совершенную Витторфом. Все внимание партии было заострено на внутрипартийном положении, на угрозе со стороны брандлеристов начать ликвидаторско-раскольническую работу в тот самый момент, когда вся обстановка требовала максимального сплочения всех сил коммунистической партии.

Брандлеристы, хихикающие ныне по поводу неудовлетворительных результатов антиброненосной кампании, поразительно напоминают социал-демократов, которые всеми силами защищают капиталистические устои, злорадно утверждая, что коммунистический прогноз о быстром развязывании мировой социальной революции оказывается неверным.

Однопременно необходимо признать, что весь ход и исход антиброненосной кампании показывает силу реформизма, активно и успешно защищающего и отстаивающего империалистические и милитаристские вожделения германской буржуазии в среде рабочего класса. Борьба против социал-реформизма требует—таков важнейший урок антиброненосной кампании—ленинского сплочения германской коммунистической партии и в первую очередь ликвидации той правой фракции, которая нанесла жестокий удар кампании против броненосной социал-демократии своим фракционным походом против партии.

К сказанному прибавим, что тактика социал-демократии после окончания антиброненосной кампании показывает, что результаты кампании отнюдь не следует считать катастрофическими. Германская социал-демократия вынуждена была выступить в парламенте против броненосца и таким образом снова продемонстрировать пред лицом германского пролетариата свое циничное двурушничество.

Брандлеристы и примиренцы.

Нынешняя обстановка все более обостряющейся классовой борьбы властно требует от германской коммунистической партии максимального сплочения ее рядов на основе директив VI конгресса Коммунистического Интернационала в целях успешной и плодотворной борьбы против коалиции социал-демократии и буржуазии. Все более определяющаяся антисоветская и империалистическая ориентация германской буржуазии получает свое выражение в непосредственных приготовлениях к совместным действиям Германии с прочими империалистическими державами. Одновременно германская буржуазия стремится разрешить противоречия, неизбежно вырастающие на почве капиталистической стабилизации, попытками дополнить капиталистическую рационализацию, означающую жесточайшее усиление темпа работ и неслыханное расходование живой рабочей силы, ухудшением и без того жалкого прожиточного уровня пролетарских масс. Локауты, ставшие обычным явлением в Германии, являются тем орудием, при помощи которого германский капитал пытается удешевить изделия своего производства и повысить нормы своей прибыли за счет ухудшения положения рабочего класса.

В этих условиях германская коммунистическая партия призвана самым срочным и самым безотлагательным образом организовать активную боевую защиту интересов рабочего класса, которая должна стать исходной точкой развернутой наступательной борьбы против коалиции буржуазии и социал-демократии. Выполнение этой задачи непосредственно и неразрывно связано с активной и решительной борьбой против оппортунистических элементов в рядах самой коммунистической партии. Ликвидация брандлеристского гнезда оппортунизма становится насущной и безотлагательной задачей германской коммунистической партии.

В борьбе против брандлеристов особую опасность представляет теперь примиренческое отношение к правым. Примиренцы, которые на словах согласны бороться с правыми и выполнять директивы VI конгресса Коминтерна, на деле прикрывают оппортунистов и, выступая открыто против партруководства, фактически помогают ликвидаторско-раскольнической деятельности брандлеровской фракции.

Примиренческая группа в германской компартии возглавляется товарищами Эвертом и Геррардом. В заявлении, посланном ими членам и кандидатам ЦК от 18 октября, они пишут: «Между нами и правыми не было и не будет никакого блока». В своем заявлении от 4 ноября они называют «фракционной ложью» указание на их блок с правыми. Но Ленин учил нас в политической борьбе не верить на слово, а сверять слова с делами. Если мы обратимся к действиям группы Эверта и Геррарда, то мы увидим, что эта группа, хотя она и клянется в верности резолюциям VI конгресса, на деле помогает брандлеристам срывать генеральную линию VI конгресса.

Как ведут правые борьбу против германской коммунистической партии? Мы уже отмечали, что они по возможности умалчивают о производственном контроле, о центристской идеологии, о качествах левых социал-демократов и амстердамцев. Их ядовитое жало заострено против так называемой коррупции, против внутрипартийного режима и т. д. Выступления группы Эверта по существу идут в том же направлении. В заявлении от 17 октября, подписанном Эвертом, Эберлейном, Дитрихом, Куртом и Геррардом, эта группа об'ясняет тенденцию брандлеристов к ликвидации германской компартии не относительной стабилизацией германского капитализма, не силой реформистов в стране, а... «возмущением членов партии поведением тов. Тельмана и большинства ЦК». Это «марксистское» об'яснение раскольнической политики правых группа Эверта дополняет повторением на все лады основных жупелов брандлеристов о бюрократическом партийном режиме, «об узкой группе лиц, опирающейся на искусственно достигаемый механическими мероприятиями «авторитет» (под механическими мероприятиями, очевидно, разумеется решение эссенского партейтага и VI конгресса Коминтерна).

Такие параллельные выступления против руководства германской компартии и против Коммунистического Интернационала об'ективно означают укрепление позиции оппортунистов в их развернутой борьбе против компартии. Отдельные выступления примиренцев совместно с большинством против правых не могут умалить значения того факта, что примиренцы атакуют партруководство, когда вся обстановка требует сплоченной борьбы против правой опасности.

Борьба в Германии вступила в решительную фазу. Острая грань отделяет ленинскую линию Коминтерна от реформистско-ликвидаторской линии, защищаемой и осуществляемой на практике правой фракцией. Каждый член германской компартии должен теперь выбирать: либо он идет с Коминтерном и с подавляющим большинством германской коммунистической партии в беспощадной борьбе против всех форм и проявлений оппортунизма в рядах компартии, либо же он в открытой или в скрытой форме помогает раскольнической деятельности брандлеристов. Середины нет и быть не может.

Конференция германской коммунистической партии от 3 и 4 ноября наметила отчетливую программу действия, имеющую своей целью полное и всестороннее осуществление на практике резолюций VI конгресса Коминтерна. Мы уже отметили, что эта программа была принята подавляющим большинством. Иными словами, конференция показала наличие твердого и непреклонного желания германской коммунистической партии, преодолевая все препятствия, выполнить свои задачи, как организатора и руководителя классовой борьбы германского пролетариата и как одного из лучших отрядов пролетарской армии. Решения этой конференции являются последним предостережением примиренцам. Конференция авторитетно заявила, что группа Эверта и Геррарда отмежевывается от правых только на словах, участвуя на деле в поддержке все более усиливающейся дезорганизаторской деятельности правых раскольников. Примиренцам надо выбирать: либо вместе со всей партией бить правых, либо быть битыми вместе с правыми.

Е. Варга.

Обострение империалистических противоречий и репарационный вопрос.

А. Новый этап в репарационной промблеме.

Переговоры об эвакуации оккупированных частей Рейнской области привели к официальиому признанию необходимости пересмотра репарационного вопроса. Шесть [1]) держав, заинтересованных в первую очередь в репарационном вопросе, призиали «необходимость полного и окончательного урегулирования репарационной проблемы» [2]) и избрание для этой цели «комиссии финансовых экспертов, назначенных шестью правительствами».

Важность этого заявления заключается в том, что этим самым все заинтересованные державы, в том числе и Фраиция, признают, что репарационный вопрос еще не урегулирован окончательно. Как известно, французские государственные деятели придерживались до сих пор формально-юридической точки эрения, согласно которой репарационная комиссия (лондонский ультиматум 1921 г.) окончательно установила общую сумму долга Германии в размере 132 миллиардов [3]) План Дауэса устаиовил, по их мнению, лишь порядок и размеры первых взносов, ио общей суммы не изменил. Согласно этой точке зрения, эта сумма может быть изменена лишь по единогласному решеиию репарационной комиссии, хотя для всех было ясио, что не приходится и думать о фактическом ежегодиом получении 5% с общей суммы, равиой 132 миллиардам марок, т.-е. 66 миллиардам золотых марок. Это было косвенным образом признано, когда вся эта сумма была разделена на 50 миллиардов, на которые должны насчитываться проценты, и 82 миллиарда, на которые «пока» проценты не насчитываются. Но формальноюридически это обязательство Германии остается в силе до сих пор.

Что заставило державы Аитанты и в первую очередь Фраицию признать необходимость окончательного урегулирования репарационной проблемы?

Причина заключается не в остром кризисе плана Дауэса, а в обострении империалистических противоречий. Избрание новой комиссии экспертов вовсе не вызвано желанием действительно разрешить репарационную проблему. Но, связав эту проблему с вопросом о межсоюзных долгах, комиссия призвана разоблачить Соед. Штаты, как препятствие к разрешению репарационного вопроса, и таким образом испортить добрые отношения между Америкой и Германией и создать единый фронт всех империалистических

[1]) Эти державы: Англия, Франция, Италия, Бельгия, Япония и Германия.

[2]) «The necessity for a complet and definit settlement of the reparation problem»... (коммюнике 6 держав от 14 сентября).

[3]) Формально проценты со всей суммы, поскольку они не покрываются в духе плана Дауэса платежами Германии, периодически приписываются бухгалтером репарационной комиссии к сумме долга, в результате чего эта сумма, несмотря на колоссальные платежи, растет из года в год. (См.: Зеринг: «Германия под планом Дауэса», Берлин, 1928 г., стр. 37).

государств - должников против Соед. Штатов. Короче говоря, репарациоиный вопрос должеи стать одним иэ составных элеметов двух крупных противоречий, а именно: между Соед. Штатами и Англией и между капиталистическим миром и Советским Союзом.

Б. Нет никакого острого кризиса плана Дауэса.

Признание необходимости окончательного урегулирования репарационной проблемы не является следствием острого кризиса плана Дауэса. Нет острого кризиса, и благодаря механизму плана Дауэса он и не мог бы наступить раньше, чем через 3—5 лет.

Кризис мог бы наступить, 1) если бы оказалось невозможиым получить внутри страны сумму, необходимую для уплаты годичного взноса; 2) если бы оказался невозможным, перевод сумм, полученных для уплаты репараций (проблема трансферта).

Мы уже при самом появлении плана Дауэса указывали на то, что Германия, без сомнения, сможет внутри страны собрать суммы, необходимые для предусмотрениых репарационных взносов, ио что перевод этих сумм натолкнется на крупиейшие препятствия и должен с течеиием времени привести к кризису. Что предусмотренные планом Дауэса суммы можно собрать внутри страны, показывает ие только опыт, ио и соображения, основывающиеся на числовых данных.

Вагеман, директор кон'юнктурного института, определяет общую сумму «ценностей», произведенных Германией в 1925 г., в 53 миллиарда марок [1]). Сюда входят «услуги» иа 6 миллиардов, представляющих собой особый доход, который следует вычесть иэ этой суммы. Сюда же отиосится и часть накладиых расходов капиталистического производства. Мы, таким образом, можем считать, что общая ценность продукции Германии (v + m) равнялась в 1925 г. 45 миллиардам марок, а в настоящем году приблизительно 50 миллиардам марок, если мы примем во внимание увеличение количества безработных, интенсификацию труда и т. д. Таким образом, полные годичные взносы по репарациям представляют собой не больше 5% годичной продукции Германии. Реальное иакопление оценивалось до войны ежегодно в 8 млрд. марок [2]), а в настоящее время в 7—9 млрд. Таким образом, полные взносы по репарациям представляют собой около 25 — 30% ежегодного накопления.

Репарационные взносы, будь то налоги на транспорт, налоги на промышленность, проценты по ж.-д. обязательствам и т. д., представляют собой часть продукции, забираемой государством у частных лиц и предприятий. При сравнении общей массы налогов и пошлин оказывается, что часть продукции, забираемая государством в Германии, относительно не на много больше, чем в Англии или Франции. Государственный бюджет этих стран равняется на 1928—1929 г. в круглых цифрах:

В Англии 756 млн. фунт		15 миллиардов марок.
Во Франции (бюджет)	45 миллардов франк.	
„ (амортизац. касса)	7 миллардов франк.	
	52 „ „	8,5 „ „
В Германии (с пошлиной с ж. д.) около		12 „ „

Германия, число жителей которой в полтора раза превышает население Англии или Франции, находится между обеими странами в отношении размера своего бюджета. Таким образом, Германия и в налоговом отношении без сомнения, в состоянии нести репарационное бремя.

[1]) Учение о кон'юнктуре. Берлин, 1928 г., стр. 32.

[2]) Там же, стр. 27.

Наконец, что касается классового значения репарационного бремени, то не подлежит сомнению, что оно ложится в первую очередь на пролетариат. Пока, однако, оказалось, что и рабочие справляются с этим бременем. Реальная зарплата германских квалифицированных рабочих немного ниже (на 5—10%), а неквалифицированных немного выше довоенной реальной зарплаты. Это значит, что рабочие нисколько не воспользовались повышением продуктивности труда по сравнению с довоенным временем, которое вызвано рационализацией. Несмотря на это, реальная зарплата германских рабочих является наиболее высокой в Европе, за исключением английских и скандинавских рабочих [1]). Именно поэтому репарационное бремя не вызвало особого обострения классовой борьбы (как это ожидалось особенно в наших кругах): после страшных лишений военного и инфляционного периода возвращение к довоенному уровню жизни явилось весьма значительным улучшением для германского пролетариата, подействовавшим смягчающим образом на взаимоотношение классов.

Однако, мы должны сделать важную оговорку по поводу всего того, что мы говорили о способности Германии нести репарационное бремя во внутренне-экономическом и классовом отношении. Рост ежегодной продукции, наступивший во время действия плана Дауэса и снизивший относительную долю репарационных платежей в общих расходах с 10 до 5%, приближение реального накопления почти к довоенному уровню, все это стало возможным благодаря широкому притоку иностранного капитала. Без этой иностранной помощи, которая сделала возможной не только трансферт (перевод) репараций, но и восстановление германского хозяйства, глубоко расшатанного в 1923 г., Германии было бы гораздо труднее нести бремя репараций, классовая борьба значительно быстрее обострилась бы, вся репарационная проблема была бы значительно более трудной и гораздо скорее привела бы к острому кризису, чем теперь. Перевод репарационных платежей также не привел к кризису плана Дауэса и в ближайшие годы и не приведет. План Дауэса и лондонское соглашение [2]), как известно, разрешают в случае, если перевод репараций (трансферт) невозможен в виду сопряженной с этим опасности для устойчивости германской валюты предоставить германской буржуазии через посредство Рейхсбанка собранные в стране деньги до 2 млрд. марок в виде краткосрочных кредитов. Если будет собрано еще 3 млрд., то эти деньги можно вложить в германские ценные бумаги. Только, когда сумма, которую нельзя перевести, превысит 5 млрд. марок, т.-е. два полных годичных репарационных взноса, вклады должны быть временно приостановлены, пока не станет возможным трансферт.

[1]) Сравнительные, хотя и весьма примитивные, данные «Международного бюро труда» дают следующую картину за апрель 1928 г.: принимая реальную зарплату лондонского квалифицированного рабочего в апреле 1928 г. за 100, мы имеем следующую таблицу:

Дублин	Копенгаген	Стокгольм	Амстердам	Берлин	Париж	Мадрид
110	107	86	85	65	56	54
Брюссель	Прага	Вена				
53	51	—				

Во всех остальных европейских столицах—меньше 50. Мы подчеркиваем: основа для сравнения весьма примитивна (приняты во внимание только жизненные припасы и квартирная плата), но все же она дает приблизительное представление («Международный обзор труда» за июль 1928 г., стр. 125).

[2]) Один из немногих пунктов, измененных лондонским соглашением в заключении Дауэса, гласит: «Трансфертный комитет лишь тогда может, согласно п. 6-му заключения, отпустить денежные суммы в марках для покупок (которые иностранцы делают в Германии), если и как только собранные фонды превысят ту сумму, которую эмиссионный банк намерен принять, как краткосрочный вклад» (постановление 4-е, последний абзац лондонского соглашения). Этим самым разрешается германской буржуазии временно пользоваться суммами, которые невозможно переводить в качестве репарационных платежей

Но, как известно, к концу четвертого года действия плана Дауэса в Рейхсбанке не имеется никаких непереведенных репарационных сумм. Далее, можно с уверенностью предположить, что и в ближайшие годы можно будет трансферировать часть полных ежегодных платежей (в виде поставок натурой). Не раньше, чем через три года, а скорей всего лишь по истечении пяти лет может накопиться непереводимая сумма в 5 миллиардов, являющаяся предельной согласно плану Дауэса, и только тогда наступит острый кризис этого плана.

Мы видим, таким образом, что не непосредственные экономические мотивы, стоящие в связи с «кризисом плана Дауэса», заставили Францию признать необходимость разрешения репарационного вопроса, т.-е. пересмотра плана Дауэса, а империалистические соображения более «высокого» порядка. Но прежде, чем перейти к этому вопросу, мы снова коснемся трансфертной проблемы.

B. Существует ли вообще трансфертная проблема?

«Опыт и только опыт может показать, какие суммы можно в действительности переводить в иностранной валюте». (Заключение Дауэса, стр. 32 франкфуртск. издания).

Заключение Дауэса основывается на том соображении, что только опыт может показать, можно ли будет переводить репарационные платежи и в каких размерах. Имеющийся опыт показывает, что до сих пор платежи переводились без затруднений.

Этот факт дал повод некоторым американским и английским экономистам совершенно отрицать существование трансфертной проблемы. Важнейшим представителем этого течения является бывший главный бухгалтер репарационной комиссии П. Од [1]). Политический смысл кампании, проводимой Одом, заключается в том, чтобы доказать, что Америка вполне в состоянии получить от союзников все свои долги. Это—кампания против какого-либо нового снижения или аннулирования межсоюзных долгов. Его основная идея заключается в следующем:

До войны Англия получала по своим основным требованиям ежегодный доход в 200 млн. фунт. стерлингов из других стран и при этом никто не слыхал о какой-либо трансфертной проблеме. Англия даже и в настоящее время прилагает все старания к тому, чтобы восстановить это положение путем вывоза своего капитала за границу. Почему же должна существовать трансфертная проблема для Соед. Штатов?

На это мы хотели бы возразить следующим образом:

Англия является густо населенной промышленной страной, нуждающейся в огромных количествах иностранных с'естных припасов, текстильного сырья, кож, дерева, металлов и т. д., и она поэтому разрешает беспошлинный ввоз этих товаров. Соед. Штаты же являются до настоящего времени аграрно-промышленной страной, вполне обеспеченной (за немногими исключениями) с'естными припасами и сырьем. Соед. Штаты могут принимать платежи из-за границы исключительно в виде золота, предметов роскоши и пр. И, действительно, платежный баланс Соед. Штатов показывает, что доходы, получаемые из помещенных за границей капиталов—поскольку они вновь там не инвестируются—расходуются главным образом за границей американскими туристами. Пока происходит рост благосостояния и расходов американской буржуазии на предметы роскоши, увеселительные поездки и пр., Соед. Штаты действительно смогут тратить доход с капиталов, вложенных за границей, на покупку предметов искусства, драгоценных камней и пр.

[1]) См. прежние его статьи в «Анналисте»; его книгу «План Дауэса и новая экономика», 1927 г., и, наконец, его недавно появившуюся брошюру: «Мифологическая трансфертная проблема».

Но если даже предположить, что Соед. Штаты имеют возможность получить платежи по межсоюзным долгам и что трансфертные затруднения получателя, таким образом, преодолимы, то это еще далеко не доказывает, что и Германия в состоянии переводить репарационные суммы. Здесь нужно в первую очередь подчеркнуть то обстоятельство, что, если трансферт до сих пор удавался, то это абсолютно не является доказательством того, что он будет возможен и в будущем. До сих пор вообще не происходило никакого трансферта, а только «мнимый трансферт», как я это называю, если для уплаты репараций пользуются не собственной продукцией и заключают для этого заграничные займы.

Так оно, как известно, до сих пор и было. Не считая репарационного займа, Германия в первые четыре года (от 1 сент. 1924 г. до 31 августа 1928 г.), собрала внутри страны 4.670 млн. марок, которые она отдала своим кредиторам за исключением незначительного остатка в 160 млн. Но, это она смогла сделать только благодаря заключению заграничных займов, превышающих почти вдвое эту сумму. В сентябрьском отчете Дисконтного общества сказано по этому поводу следующее:

«С другой стороны, Германия в это же время заключила долгосрочные заграничные займы на 5.800 млн. марок. За вычетом 500 млн., употребленных на погашение, амортизацию и пр., остается 5.300 млн. Таким образом, германские платежи, произведенные в первые четыре года во исполнение плана Дауэса, были в общем на 600 млн. марок меньше суммы германских заграничных займов. К этим 600 млн. марок нужно, кроме того, прибавить суммы, которые иностранные державы предоставили Германии в виде краткосрочных кредитов для ее банков, торговли и промышленности. При этом сумма краткосрочных кредитов не на много меньше долгосрочных кредитов.

Если общую сумму этих кредитов считать всего лишь в 3,5—4 млрд. марок, в виду того, что и Германия предоставила другим странам краткосрочные торговые кредиты, то окажется, что общая сумма иностранного капитала, вложенного в Германии, равняется 8.800—9.300 млн. марок, в то время, как репарационные платежи Германии равняются 4.700 млн. марок. Германия, таким образом, получила за границей приблизительно вдвое больше денег, чем она сама отдала в виде репараций».

Ясно, что настоящий трансферт может быть произведен только из избытка платежного баланса, и лишь в том случае, если этот избыток реальный, а не «одолженный», как это было до сих пор. Так как «невидимый экспорт» Германии, заключающийся в доходах, получаемых от капиталов, вложенных за границей, от судоходства, от международных банков и агентур, не превышает нескольких сот миллионов в год, то Германия может платить лишь избытком своего товарного экспорта, другими словами, ее торговый баланс должен быть активен на несколько миллиардов. В действительности же, однако, торговый баланс Германии является, как и в довоенное время, чрезвычайно пассивным. Приводим таблицу этой пассивности [1]) с самого начала действия плана Дауэса:

	Чистый товарооборот
1924 г. 4-й квартал	1102
1925 г. „ „	2563
1926 г. „ „	189
1927 г. „ „	3887
1928 г. 1-е полугодие	1667
Июль—Август	326
	9734

[1]) По исправленным данным государственного статистического бюро. Они не содержат репарационных поставок натурой. Данные из «Vierteljahrhefte zur Konjunkturforschung» и «Wirtschaft und Statistik».

В среднем, это представляет в год (недостают данные за сентябрь) дефицит в 2.500 млн. марок.

Какова должна была бы быть германская внешняя торговля для того, чтобы Германия действительно могла покрыть репарационные платежи? Экспорт должен был бы дойти до следующих размеров:

2500	млн.	для сбалансирования дефицита
2500	„	„ репараций
500—785	„	„ для уплаты процентов по заграничным кредитам [1])
5500—5785		

Отсюда следует ежегодно снимать около 600 млн. поставок натурой, на каковую сумму дефицит фактически уменьшается. Остаются, таким образом, 5.000—5.285 млн. марок.

Германия может увеличить свой товарный экспорт, лишь увеличив количество вывозимых промышленных товаров. Кроме угля, калия и азота (добываемого из воздуха) Германия не имеет никаких товаров, имеющих серьезное значение для экспорта и не содержащих в себе импортируемое из-за границы сырье. Трудно сказать, сколько процентов стоимости вывозимых готовых товаров следует отнести за счет стоимости заключающихся в них заграничных сырых и вспомогательных материалов. Если мы оценим, как это делает Вагеман, общую стоимость всей германской продукции за исключением строительной промышленности, которая не экспортируется и очень мало пользуется заграничными материалами, в 22 млрд., то наряду с этим импортируется сырья и полуфабрикатов на 5—6 млрд., представляющих собой около 20% вышеупомянутой суммы. Если мы допустим, что в экспортируемых промышленных товарах содержится такая же доля импортируемой товарной ценности, как во всей промышленной продукции, то для увеличения экспорта на 5 млрд. потребуется дополнительный импорт иностранных сырых материалов на сумму не меньше 1 млрд. марок. Для того, чтобы покрыть экспортом этот импорт, необходимо будет увеличить экспорт еще на 1 млрд. Таким образом, мы приходим к результату, согласно которому Германия должна вывозить по меньшей мере на 6 млрд. больше, и почти исключительно в виде готовых товаров для того, чтобы возможен был настоящий, подлинный трансферт в 2½ млрд. в счет контрибуции Дауэса!

Возможно ли это?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы сделаем грубое вычисление.

В прилагаемой ниже таблице мы показываем вывоз готовых товаров важнейших капиталистических стран в 1927 г. Из более важных промышленных экспортных стран здесь отсутствует лишь Италия, где статистика внешней торговли не проводит различия между сырьем и готовыми товарами [2]).

Мировая торговля готовыми фабрикатами в 1927 г.	Ввоз (в миллионах в соответ. валюте)	Вывоз (в миллионах в соответ. валюте)	Вывоз в млн. фунт. стерлингов
Англия (фунты)	297	—	564
Соедин. Штаты (долл.)	878	1981	408
Германия (марки)	2467	7550	309
Франция (франки)	5784	31043	255
Бельгия (франки)	6595	15311	88
Чехо-Словакия (кроны)	4908	13246	57
Япония (иены)	290	831	81
Голландия (гульдены)	964	694	81
			1903
Минус импорт Германии			123
			1880

[1]) Зеринг считает на сентябрь 1928 г. 500 млн. (стр. 89). С другой стороны, известный американский профессор Давид Фрайдей считает на сентябрь 785 млн. («Франкфуртер Цейтунг» от 5 окт. 1928 г.).

[2]) Данные из Account relating to the Trade and Commerce H. M. St. O. 1928.

Таблица показывает, что общая способность поглощения мировым рынком промышленных готовых товаров вышеуказанных стран равняется приблизительно 38 млрд. марок. Вывоз готовых товаров из Италии, Польши и других более мелких стран не превышает при максимальной оценке 6 млрд. марок, и таким образом общая сумма вывоза всех этих стран за исключением Германии равняется приблизительно 44 млрд. марок. Таким образом, способность мирового рынка поглощать германские промышленные товары должна подняться на 15% или же германская промышленность должна вытеснить с мирового рынка своих конкурентов на 1/4 их торгового оборота для того, чтобы сбыть на мировом рынке лишние германские промышленные товары на 6 млрд. марок.

Раздаются, однако, голоса, доказывающие, что необходимость платить по репарациям автоматически приводит к соответствующему увеличению экспорта. Порядок мыслей здесь таков [1].

Собирание сумм, необходимых для репарационных платежей, внутри страны приводит к тому, что покупательная способность внутреннего рынка уменьшается на эту же самую сумму. Это создает соответствующий избыток товаров, поступающих на мировые рынки. Получение репараций странами Антанты увеличивает их покупательную способность в той мере, в какой это необходимо для поглощения лишних товаров, выброшенных на мировой рынок. Поэтому нет никакой проблемы трансферта. Покровительственные пошлины также не могут воспрепятствовать трансферту, так как они могут привести лишь к тому, что Германия будет покупать меньше товаров за границей. На практике Германия не только способна нести тяготы плана Дауэса, но и платить проценты, в том числе и амортизационные за все 132 млрд.

Здесь мы видим, как общий тезис учения о гармонии, согласно которому производство товара создает одновременно с этим и покупателя для него, применяется к специальной проблеме репараций. Но эта проблема является гораздо более сложной. Ожидаемое уменьшение покупательной способности Германии означает уменьшение сбыта не всех товаров, а в первую очередь товаров, от которых легче всего отказаться, как например, платье, мебель, обувь и т. д. Но уменьшение внутреннего сбыта означает уменьшение конкурентной способности страны на мировом рынке, так как при теперешней системе конкуренции монопольных организаций обеспеченная прибыль, получаемая на монополизированном внутреннем рынке, является основой конкурентной способности данной страны на мировом рынке. Для восстановления конкурентной способности на мировом рынке при уменьшенном внутреннем сбыте пришлось бы еще больше снизить издержки производства внутри страны и зарплату, что опять-таки привело бы к сокращению поглощательной способности внутреннего рынка и т. д., пока обострение классовой борьбы не создало бы вновь острую революционную ситуацию и таким образом уничтожило бы социальную цель плана Дауэса. В конце-концов, проблема трансферта, как и всякая экономическая проблема, является проблемой классовой борьбы не только для Германии, но и для стран, получающих репарации. Вообще говоря Франции выгодно получать репарации. Но для французских промышленных капиталистов вовсе не выгодно, если масса германских промышленных товаров, искусственно удешевленных благодаря обязательному трансферту, наводняет французский внутренний рынок, несмотря на покровительственные пошлины. В классовом обществе не заботятся об общем интересе.

---

[1] См. Р. Лонг: «Репарационная мифология», 1928. Рецензия во «Франкфуртер Цейтунг» от 17 июля 1928 г.

Суммируя все вышеизложенное, мы должны сказать, что проблема трансферта имеется, но она пока не является острой, так как в ближайшие годы Германия еще имеет возможность продолжать свой «мнимый трансферт» путем заключения иностранных займов. Согласие держав Антанты и в особенности Франции начать переговоры о пересмотре репарационной проблемы вызвано не кризисом плана Дауэса и не острыми затруднениями трансферта, а изменением империалистических противоречий и переменами во взаимном соотношении сил, завершившимися в последние годы. Для того, чтобы это понять, мы должны вкратце охарактеризовать развитие империалистических противоречий в послевоенное время. Во избежание повторений мы эти противоречия механически разделим, хотя в действительности они, конечно, теснейшим образом связаны друг с другом.

Г. Англо-французское противоречие.

Хотя Франция и Англия были союзниками в войне против Германии и хотя теперь между ними вновь заключено нечто в роде Антанты, тем не менее англо-французское противоречие было и остается одной из главных осей мировой политики, одним из важнейших факторов репарационного вопроса. Союз и противоречие отнюдь не исключают друг друга, напротив, даже часто обусловливают друг друга.

В результате войны Франция получила господство над европейским континентом. Одновременно с этим развитие военной техники с ее дальнобойными пушками, аэропланами и подводными лодками лишило английские острова каких бы то ни было стратегических преимуществ по отношению к Франции. Опасность в экономической области заключалась в том, что Франция путем давления на Германию сможет захватить контроль над всей западно-европейской тяжелой промышленностью и вытеснить английскую тяжелую промышленность с мирового рынка. Политика Англии заключалась поэтому в том, чтобы создавать на европейском континенте затруднения для Франции и в особенности использовать Германию в своей борьбе с Францией. Но всякий раз, когда положение до известной степени обострялось, военное превосходство Франции заставляло Англию переходить на ее сторону и оставлять Германию на произвол судьбы. Напомним о важнейших этапах в этой политике.

Включение пенсий в репарационные платежи.

Согласно 14 пунктам Вильсона, служившим основой перемирия, Германия должна была возместить лишь издержки по восстановлению оккупированных ею областей и ущерб, нанесенный гражданскому населению. После того, как Англия получила возмещение за свои потопленные суда, «тонну за тонну», так как Германия отдала ей свой торговый флот, требования Англии должны были быть самыми минимальными. Она получила бы в лучшем случае несколько процентов репараций и таким образом играла бы второстепенную роль в репарационном вопросе. Репарационный вопрос превратился бы, таким образом, в германско-французский вопрос. В виду этого Англия добилась включения пенсий в репарационную сумму, в результате чего номинальная общая сумма 30—40 млрд. поднялась до 132. Доля Англии в репарациях поднялась благодаря этому до 22%, она стала одной из стран, наиболее заинтересованных в репарационной проблеме, и тем самым она получила возможность саботировать германско-французское соглашение. (Материально это приводит к тому, что Франция получит меньше, чем если бы пенсии не были включены, так как платежеспособность Германии ограничена).

Саботаж попыток разрешения репарационного вопроса.

Пуанкаре пытался в первой половине 1922 г. разрешить мирным путем репарационный вопрос. Он предложил Англии отказаться от своих репарационных требований, равно как и от требований об уплате ей союзниками своих долгов и тем самым заставить Соед. Штаты поступить точно таким же образом. Он заявил, что Франция проводила бы в этом случае по отношению к Германии политику, которая дала бы ей возможность заключить международный заем [1]). Англия ответила на это нотой Бальфура от 1 августа 1922 г., в которой она заявила, что хочет получить от своих союзников и Германии столько, сколько она должна будет заплатить Соед. Штатам. Так как Германия намеревалась просить в то время о предоставлении ей моратория для внесения ее и без того уменьшенных платежей и так как из всех должников Англии Франция казалась единственно платежеспособной, то нота Бальфура представляла собой перенесение долговых обязательств Англии по отношению к Америке на Францию без предоставления последней гарантий за поступление репарационных платежей от Германии. Нота Бальфура разбила все планы Пуанкаре. Точно так же не привели ни к чему и переговоры, которые велись в конце 1922 г. в Лондоне. Таким образом, все было готово для оккупации Рура.

Во время рурской оккупации Англия поддерживала сопротивление Германии сначала тайно, а позже и открыто. Официальные заявления Англии говорили о том, что Англия недовольна политикой Франции, но остается с ней в союзе. Английское правительство готовилось к своей роли посредника между боровшимися друг с другом и постепенно слабевшими Францией и Германией [2]). Одновременно с этим Англия усиливала сопротивление Германии своими угольными поставками, кредитами, уговорами.

Когда казалось, что вооруженная Франция разгромит безоружную Германию или захватит в свои руки контроль над ее тяжелой промышленностью, Англия начала почти грозить войной Франции.

Близко стоящий к английскому правительству «Обсервер» писал 1 июля 1923 года:

> «Во Франции еще не понимают, что чаша терпения английского правительства в этом вопросе уже почти переполнена. Когда на прошлой неделе лорд Крю был у Пуанкаре, он потребовал от него безотлагательного ответа, оставив при этом обычную вежливость».

Газета дальше заявляет, что английское правительство решило ответить на предложение Германии и начать с ней переговоры. В статье говорится:

> «Если Франция откажется принять участие в этих переговорах, то британскому правительству не останется ничего другого, как действовать независимо от нее. Легко понять последствия подобного решения, но метод бесконечного терпения, который до сих пор применяли, принес, повидимому, больше зла, чем добра. Английское правительство решило не позже чем через неделю привести к концу свой спор с Францией».

---

[1]) Как известно, конференция банкиров, в которой принимал участие Морган, заявила несколькими месяцами раньше, что она не может предоставить Германии заем, пока не будет урегулирован репарационный вопрос.

[2]) «По всей видимости, уже близко то время,—писал «Таймс» 24 марта 1923 г. во время рурской оккупации,—когда наступит черед для Англии принять свою долю участия в разрешении рурской проблемы. Англия, таким образом, подготовила почву для разрешения вопроса, которое лучше всего отвечало бы ее собственным интересам».

На эту атаку ответил назавтра официальный орган французского правительства «Тан» следующим образом:

> «После угроз, с которыми германская пресса выступала против Франции при кризисах в Танжере, Агадире и Сераево, мы не помним, чтобы иностранная газета, выдающая себя выразительницей официального мнения, позволила себе говорить в таком тоне с французским правительством».

На угрозу «Обсервера», заключающуюся в том, что Англия выступит самостоятельно и что возможен созыв международной конференции без участия Франции, «Тан» ответил:

> «Если «Обсервер» думает этим запугать Францию, то мы ему немедленно заявляем, что он ошибается. Тот, кто расшатывает здание общей победы, тот в первую очередь расшатывает устои английской мировой империи».

3 июля 1923 г. «Тан» совершенно правильно заявил:

> «Англия была бы недовольна, если бы Германия уступила под давлением одной лишь Франции, но точно так же она была бы недовольна, если бы франко-германская рурская борьба закончилась франко-германским соглашением в репарационном вопросе».

После этих резких угроз и после того, как Англия обеспечила себе поддержку Соед. Штатов в целях удаления Франции из Рурской области, 20 сентября было опубликовано к вящшему удивлению всего мира, и в особенности Германии, официальное сообщение о переговорах Пуанкаре с Бальфуром. Согласно этому сообщению, «ни в одном вопросе нет такого расхождения... которое мешало бы сотрудничеству обеих стран».

План Дауэса представляет собой попытку примирить при помощи компромисса противоречивые интересы французской, английской и американской буржуазии. С момента принятия плана Дауэса Англия старалась при помощи различных дипломатических маневров задерживать рост военных вооружений Франции. Локарнский пакт должен был лишить Францию повода ссылаться на необходимость вооружения в виду опасности, грозящей ей со стороны Германии. На всевозможных комиссиях безопасности и разоружения Англия пыталась сдерживать рост вооружения Франции. Все эти попытки оказались безрезультатными, и военная мощь Франции непрерывно росла. Теперь, как и в сентябре 1923 г., вновь наступил резкий поворот в англо-французских взаимоотношениях. Чемберлен заявил в июле в парламенте о заключении между Англией и Францией компромисса в вопросе о вооружении, и французская пресса пишет о возобновлении «сердечного соглашения». (Entente cordiale).

Смысл этого поворота таков: Англия лишена свободы передвижения на мировой политической арене, она не может ничего предпринять ни по отношению к Соед. Штатам, ни по отношению к Советскому Союзу, пока она не будет уверена по меньшей мере в благожелательном нейтралитете Франции. Англия не может нигде в мире вести войну, если ее тыл не обеспечен. Вот почему Англия откладывает пока разрешение своих противоречий с Францией, как она это сделала в начале мировой войны с царской Россией, и выдвигает на первый план создание совместно с Францией единого фронта против Америки в вопросе о военных долгах, единого фронта против Советского Союза и восстающих колоний. По отношению к Германии это означает конец локарнской политики и явное заключение единого фронта с Францией против Германии. Наиболее яркой иллюстрацией этого поворота является демонстративные совместные маневры английских и французских оккупационных войск на германской территории.

Д. Англо-германское противоречие.

Основной целью английской буржуазии в мировой войне был разгром растущего германского империализма, который, продвигаясь вдоль железнодорожной линии Берлин—Багдад между Россией и северо-африканско-южно-азиатской империей Англии, угрожал Индии и обгонял Англию в области промышленности. Этим об'ясняется противоречивая позиция Англии по отношению к Германии, которую мы наблюдаем во всем репарационном вопросе и которую мы отчасти охарактеризовали в связи с англо-французским противоречием. Промышленная буржуазия Англии требовала сильного обременения германской промышленности в целях подрыва ее конкурентной способности на будущее время. С другой стороны, высокие репарационные платежи обусловливают необходимость расширения товарного экспорта, т.-е. усиления конкуренции. Банковская и торговая буржуазия настаивала на быстром восстановлении Германии для того, чтобы можно было с нею начать торговать. Само получение репарационных платежей не представляет большого значения для английской буржуазии.

После наступления стабилизации начало постепенно все больше выступать на первый план противоречие между Англией и Германией, как ее конкурентом на мировом рынке. В то время, как восстановление германского хозяйства идет поразительно быстро вперед, английское хозяйство страдает от хронического кризиса. Англия хотела спасти Германию и себя от перехода германской тяжелой промышленности в руки Франции и об'единения угольной и железоделательной промышленности обеих стран под французской гегемонией. Германия, однако, восстановила свою железоделательную промышленность в последние четыре года независимо от Франции и играет теперь руководящую роль в международном стальном картеле. Она национализировала свою продукцию и снизила стоимость производства. Германская промышленность обгоняет английскую промышленность уже с 1900 г., и этот процесс продолжается и теперь, несмотря на поражение Германии, инфляцию и репарационное бремя.

Одновременно с этим происходит внешне-политическое сближение между Германией и главным противником Англии среди империалистических держав—Соед. Штатами. Англии удалось лишь втянуть Германию в Лигу Наций, но не удалось или, по крайней мере, еще не удалось вовлечь ее в антисоветский фронт. Хотя Германия разоружена и находится под иностранным контролем, тем не менее она является потенциально-крупной военной силой благодаря своей мощной промышленности. В виду всего этого Англия уже не может больше продолжать свою политику по отношению к Франции и Германии, которая заключалась в том, что она отыгрывалась на одной стране в своей борьбе с другой. Она пытается теперь в связи с пересмотром репарационного вопроса использовать Германию в своей борьбе с Америкой и вовлечь ее в единый фронт европейских государств-должников против Америки и европейских капиталистических стран против Советского Союза.

Е. Англо-американское противоречие.

Противоречие между Британской мировой империей и Соед. Штатами направляет в настоящее время ход всей империалистической мировой политики. Это бесспорно, но не легко указать, в чем состоит конкретное содержание этого противоречия. Здесь не идет спор об определенных территориях, как, например, до войны, когда Англия и Россия боролись друг с другом за господствующее влияние в Константинополе, Персии и Средней Азии, а Англия и Германия боролись друг с другом за гегемонию на Ближнем Востоке. Здесь мы имеем всеоб'емлющее противоречие, и англо-американское противоречие сводится к вопросу о том, какая из этих стран должна стать господствующей империалистической державой мира.

Пацифистские фразы, которые служат маской для американского империализма, не позволяют Соединенным Штатам открыто поднять вопрос о переделе мира, как это делает Италия или Германия. Вместо этого выдвигается вопрос об «открытых дверях», т.-е. требование об экономическом обесценении всех колониальных монопольных областей путем допущения туда американского капитала на равных правах с другими нациями [1]).

В случае, если бы этот принцип был повсеместно проведен, политическое господство в колониях превратилось бы в пустую фикцию и превосходство американского капитала сказалось бы полностью, как это, например, наблюдается в Канаде.

Главным препятствием на пути к осуществлению этой политики является Англия, представляющая собой крупнейшую в мире колониальную державу. Основа силы Англии заключается в ее превосходстве на море, в ее мощном флоте и системе морских опорных пунктов, рассеянных по всему миру. Соед. Штаты не раз непосредственно чувствовали это морское превосходство Англии во время мировой войны. Не было и речи о «свободе морей» для американских судов, и они должны были подчиняться английскому контролю. Для того, чтобы очистить путь для установления господства своего капитала, Соед. Штатам необходимо в первую очередь сломить это превосходство Англии и иметь более сильный флот. Только в этом случае можно было бы мирным или военным путем заставить Англию поделиться с Америкой своим господствующим положением в колониях, где живет треть населения всего мира.

Морское превосходство Англии и господство на морях имеет конкретное значение лишь во время войны. В мирное время моря открыты для судов любой страны (за исключением советских судов, находящихся вне «цивилизации»). Вопрос о свободе морей является военной проблемой. Одно поднятие этого вопроса уже означает подготовку к следующей войне!

Первый этап борьбы за флот закончился вашингтонским соглашением. Соед. Штаты бросили на чашу весов свое богатство. Они заявили англичанам в замаскированной пацифистской форме следующее: одно из двух: или вы соглашаетесь с тем, чтобы общий тоннаж ваших военных судов не превышал наш, или же мы начнем наперебой вооружаться, что для вас немыслимо в финансовом отношении. Англия вынуждена была покориться. Она рассталась с традиционным принципом, согласно которому ее флот должен быть равен по силе флотам двух других великих держав, и согласилась в этом вопросе сравняться с Америкой.

Англия вынуждена была покориться, так как ей нужна была американская помощь для стабилизации валюты, для урегулирования репарационного вопроса и в качестве опоры против Франции. Она не могла соперничать открыто с Америкой в постройке крупных судов, из которых каждое стоит несколько сот миллионов.

Англия могла покориться, так как обязательство иметь не больше броненосцев, чем Америка, нисколько не сломило ее морского превосходства. Новейшее развитие военной техники ставит вообще под сомнение ценность дредноутов. Зато в более мелких типах судов, постройка которых не ограничена, Англия сохранила свое превосходство и, повидимому, твердо намерена его пока защищать. Доказательством этого является безрезультатность женевской конференции по морскому разоружению, в которой при-

[1]) Откровеннее всего было выдвинуто и проведено это требование в отношении мандатных областей (участие американского капитала в эксплоатации нефтяных районов в Ираке).

нимали участие три крупнейшие морские державы (Соед. Штаты, Англия и Япония), а также англо-французское морское соглашение, от которого, правда, обе стороны формально отказались.

Как известно, конфликт заключается в следующем: предусмотренное вашингтонским соглашением ограничение постройки броненосцев должно было быть распространено и на крейсера. Америка требовала ограничения постройки всякого рода крейсеров. Англия же—только крейсеров свыше 8 тыс. тонн и с пушками, калибр которых превышает 6 дюймов. Стратегический смысл конфликта заключается в следующем: Америка, не имеющая флотских баз вне своих вод (за исключением Гавайских островов), нуждается в крейсерах с большим радиусом действия и вооружением, которое дало бы им превосходство над «вспомогательными крейсерами», т.-е. торговыми судами (которые в случае войны снабжаются пушками).

Англия со своей великолепно развитой сетью флотских баз нуждается во многих мелких и дешевых военных судах для того, чтобы в случае войны господствовать над всем торговым судоходством. Она может всегда выбрать в своем огромном торговом флоте лучшие суда, вооружить их и превратить во вспомогательные крейсера. Необходимые подготовительные работы производятся на этих судах уже в мирное время. Этот факт, равно как и наличие обученных кадров моряков, является тем козырем Англии, который Америка не может выбить из ее рук одной только форсированной постройкой военных судов. Это дает Англии пока возможность приостановить по отношению к Соед. Штатам свое отступление в области морских вооружений.

Читателю известны все последние события в этой области. Англо-французское военное соглашение было явной провокацией по отношению к Соед. Штатам. Предусмотренное этим соглашением организационное сотрудничество английского и французского флота (как это было и непосредственно перед мировой войной) сводит на-нет установленное вашингтонским соглашением равенство Англии и Соед. Штатов в области постройки броненосцев. Ограничение постройки лишь тех крейсеров, которые снабжены пушками большего калибра, чем 6 дюймов, означает, что Англия продолжает придерживаться той точки зрения, которую она защищала в Женеве, и что Франция также стоит на этой точке зрения, враждебной Соед. Штатам [1]).

Как открыто считаются с возможностью войны между Соед. Штатами и Англией, видно из опубликованного в Америке печатью Херста секретного циркулярного письма французского статссекретаря в министерстве иностранных дел Бертело к французским послам в Вашингтоне, Токио и Риме:

> «Главная причина (неудачи женевской конференции по морскому разоружению) заключалась в том, что размер пушек, которых британское адмиралтейство добивалось для мелких крейсеров, был тот самый, который разрешен в вашингтонском соглашении для торговых судов, превращенных во вспомогательные крейсера. Отсюда следует, что, если бы Соед. Штаты даже имели такое же количество мелких крейсеров, как Англия, то суда этого типа могли бы значительно усилить британский флот, как только начались бы военные действия, так как Великобритания имеет в своем торговом флоте большое коли-

[1]) Англия должна была заплатить дорогой ценой за привлечение Франции на свою сторону: она принуждена была предоставить Франции неограниченное право постройки подводных лодок с тоннажем свыше 600 тонн, которые в первую очередь необходимы для войны с Англией. Она принуждена была согласиться с тем, чтобы обученные в военном отношении запасные резервы не считались при переговорах о разоружении частью французской армии! Мы имеем, таким образом, полный отказ Англии от своей прежней точки зрения.

> чество вспомогательных крейсеров, между тем как Соед. Штаты их не имеют» [1]).

Либеральная печать и большинство консервативных органов Англии резко осудили англо-французское соглашение, как капитуляцию перед милитаризмом Франции, как предательство по отношению к локарнской политике мира и как бесцельную провокацию по отношению к Соединенным Штатам. Ллойд-Джордж называет это соглашение «пагубнейшим событием» в истории внешней политики Англии со времени войны. Соед. Штаты отвергли в резкой ноте обращенное к ним предложение также присоединиться к этому соглашению, в виду чего, согласно официальному толкованию это соглашение не вступило в силу и между Англией и Францией [2]). Противоречие между Соед. Штатами и Англией остается и является более острым, чем когда-либо [3]). Не подлежит сомнению, что «большая судостроительная программа», проведение которой было весной отложено, будет внесена для обсуждения в американский сенат в ближайшую его сессию.

По сравнению с основным конфликтом, заключающимся в требовании применить к Америке принцип «открытой двери» в английской империи, который подорвал бы английскую колониальную мощь, бледнеют все прочие конфликты, как например, борьба Америки с английской монополией сырья, соперничество между фунт. стерлингов и долларом, являющимся мировой валютой и т. д., о которых так много пишется в печати. Борьба идет за господство над всем капиталистическим миром! Само собой разумеется, что это обострение не должно непременно привести непосредственно к войне между этими обеими мировыми державами. По всей вероятности, их отношения временно еще улучшатся, и, может быть, они придут к новому соглашению о сокращении морских вооружений. Английская буржуазия слишком многим рискует в данном случае, и она будет стараться, чтобы решительная борьба наступила по возможности позже.

Обострение отношений между Соед. Штатами, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, значительно затруднит урегулирование репарационного вопроса в смысле снижения репарационных платежей Германии. Англия, Франция и Италия всегда стремились к аннулированию американских долговых требований по отношению к ним, считая это предпосылкой для снижения их репарационных требований по отношению к Германии. Эти притязания правительство Соед. Штатов из года в год постоянно отвергало с упорной последовательностью [4]). Соед. Штаты значительно снижали долг некоторых стран, как например, Италии, при его консолидации, но крепко держались за свои права кредитора. Правда, и теперь раздаются в Америке некоторые голоса за аннулирование долгов, но официальная политика Соед. Штатов, без сомнения, не откажется от своей непреклонной позиции в во-

[1]) Цитировано из «Таймс» от 22 сентября.

[2]) Полный текст соглашения до сих пор официально не опубликован. Представитель прессы Херста в Париже, доставший это письмо Бертело, выслан из Франции, несмотря на интервенцию правительства Соед. Штатов.

[3]) Мы не думаем, что во французско-английском соглашении имеет место «ошибка» английской дипломатии и что по протесту Соед. Штатов она действительно аннулировала соглашение. Она, без сомнения, предвидела протест, но у нее не было другого средства добиться свободы действия на мировой политической арене, кроме заключения соглашения с Францией.

[4]) Уже в своей ответной ноте Англии (1923 г.), в которой Соед. Штаты сообщают о своем согласии принять участие в обсуждении репарационной проблемы (план Дауэса), они ставят условием переговоров требование не касаться вопроса о межсоюзных долгах: «Платежеспособность Германии,—говорится в ноте,—совершенно не зависит от какого-либо долга нам со стороны кого-либо из союзников. Этот долг не уменьшает платежеспособность Германии, а его аннулирование не увеличило бы ее». Соед. Штаты до сих пор неуклонно придерживаются этой точки зрения.

просе межсоюзных долгов после того, как Франция и Англия заключили морское соглашение и Франция отказывается ратифицировать заключенное ею с Америкой соглашение о консолидации ее долга. Это—главное затруднение, на которое в ближайшее время натолкнутся начинающиеся новые переговоры о репарациях.

Ж. Франко-германское противоречие.

Разгром Германии в мировой войне, конечно, не устранил франко-германского противоречия. Победители не нашли успокоения в своей победе. Если Германия и была побеждена, то германский народ все же численностью вдвое превосходит французский. Еще хуже то, что немцы размножаются быстро, а французы медленно. Мысль о том, что рано или поздно придется вновь воевать, не дает покоя французским патриотам. Этот страх нашел свое выражение в знаменитых словах Клемансо: «на свете живет лишних 20 млн. германцев».

Политика французской буржуазии сводилась главным образом к тому, чтобы помешать политическому об'единению германского народа. В связи с этим запрещено присоединение Австрии к Германии, оторвана от Германии Верхняя Силезия и т. д. Но все это казалось французским шовинистам недостаточным. Их план заключался в 1922—23 г. в том, чтобы совершенно разбить Германию на части, навсегда занять Лево-Рейнскую область, отделить от Германии правое побережье Рейна и Рурскую область, превратив их в «самостоятельное» буферное государство, и отделить Южную Германию от Пруссии. Короче говоря, восстановить то политическое положение, которое было до 1870 г. перед об'единением Германии. Оккупация Рура преследовала главным образом эту цель. Во-вторых, Франция старалась взвалить на Германию, по возможности, более крупные репарации. (Мы уже указывали, что это стремление, выразившееся во включении пенсии в репарации, в конце концов, повредило интересам Франции). Поэтому Пуанкаре так решительно (следуя в этом всецело Ллойд-Джорджу) выступил против определения платежной способности Германии в период инфляции и энергично отклонил предложенный Бальфуром в конце 1922 г. план быстрой ликвидации репарационных долгов. Он тогда заявил:

> «Английская программа является совершенно иллюзорной. Еще резче обнаруживается ее опасный характер, если мы присмотримся к тем облегчениям, которые она предоставляет Германии для того, чтобы она весьма быстро смогла освободиться от долга, который ей и без того легко уплатить.
>
> В настоящее время Германия не имеет никаких внешних долгов. Вследствие падения марки она пропорционально уменьшила свои внутренние долги, так что они равны всего лишь нескольким миллионам золотых марок и будут равны нулю в случае дальнейшего падения германской валюты. Если у Германии тогда останется единственный долг, т.-е. обязательство платить репарации, и если этот долг будет снижен приблизительно до 20 миллиардов, благодаря предусмотренной британским планом системе дисконтирования, т.-е. будет равен сумме, которая может быть амортизирована в течение 15 лет, и будет меньше трети французских государственных долгов, то Германия была бы через несколько лет единственной страной в Европе, не обремененной внешними долгами; с ее увеличивающимся населением и нетронутой промышленностью, которая не переставала бы извлекать выгоды из этого исключительного положения, с ее нетронутыми природными богатствами в форме угля, леса и калия, она превратилась бы в хозяина Европы (le maître de l'Europe), в то время как Франция, население которой вдвое меньше населения Германии, принуждена была бы все время нести колоссальное бремя по восстановлению разрушенных областей.
>
> Германская гегемония над Европой, которую война должна была уничтожить, была бы, таким образом, восстановлена и консолидирована союзниками».

Здесь прекрасно выражено мнение решающей части французской буржуазии.

В-третьих, французская политика стремилась закрепить за французской тяжелой промышленностью германские угольные области [1]). Об'единение французской руды с германским углем под французским контролем, должно было не только ослабить Германию, но и обеспечить французской тяжелой промышленности превосходство над английской [2]).

В-четвертых, Франция стремилась к тому, чтобы оккупация германских областей затянулась, по возможности, на более продолжительное время.

Давление Англии и Америки помешало французской политике добиться этих целей. Америка хотела создать условия, гарантирующие неприкосновенность капиталов, которые она предполагала инвестировать в Германии, а Англия не хотела позволить Франции установить свою гегемонию над континентальной Европой. План Дауэса является попыткой примирить все эти противоречивые интересы. Из всех целей французской антигерманской политики осуществилась лишь оккупация, предусмотренная Версальским договором.

После вступления в действие плана Дауэса франко-германские отношения изменились во многом. Германское хозяйство окрепло благодаря американской помощи. Германская железоделательная промышленность была вновь восстановлена, несмотря на потерю лотарингской руды, и, несмотря на территориальные потери, размер германской продукции поднялся до довоенного уровня. Об'единение западно-европейской железоделательной промышленности действительно состоялось, но не под французской гегемонией, а в виде международного картеля. Вместо недостатка в угле, поставившего французскую тяжелую промышленность в зависимость от рурского угля, вспыхнул международный угольный кризис. Тесное об'единение германского капитала с французским состоялось не только в тяжелой промышленности, но и в химической, а в последнее время и на денежном рынке. Одновременно с этим Франция нашла пути и средства для того, чтобы широко использовать германские репарации в виде натуральных поставок в общественных работах и строительстве своего производственного аппарата. В соответствии с этим изменились политические отношения и методы. Германию заманили в Лигу Наций. В Локарнском пакте ее заставили обещать никогда не пытаться изменить свою западную границу вооруженной силой. Ей обещали очистить Рейнскую область еще до срока, предусмотренного мирным договором (знаменитый «дух Туари и Локарно»), но это обещание до сих пор не выполнено. Фактически Германию постепенно шаг за шагом вовлекали в «западную ориентацию», не дав ей в обмен ничего конкретного до сих пор!

Но за это время окрепло и французское народное хозяйство. Франция смогла стабилизовать свою валюту, не прибегая к новым американским займам, и это обстоятельство значительно укрепило позицию Франции по отношению к Соед. Штатам и позволило в экономическом отношении саботировать ратификацию франко-германского соглашения о долгах. Избыток капиталов также позволяет Франции, по урегулировании репарационного

---

[1]) Напомним о том, что в первые пять послевоенных лет в Европе ощущался сильный недостаток в угле и вопрос о снабжении углем был серьезной проблемой для тяжелой промышленности.

[2]) См. соответствующие номера «Usine» и «Bulletin Quotidien», органов французской тяжелой промышленности.

вопроса, сделать Германию независимой от американского денежного рынка. Это важно для попытки создания всеоб'емлющего антиамериканского и антисоветского европейского блока. Вместо непосредственного грубого подчинения Германии под властью Франции выступают на сцену более тонкие и сложные методы.

3. Попытка „европейского“ разрешения репарационного вопроса.

Те условия, при которых новая комиссия экспертов приступает теперь к расследованию репарационной проблемы с целью «полного и окончательного» ее урегулирования, значительно отличаются от условий, царивших в то время, когда работала комиссия Дауэса.

Тогда Германия была окончательно ослаблена в экономическом и социальном отношении вследствие рурской оккупации и инфляции. Она только недавно вышла из остро-революционной ситуации и находилась под серьезной угрозой пролетарской революции. Иностранные займы должны были ее сначала в экономическом отношении оздоровить для того, чтобы она получила способность вносить репарационные платежи. С другой стороны, находясь под покровительством всех капиталистических стран, она должна была в интересах капиталистического строя быть защищена от повторения остро-революционной ситуации. Кроме того, она пользовалась особым покровительством обеих англо-саксонских держав, защищавших ее от стремлений Франции ее разделить. Германия была тогда страной, восстановления которой на капиталистической основе желали, но вместе с тем и боялись, как будущей конкурентки.

В результате мы имеем план Дауэса, который должен защитить германскую буржуазию от пролетарской революции [1]) путем недопущения новой инфляции, предоставления займа в целях стабилизации валюты и путем предоставления Германии так называемой трансфертной защиты (в целях сохранения устойчивости германской валюты); план Дауэса, который защищает германскую территорию от дальнейших нападений Франции, создает условия, обеспечивающие неприкосновенность американского капитала, инвестируемого в Германии, но одновременно с этим настолько обременяет германскую промышленность, германские ж. д. и бюджет, что финансовые выгоды, полученные государством от инфляции, сводятся на-нет и налоговое бремя в Германии устанавливается на одном уровне с налогами, взимаемыми в победивших странах. План Дауэса, наконец, не рассеивает иллюзий французов насчет размеров репараций, так как он не установил ни общей суммы долга, ни числа ежегодных платежей и, введя «индекс благосостояния», он позволяет надеяться на повышение платежей Германии.

---

[1]) В программной речи, произнесенной 2 августа 1924 г., премьер Болдуин сказал:

«Имеются еще другие противники плана Дауэса. Имеются еще другие противники предоставления займа Германии. Есть противники оживления германской торговли и промышленности. На этих противников еще не указали, хотя они имеют большое значение. Кто же эти противники? Противниками плана Дауэса являются коммунисты. Два дня назад я читал длинное сообщение в газетах о коммунистическом собрании. Собрание выдвинуло целый ряд возражений против выполнения плана Дауэса, о котором было сказано, что он превратит Германию в государство рабов. А почему английские коммунисты против этого? Потому что они получают свои приказы из Москвы. А почему Москва против этого? Потому что Москва еще не отказалась от своего идеала. Москва знает, что успокоенная и довольная Германия закроет путь для всех коммунистических стремлений. Москва знает, что нечего бояться Германии в ее теперешнем состоянии. Господа! Западная Европа сохранила свою цивилизацию, и наш долг сделать все для того, чтобы ее защитить. Барьер западно-европейской цивилизации (т.-е. Германия) должен быть сделан крепким и солидным для того, чтобы дать отпор всем революционным наступлениям, могущим притти с Востока, и для достижения этой цели нет лучшего и вернейшего средства, чем выполнение плана Дауэса».

План Дауэса выполнил свою задачу. Он защитил до сих пор Германию от новой остро-революционной ситуации и инфляции, создал возможность притока иностранного капитала в Германию и позволил последней внести союзникам крупные репарационные платежи. Нужно признать, что план Дауэса разрешил, как и ожидали, поставленную перед ним ограниченную задачу.

К чему же в таком случае нужен его пересмотр?

Если Германия настаивает на урегулировании вопроса, то это естественно. Германская буржуазия хотела бы, чтобы репарационный вопрос был окончательно разрешен для того, чтобы она могла свободно работать над ликвидацией этого, по возможности, облегченного долгового бремени. Если Америка выступает за пересмотр [1]), то и это понятно. Ее капиталы, инвестированные в Германии, будут гораздо более обеспечены, если репарационный вопрос будет окончательно урегулирован; чем легче будет репарационное бремя, тем выгодней для Америки вывозить свой капитал в Германию.

Что, однако, заставило Англию и Францию начать новую дискуссию по поводу репарационного вопроса? Известно, ведь, что год назад Англия ответила ледяным молчанием на предложение Паркера Гильберта окончательно урегулировать вопрос о репарационных платежах.

Эта перемена является результатом обострения англо-американского противоречия.

Несмотря на все скрещивающиеся тенденции и всевозможные колебания, ясно, что среди капиталистических держав готовится образование новых блоков. С одной стороны, Англия со своими колониями, Франция с Малой Антантой и Япония—англо-французский блок. С другой стороны,—Соед. Штаты со своими колониями и полуколониями и более или менее тесно примыкающие к ним Германия и Китай. (Италия и некоторые мелкие европейские государства еще не заняли определенной позиции).

Согласие Англии и Франции на пересмотр репараций об'ясняется следующим образом:

1) желанием удержать Германию от американской ориентации и привлечь ее к общему европейскому фронту против Америки и Советского Союза;

2) Франция знает, что вся система репараций и межсоюзных долгов рушится в ближайшую мировую войну, которая, по всей видимости, уже не особенно далека. Она поэтому стремится немедленно получить от Германии больше, чем она получила бы при нормальном действии плана Дауэса, так как возможности трансферта не вполне выяснены, и, наконец, она боится, что агент по репарациям пожелает создать в сотрудничестве с германским правительством препятствия для трансферта;

3) связав репарационный вопрос с вопросом межсоюзных долгов, Англия и Франция хотят, в случае безрезультатности переговоров, взвалить ответственность на Америку и таким образом испортить отношения между Соед. Штатами и Германией. Весьма возможно, что Англия и Франция вообще не думают всерьез о пересмотре плана Дауэса и хотят иметь лишь предлог для продолжения оккупации второй зоны, надеясь вместе с тем восстановить Германию против Америки.

Каковы намерения обеих сторон?

---

[1]) Год назад агент по репарациям, американец Паркер Гильберт, впервые открыто заявил в своем ежегодном отчете о необходимости окончательного урегулирования репарационного вопроса и в особенности о необходимости отмены пункта о трансферте, так как он освобождает германское правительство от ответственности за его финансовую политику.

Желания германской буржуазии можно формулировать следующим образом [1]):

Окончательное установление репарационной суммы или размера ежегодных платежей и продолжительности их уплаты.

Отмена индекса благосостояния.

Снижение установленного в плане Дауэса ежегодного платежа в $2^1/_2$ миллиарда.

Полный или частичный мораторий для ближайших лет.

Никакого частичного разрешения или частичной мобилизации какой-либо суммы.

Моральным обоснованием этих требований является в первую очередь утверждение германской буржуазии, что фактические издержки Франции по восстановлению разрушенных областей — за вычетом несправедливо насчитанных пенсий — равны 86 миллиард. бумажных франков (при чем, как доказал Кейнс, людям со связями давали гораздо больше того ущерба, который они понесли, так как думали, что это идет за счет Германии). По курсу того времени это равнялось бы, по расчетам Ода, 31 миллиарду зол. марок, а по теперешнему курсу франка—14 миллиард. золотых марок. К этой сумме остается еще прибавить возмещение Бельгии за весь нанесенный ей фактический ущерб.

Германцы, по всей вероятности, будут утверждать, что план Дауэса установил, хотя и косвенным образом, 37-летний срок для внесения ежегодных платежей. Это мнение основывается на том факте, что план Дауэса предусматривает ежегодную 1%-ную амортизацию железнодорожных и промышленных облигаций, благодаря которой долг, действительно, покрывается в 37 лет. С юридической точки зрения, это мнение кажется нам спорным, но это в сущности совершенно не важно. Не моральная и не юридическая точка зрения решат результат переговоров, а исключительно те материальные аргументы, которые обе стороны смогут бросить на чашу весов.

Что может Германия предложить?

а) Отказ от пункта о трансферте, т.-е. принятие на себя обязательства во что бы то ни стало заботиться о переводе репараций;

б) немедленную мобилизацию, частичную или полную, железнодорожных и промышленных облигаций; это было бы особенно важно для Франции, которая в случае, если соглашение о долгах не будет ратифицировано, должна в будущем году уплатить Соед. Штатам 400 млн. долларов за оставленное в стране военное имущество;

в) свое политическое присоединение к англо-франко-японскому блоку.

Мы полагаем, что последний момент является наиболее важным. Если Германия в значительной мере и обезоружена, то все же благодаря своей мощной промышленности, своим кадрам рейхсвера и своему центральному положению в Европе, она имеет огромное стратегическое значение как в отношении Советского Союза, так и в случае англо-американской войны [2]).

---

[1]) См., напр., серию статей, напечатанных в начале октября 1928 г. в «Берзен-Курьер».

[2]) Трудно себе пока представить поле битвы между Соед. Штатами и Англией. Англия вряд ли сможет с успехом напасть на территорию Соед. Штатов, даже если она разобьет американский флот. Трудно себе представить, чтобы можно было прислать из Европы подкрепления для десанта. С другой стороны, и Америка вряд ли могла бы непосредственно напасть на Англию, если бы она даже разбила английский флот. Ей нужен был бы в данном случае союзник в Европе, который имел бы выход к Немецкому морю. В этом заключается стратегическое значение Германии в англо-американской войне. Хотя эта война будет, без сомнения, вестись и в колониях, она вряд ли будет там решена: может быть, в пользу Америки, но ни в каком случае не в пользу Англии!

Что могут Англия и Франция предложить Германии в репарационном вопросе?

Насколько можно судить по газетным сообщениям, минимальное требование по отношению к Германии заключается в уплате всех тех ежегодных взносов, которые союзники должны платить Америке, а равно и процентов за те суммы, которые Франция и Бельгия фактически издержали на цели восстановления своих разрушенных областей.

Чему равняется эта сумма?

Состояние межсоюзных долгов таково (в миллионах долларов):

	Консолидированные долги.	Сумма предусмотренных платежей на 62 г.	Теперешняя ценность платежей исходя из $4^1/_2$%	Процент первоначального долга.	Максимальный ежегодный платеж.
Англия	4 600	11 106	3.793	82%	187
Франция	4 025	6.848	2.008	50%	125
Италия	2.042	2.408	538	26%	81
Бельгия	418	728	226	54%	13
Вместе с меньшими государствами.	11.522	22 144	6.890	60%	418

Если мы не будем считать долгов некоторых более мелких государств, ничего общего не имеющих с репарациями, то теперешняя ценность всех межсоюзных долгов превышает 29 миллиардов марок. Сюда следует прибавить действительные издержки Франции и Англии по восстановлению нанесенного им ущерба, по расчетам Ода, 26 миллиардов золотых марок для Франции и 5—10 миллиардов для Бельгии. В общем свыше 50 миллиардов золотых марок, т.-е. по существу столько, сколько и в плане Дауэса, скорее даже больше, чем меньше.

Или же прибавим к общей сумме ежегодных платежей Англии, Франции, Бельгии и Италии Америке, равной 1.700 млн. зол. марок, «священное требование» Франции, заключающееся в обязательстве Германии взять на себя оплату процентов по займам, заключенным в целях восстановления разрушенных областей. Здесь идет дело о 86 миллиардах бумажных франков, что при теперешнем курсе франка (6,08 франка равняются одной золотой марке) равно 14 миллиардам марок. Считая 5% плюс 1% амортизации, мы получаем годовой платеж в 840 млн. марок, всего 2.546 млн. золотых марок, т.-е. немного больше, чем предусмотрено планом Дауэса.

Мы видим, таким образом, что Англия и Франция могут предложить очень немного Германии за ее отказ от пункта о трансферте; даже, если Франция согласится пожертвовать половиной своего требования о возмещении ее расходов по восстановлению страны, то мы имели бы вместо 2.500 млн. — 2.120 млн. Так как совершенно очевидно, что в виду обострения англо-американских отношений можно еще меньше рассчитывать на то, что Соед. Штаты согласятся пойти на новые уступки в отношении межсоюзных долгов, то из этого следует, что способность маневрирования у союзников весьма ограничена. Единственным получателем репараций все-таки остаются Соед. Штаты, как бы Черчилль ни был прав в своем моральном негодовании, когда он 24 марта 1926 года заявил:

> «Мне кажется, что в конце-концов создастся совершенно чрезвычайное положение и 60% германских репараций, выжатых из разрушенных и разбитых войною стран Европы, потекут по всем этим извилистым каналам непрерывным потоком через океан в богатую, цветущую республику».

Что могут союзники предложить Германии в политическом отношении?

1) Эвакуацию Рейнской области. Грубая речь, в которой Бриан резко отклонил в Женеве мнение Мюллера о том, что Германия завоевала «право» на досрочную эвакуацию, призвана, повидимому, поднять цену этой уступки при новых репарационных переговорах. Он хотел дать Германии понять, что Соед. Штаты, хотя и сильны, но далеки и что Франция все еще может поднести нож к горлу Германии.

2) Присоединение Австрии к Германии.

3) Возвращение Данцигского коридора и, возможно, частей Верхней Силезии. Эта последняя возможность особенно важна для Советского Союза. Трудно себе представить войну с Советским Союзом без, хотя бы благожелательного, нейтралитета Германии. Этот нейтралитет может быть куплен исключительно за счет Польши, которая должна будет получить компенсацию в виде завоевания Белоруссии и Украины. Старая мечта Пилсудского о «федеративной» великой Польше играет, без сомнения, крупную роль в плане Англии и Франции.

С другой стороны, ясно, что французская буржуазия, справедливо опасающаяся будущей войны-реванша, должна относиться с величайшим опасением к присоединению Австрии к Германии и к возвращению последней коридора. Здесь интересы Англии и Франции резко расходятся. Англии не приходится непосредственно опасаться Германии, и она хотела бы поднять все и всех против Советского Союза. Франция же не имеет никаких особых конфликтов с Советским Союзом, и она имеет достаточно оснований бояться Германии.

Мы видим, таким образом, что начинающиеся теперь переговоры отнюдь не являются переговорами об одном лишь размере сумм, которые Германия должна платить. Дело идет о разрешении европейского вопроса, об об'единении европейских держав в одном блоке, направленном против СССР и Соед. Штатов. Сомнительно, удастся ли западным державам окончательно вовлечь Германию в западную ориентацию, сомнительно, склонна ли будет Германия отказаться от своей относительно свободной позиции между западными державами, Соединенными Штатами и Советским Союзом. Так или иначе здесь дело идет о высшей степени важных вопросах, и революционный пролетариат всех стран должен отнестись с величайшим вниманием к предстоящим переговорам [1], хотя мы полагаем, что в ближайшее время они не приведут к позитивному результату и план Дауэса еще будет оставаться в действии без изменений в течение некоторого времени.

---

[1]) Если английские консерваторы потерпят поражение на предстоящих выборах, то, возможно, наступит вновь короткий период пацифизма, но это ничего не изменит в общей линии политики английской буржуазии.

П. Шубин.

Экспорт капитала и колониальная монополия [1]).

Колониальный вопрос был одним из центральных на VI конгрессе. Ему был посвящен специальный пункт повестки дня—«О революционном движении в колониях» (с двумя основными докладами, с несколькими содокладами по отдельным странам, с обширной дискуссией). При обсуждении других пунктов повестки (по программе, по общему политическому докладу, по борьбе с войной) был попутно поставлен и резрешен ряд принципиальных тактических и организационных вопросов о работе в колониях, полуколониях и зависимых странах. Такая концентрация внимания, разумеется, не случайна. Можно сказать, что не без известного нажима событий колониальный вопрос завоевал себе, наконец, более или менее соответствующее его значению место во внимании секций империалистических стран.

Первая волна национально-революционного движения, созревшая в обстановке империалистической войны и развязанная влиянием и примером Октябрьской революции, была повсюду потоплена империалистической буржуазией в крови и почти повсюду предана туземной буржуазией. Не разрешив своих основных задач, национальная революция в одних странах была отброшена назад, к довоенным формам империалистической кабалы, в других — пошла по кемалистскому пути, по пути соглашения туземной буржуазии с империализмом за спиной трудящихся масс и за их счет. Мы накануне, или, вернее, уже в начале нового тура колониальных восстаний и войн, при новом распределении классовых сил, при учете обоими противниками (империализмом и туземной реакцией, с одной стороны, рабочими и крестьянами, с другой) опыта предшествующей борьбы. Китайская революция в нынешней стадии знаменует уже начало этого нового тура; характер подымающейся волны в Индии дает основание ожидать дальнейшего расширения этого тура в ближайшем же будущем.

Революционное движение в колониях повелительно требует ответа на ряд практических вопросов обостряющейся борьбы. Вместе с тем выдвигается задача просмотреть на основании данных послевоенного периода основные положения, характеризующие империалистический гнет в колониях. Ниже мы останавливаемся только на одной стороне этого вопроса: на соотношении между экспортом капитала в колонии и сохранением и даже усилением их политической и экономической зависимости от империализма.

Отрыв политики империализма от его экономики.

То, что теория деколонизации «в чистом виде» об'ективно стирает различие между метрополией и колонией и смягчает непримиримость между угнетающими и угнетенными странами, вряд ли нужно здесь доказывать. Но повинны ли в этой роковой ошибке также и те, кто говорят о «поли-

---

[1]) Статья была доставлена в редакцию сейчас же после окончания VI конгресса Коминтерна и печатается с опозданием по техническим причинам.

тике империализма, иаправленной иа индустриализацню колоиий»? Как известно, некоторые товарищи отвечают на этот вопрос отрицательио и при этом ссылаются на документы, где термин «индустриализация» по отношению к развитию колоний употребляется в таком контексте и в таком смысле, что он ие вызывает и не должен вызывать сомнений. Спор, разумеется, идет ие о словах. Формула «политнка индустриалнзацин»—сама по себе плохая формула и влечет за собою путаиицу и неясность. Но дело даже не в ней, а в том уже безусловно ошибочном содержанин, которое вкладывали в иее некоторые товарищи.

«Лении в своей кииге об «Империализме» имению указывал на значенне в эру фннансового капитала размещения капитала в колониях в погоне за более высокой прнбылью. Это влечет за собой процесс индустриалнзации колоний и их превращение в серьезных конкурентов н в конечном счете в источннки застоя и распада промышленностн метрополии, классическим примером чего служит Великобритаиия...» (Ротштейн).

«Я должен сказать, что если некоторые коммуиисты употребляли этот термни (деколоннзации), то исключительио с целью подчеркнуть индустриализацию Инднн, и я также готов лучше говорить о деколонизации, чем описывать Индню, как деревню Британской Империи» (Беннет) [1].

Будем снитать, что слова тов. Беннета о «готовности лучше говорить о деколонизацни» это только ораторский прием, долженствующий подчеркнуть всю глубнну протеста, вызванного «описаннем Индин, как деревин Брнтанской Имперни». Но уже инкак нельзя считать ораторским приемом указаиие иа то, что политнка империализма может превратить колонии в хозяйствеиные едииицы, иастолько иезавнснмые от метрополии, чтобы в порядке «серьезной конкуренции» (даже не потому, что государство-рантье определяет соответствующее «разделение труда» между собой и колонией) подорвать промышленность метрополии. Но успех такой конкуреиции—ие в одной какой-иибудь области, а во всем хозяйстве колоиии,—повел бы действительно к экоиомнческой деколонизацни, т.-е. к освобождению от экоиомического гнета империалнзма, притом в максимально возможном масштабе для завнснмых стран вообще, не говоря уже об Иидин, находящейся в состоянии полного колоннального рабства. С этой точки зрения вполне поиятио призиание, что товарищи, говорящие о деколоиизации, готовы подменить ее «исключительиой нидустриализацией», ибо в таком понимании, как у тов. Ротштейна, индустриалнзация и есть деколоинзация.

Чтобы иа этот счет уже не могло быть инкаких сомиений, тов. Бениет в статье, помещеиной в «Коммунистическом Интернациоиале», уже после принятия конгрессом тезисов, заявляет, что «экспорт капитала в корне видонзмеияет взаимоотношеиия между метрополиями и колоиямн». Но «кореиь» взаимоотношения между метрополнями и колониями состоит в колониальной моиополин и порабощеини. Еслн экспорт капитала меняет эти взаимоотношеиия, да еще в корне, у него, действительно, нет другого выхода, как «деколоннзнровать». Если бы это утверждение было верно, то экспорт английского капитала «деколонизировал» бы не только Индию, куда он просачивается сейчас по общему призиаиню, с большими перебоями, а Судаи, Уганду и другие тропические колоиии, куда он устремляется широким (жадиым иа еще не захвачеииые источники сырья!) потоком; если бы оио было верио, то экспорт капнтала Соединенных Штатов уже должен был бы деколонизировать Кубу (потому что из 5 мнллиардов долларов, помещенных Вашннгтоиом во всей Центральной и Южной Америке,

[1]) «Правда» № от 25/VIII.

полтора миллиарда, т.-е. около $1/3$ прнходится на Кубу с населением в 4 миллиона); еслн бы оно было верно, то, наконец, заранее обеспечена автоматическая деколоиизация и Никарагуа, потому что, завоевав ее и превратив в колонию, американский импернализм бросит туда в ближайшие же годы громадиые капнталы для осуществлення давно уже лелеемых планов о постройке нового (несравненно более мощного, чем Панамский) канала, между Атлаитнческим и Тихим океанами. Делая такую «вселеискую смазь» всему колониальному могуществу империалистов, тов. Беннет ссылается... на т. Ленина, цитируя слова, что при империализме «капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии». Но, если бы тов. Беннет дочитал приводимую им цитату до конца (т. XIX, стр. 196), он бы легко убеднлся, что, по Ленину, фннансовый капнтал не «изменяет в корне взаимоотиошения между метрополией и колонней», превращая их в отиошения «серьезиой конкуреицни» и «деколонизации», а, наоборот, укрепляет, углубляет и расширяет эти «взаимоотношения» колониального подчинения и порабощения как в области политики, так и в области экономнки. Ибо сейчас же вслед за указанием на «пересаживание», Ленин пишет:

«Вырвать их (колонии. *П. Ш.*) нз зависимости от европейского фннансового капитала нельзя. С военной точки зрения, как н с точки зрения экспансии (расширения), отделение колоний осуществимо, по общему правилу, лишь социализмом, а при капитализме—или в виде исключення, нлн ценой ряда революций н восстаний как в колонии, так и в метрополин».

Тов. Ленин, как известно, приводил эти соображения («Итоги дискуссии о самоопределенин») против точки зрения польских товарищей, выставлявших лозунг «прочь из колонний», но считавшнх неосуществимым требование борьбы «за самоопределение наций» для Европы. Ленину важно было раз'ясиить, что «требование немедленного освобождення колоний так же «неосуществимо» (т.-е. неосуществимо без ряда революций и непрочно без социалнзма) при капитализме, как и самоопределение наций вообще». Стало быть указывая, что экспорт капитала втягивает колонин в капиталистическое производство, он хочет об'яснить, почему в результате этого зависимость колоний от финаисового капитала усиливается, почему задача освобождения колоний не менее трудиа, требует не менее высоких форм массовой революциоиной борьбы, чем самоопределение наций вообще. Мы увиднм ниже, что это не единствеиный случай, когда тов. Беннет, ссылаясь иа цитаты, делает из них выводы, ие совпадающие, а иногда н противоположные тому, что действнтельно пнсал Ленин.

Если бы т. Беинет распространил свое внимаине и на следующую (197) страницу, то он увидел бы, почему вообще нельзя ставить знака тождества между различными формами и условиями проиикновення экспортированного капитала, в частности (н в особенности) нельзя ие учитывать специфичности этих форм и условнй в колониях.

«В Европе у завнсимых иацнй есть и свой (курс. под.) капитал и легкая возможность на разнообразнейших условиях добыть его. В колониях своего капитала нет или почти нет, добывать его иначе как иа условиях политического подчинения (разр. моя), в обстановке фииаисового капитала колония не может».

Перед иами, таким образом, указаиие на различие между экономической аннексией, к которой в конечном счете прнводит экспортированиый капитал во всех случаях, и тем специфическим результатом политического подчинеиня, т.-е. усилення политической аииексии, который он иеизбежио имеет в колоииях и может иметь в тех страиах, ко-

торые развиваются по пути превращения в колонии. Но прежде, чем подробнее остановиться на этом вопросе, следует рассмотреть (именно в «корне»!) основную теоретическую ошибку «индустриализоторов», результатом которой является и недооценка значения сырьевой проблемы в общей системе финансовой эксплоатации, и смешение форм политической и экономической аннексии, и, наконец, упорное нежелание продумать категорическое указание т. Ленина, что «самой важной, основной идеей тезисов (написанных им по колониальному вопросу) является различие между угнетенными и угнетающими народами».

Но,—говорят тов. «индустриализаторы»,—мы совершенно не утверждаем, что индустриализация ослабляет политическую зависимость колоний от метрополии, мы не стираем различия между колониями и метрополиями. И так как упреки в «стирании различия» они понимают в том смысле, что имеются в виду исключительно политические различия, то их контраргументация идет в свою очередь по этому одному направлению. Основная линия их защиты сводится, таким образом, к следующему: мы говорим только об экономической стороне и экономических последствиях процесса индустриализации в колониях, политическая же кабала колоний и по нашему мнению сохраняет свою силу. Или другими словами: колонии превращаются в серьезных одерживающих победу конкурентов империалистических стран только в области экономики; в области же политики они остаются попрежнему об'ектами гнета, уничтожение которого возможно лишь в результате революций, восстаний и т. д. Эта аргументация имеет свою хорошую сторону в двух отношениях: 1) она свидетельствует о суб'ективной революционности наших «индустриализаторов» и в этом их принципиальное отличие от «деколонизаторов»-оппортунистов (отличие, которое в свою очередь ни в коем случае нельзя ни смазывать, ни преуменьшать!); 2) в то же время приводит она нас прямо к основному источнику ошибки этой теории. Она состоит в отрыве политики империализма от его экономики в отрыве монополии в политике от монополии в экономике. Этот «отрыв» дело не новое: как известно, он лежит в основе всех теорий ультра-империализма (прежде всего у Каутского, но не только у него...).

> «Империализм есть стремление к аннексиям—вот к чему сводится политическая (везде разрядка подлинника) часть определения Каутского. Она верна, но крайне не полна, ибо политически империализм есть вообще стремление к насилию и реакции. Нас занимает здесь, однако, экономическая сторона дела, которую внес в свое определение Каутский». (Ленин, т. XIII, стр. 307).

В результате каутскианского определения империализма «выходило, что монополии в экономике совместимы с не монополистическим, не насильственным, не захватным образом действий в политике». У наших «деколонизаторов» выходит формально обратное, но по существу то же самое: у них монополия в политике оказывается совместимой с не монополистическим, не насильственным, не захватным образом действий в экономике, ибо только в этом случае политическая монополия могла бы не препятствовать экономической деколонизации. И здесь и там—и в старой аргументации и в новой—один и тот же отрыв, который не может не привести к затушевыванию наиболее глубоких противоречий империализма.

Вряд ли надо еще напоминать, что в подчеркивании различия между угнетенными и угнетающими народами Ленин видел водораздел, отделяющий наши позиции от позиций буржуазии и социал-соглашателей в колониальном вопросе. Но в этом предостережении т. Ленина особенно поучительно то

ударение, которое он делает в своей аргументации на учете именно экономических фактов.

> «... Что является самой важной, основной идеей наших тезисов? Различие между угнетенными и угнетающими народами. Мы подчеркиваем это различие—в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии. Для пролетариата и Коммунистического Интернационала особенно важно в эпоху империализма констатировать конкретные экономические факты (разр. моя) и при решении всех колониальных и национальных вопросов исходить не из абстрактных положений, а из явлений конкретной действительности» (т. XIX, стр. 242).

Учитывал ли т. Ленин, подчеркивая, что конкретные экономические факты лежат в основе различия между угнетенными и угнетающими странами, такой исключительной важности экономический факт, как развитие капитализма, как пересаживание капиталистического производства в колонии? Достаточно только поставить этот вопрос, чтобы ответ был ясен сам собой. Не только после войны, когда нарастающий темп развития капитализма в колониях стал видим и для невооруженного глаза, но во время войны в ряде работ т. Ленин не только отмечает, но и описывает этот процесс указывает основную тенденцию его развития. Мало того. Как будто предвидя, не только какая категория экономических фактов может ввести в заблуждение, с какой колонией в первую очередь может быть связана ошибочная оценка этих фактов, Ленин в речи на II конгрессе говорит об Индии именно в этой связи. Возвращаясь снова к вопросу о «различии», он говорит:

> «Эта идея различия, разделения народов на угнетающих и угнетенных проходит через все тезисы, не только через первые, появившиеся с моей подписью и напечатанные ранее, но и через тезисы тов. Роя. Последние написаны главным образом с точки зрения положения Индии и других крупных народностей, угнетаемых Англией» (там же, стр. 243).

Но, может быть, II конгресс не был достаточно осведомлен о темпе развития капитализма в Индии, и потому Ленин мог ошибочно предполагать, что «различие», основанное на экономических фактах, сохраняет свою силу и по отношению к ней? Может быть, поэтому он не говорил ни о «деколонизации», ни о политике империализма индустриализировать колонии? Такое предположение было бы безусловно неверно. Правда, документальное изучение работ важнейшей комиссии II конгресса по колониальному вопросу (по свидетельству Ленина, «в комиссии велись довольно оживленные дебаты»...) не представляется пока возможным, так как до сих пор протоколы этой комиссии не возвращены в архив ИККИ. Но из краткой речи т. Роя на пленуме конгресса видно, что если он в своей информации развития капитализма в Индии в чем-либо погрешил, то во всяком случае не в сторону его преуменьшения.

> «Индустрия в Британской Индии в последние годы,—говорил т. Рой,—развивалась в очень быстром темпе, о чем здесь в Европе не имеют никакого представления. Представление о быстроте развития капиталистической системы в Британской Индии можно получить, если принять во внимание, что в то время, когда индустриальный пролетариат в Британской Индии увеличился на 15%, капитал, который вложен в британскую индустрию, увеличился на 2000%» [1].

---

[1]) Стенографический отчет II конгр., стр. 143, нем. изд.

Итак, Ленин в речи по колониальному вопросу: 1) с исключительной настойчивостью подчеркивал момент различия между угнетенными и угнетающими народами; 2) указывал, что в основе этого различия лежат экономические факты и 3) что это основанное на экономике «различие» сохраняет полную силу и в отношении Индии с ее очень быстрым развитием промышленности.

Эти указания не могли предупредить того, чтобы через 8 лет некоторые товарищи как раз в момент заторможения развития капиталистического производства в Индии не поскользнулись «на эфтом самом месте». Но эти указания предупредили возможные вредные последствия ошибки, и она единогласно была ликвидирована VI конгрессом еще в теоретической стадии.

Не политика, а карикатура индустриализации.

Обосновывая деколонизацию т. Р. П. Дэт привел в свое время [1]) цитату из «Писем об Индии» Маркса («Железнодорожная система... поистине станет в Индии предвестницей современной индустрии»). Эта же цитата фигурирует сейчас и в аргументации «индустриализаторов». Но о чем говорит эта цитата? Об об'ективной тенденции развития капитализма в колониях. И хотя эта тенденция никем не оспаривается, но лишний раз напомнить слова Маркса, разумеется, не мешает. Беда, однако, в том, что от бесспорного положения, некоторые товарищи пытались перескочить на рельсы деколонизации, на утверждения т. Дэта, что «нынешнее промышленное развитие (Индии) составляет краеугольный камень политики британского правительства» (стр. 30) или что «руководящий орган британского империализма с циничным спокойствием предусматривает развитие Индии вплоть до ее превращения в доминион и считает, что это превращение ничуть не нарушит действительного империалистического контроля Британии над Индией,—контроля, который является капиталистическим» (стр. 45). Но ведь неверно все это: неверно то, что говорится о «краеугольном камне»; неверно то, что говорится о «доминионе», особенно же неверно то, что говорится о «капиталистическом контроле»; капиталистический контроль Англия может иметь (и имеет) над «независимой» Финляндией, Эстонией, Португалией, Польшей и т. д.; контроль же над Индией это особая, исключительная, монопольная форма капиталистического контроля, — контроль колониальный.

Каким же образом получается, что от бесспорно верной формулы Маркса т. Дэт и другие приходят к безусловно неверному выводу? Это получается, во-первых, потому, что они не замечают алгебраического характера марксовой формулы развития производительных сил в колониях, не хотят заметить этого, хотя Маркс подчеркивает этот алгебраический характер («во всяком случае мы с уверенностью можем ожидать в более или менее отдаленном будущем возрождения этой великой и интересной страны (Индии)»). Между тем, на VI конгрессе стоял не общий, для всех нас давно решенный, вопрос об об'ективном росте противоречий между развитием производительных сил в колониях и мертвящей оболочкой колониального гнета и о неизбежности разрешения этих противоречий крушением империализма. Конгресс должен был дать практическую директиву по вопросу о том, как, в какой форме об'единить сотни миллионов угнетенного человечества, уже втянутых в мировую историю, уже приведенных в революционное брожение против империализма, в один поток с революционной борьбой пролетариата. А для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо дать конкретную оценку экономических фактов в колониях и полуколониях, надо в алгебраическую формулу Маркса подставить коэффициенты, соответствующие этим конкретным данным для нынешнего периода и для определенных стран.

[1]) «Вопросы индийской революции», стр. 17 и след. русского перевода.

Вносил ли Маркс в свою алгебраическую формулу в качестве коэффициента момент колониального гнета, при том в такой форме, что им учитывается и характер этого гнета и степень его? Безусловно, да. «Письма об Индии», если брать оттуда не отдельные цитаты, оторванные от общего смысла, а все их содержание, имеют целью показать, не только то, что английская промышленная олигархия, осуществляя грабеж Индии, вынуждена в то же время развивать производительные силы порабощенной колонии и «осуществлять прогресс, таща индивидуумы и народы сквозь грязь и кровь, сквозь бедствия и лишения», но и то, какие специфические уродливые карикатурные формы неизбежно принимает этот процесс в колониях,—формы, исключающие возможность развития самостоятельного хозяйственного организма в стране при сохранении политической аннексии ее.

С этой точки зрения в высшей степени поучительны те страницы «Капитала», где Маркс описывает процесс: 1) проникновения торгового капитала в колонии и полуколонии и 2) того противодействия, которое докапиталистические способы производства оказывают этому проникновению. При характеристике того влияния, которое оказывает степень и характер зависимости страны на формы проникновения торгового капитала и вызываемого им процесса разрушения докапиталистических отношений (в частности, общин), Маркс намечает три различных типа.

«Препятствия, которые ставят разлагающему влиянию торговли внутренняя устойчивость и строй докапиталистических национальных способов производства, поразительно обнаруживаются в сношениях англичан с Индией и Китаем... В Индии англичане, как властители и повелители земельной ренты немедленно применили свою непосредственную политическую и экономическую власть для того, чтобы разрушить эти маленькие экономические общины... Но даже здесь это дело разложения удается им лишь очень медленно. Еще меньше оно удается им в Китае, где непосредственная политическая власть не приходит на помощь. В противоположность английской русская торговля напротив оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства». (Маркс, т. III, стр. 318).

Чтобы получить картину процесса в его дальнейшем развитии, следует процитировать сделанное тут же Энгельсом примечание к абзацу о влиянии русской торговли (относящееся к 90 годам):

> «Это так же начинает изменяться с тех пор, как Россия делает судорожное усилие, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на пограничный азиатский рынок».

Итак, торговый капитал повсюду влияет более или менее разлагающим образом на общину, всюду встречает сопротивление со стороны этих докапиталистических форм производства. Но вопрос о том, в каком темпе совершается это влияние, в каком темпе преодолевается устойчивость докапиталистических отношений, зависит от того, приходит ли на помощь торговому капиталу: 1) только экономическая власть, или 2) экономическая плюс непосредственно политическая власть, или 3) наоборот, борьба между торговлей и сопротивляющейся общиной ведется на более или менее равных началах. Третий случай, представленный русской торговлей 60-х гг. имеет преходящий характер, так как «судорожные

усилия по развитию собственного капиталистического производства» начинают вооружать Россию экономической властью по отношению к пограничным азиатским рынкам. Эта экономическая власть в развернутом виде осуществляется Англией в Китае, стране, которая в тот период, когда Маркс писал III том, хотя была уже связана неравноправными договорами (начиная с Нанкинского трактата 1842 года в результате поражения в опиумной войне), но политически оставалась еще не подчиненной капиталистическим хищникам. Наконец, Индия, в которой экономические процессы направлялись Англией, опирающейся не только на экономическую, но и на непосредственно политическую власть, т.-е. на колониальную монополию. Здесь проникновение торгового капитала с большой быстротой преодолевало сопротивление национальных способов производства.

Но, если для торгового капитала следует различать три формы проникновения его: 1) в колонии, 2) полуколонии и 3) зависимые страны, то в еще большей степени следует сказать это о финансовом капитале, особенностью которого является господство монополистических союзов и форма деятельности которого, стало быть, в значительной степени зависит от характера, содержания и пределов этих монополий.

До сих пор мы цитировали то, что Маркс говорил о разрушительной работе английского капитала в Индии. Какой же характер носит его «созидательная» работа, т.-е. «закладывание материального фундамента западного общественного строя в Азии»? В «Письмах» говорится, что эта «созидательная работа англичан едва видна сквозь груды развалин... тем не менее она началась». В III томе Маркс в сжатой, но чрезвычайно содержательной форме характеризует основную черту созидательной работы капитализма именно в колонии.

> «Если история какого-нибудь народа и представляет ряд неудачных и действительно нелепых (на практике позорных) экономических экспериментов, так это хозяйничанье англичан в Индии. В Бенгалии они создали карикатуру английского крупного землевладения; в юго-восточной Индии карикатуру парцеллярной собственности; на северо-западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину из общинного землевладения в карикатуру ее самой» (примечание на стр. 318).

Эпоха промышленного капитализма сменилась эпохой империализма. Английская буржуазия идет в Индию экономически вооруженная не только дешевизной своих товаров, но и всей мощью финансового капитала, подчиняющего себе всю экономику страны. Но задачи «созидательной работы» английской олигархии в Индии остались неразрешенными, и те новые методы их разрешения, которые применяются сейчас, сохраняют и не могут не сохранить свой старый карикатурный характер, свою «нелепость». Слово «карикатура» взято Марксом не случайно. Это не литературный образ, а экономическая характеристика. Оно выражает ту уродливость развития, которая является неизбежным следствием колониального контроля, верховный принцип которого сохранение монополии. Все предпринятое и предпринимаемое английским империализмом в колониях с точки зрения действительного развития производительных сил остается карикатурным экспериментом. Та же мысль выражена в ленинских словах о «пересаживании капиталистического производства» в колонии: не развитие, а пересаживание—этим уже указывается зависимость от того, кто пересаживает, подчиненность той стране, откуда пересаживается и т. д.

Конечно, давление производительных сил на оболочку колониальной монополии в Индии сейчас, при развитии капитализма, несравненно сильнее,

чем раньше, но из этого следует только то, что нажим завоевателя изменяясь в форме, становится все более настойчивым и глубоким, следовательно, и карикатурность хозяйничанья империалистов становится еще более уродливой, все более исключающей возможность независимого развития хозяйства страны при сохранении оков политического колониального гнета.

Само собою разумеется, что сказанное Марксом о хозяйничанье англичан в Индии относится к хозяйничанью колонизаторов вообще. Когда писался III том, колониальная монополия принадлежала Англии. Теперь перед нами колониальная система империализма в мировом масштабе.

Наконец, последний довод «индустриализаторов»: при финансовом капитализме колонизаторы заинтересованы в развитии производительных сил, а следовательно, в индустриализации колоний, ибо в противном случае сужение внутреннего рынка сокращает возможность извлечения в порядке колониальной эксплоатации прибавочного продукта. Но товарищи, выставляющие это возражение, не видят того, что в этом заключается основное противоречие всякого колониального грабежа, который, с одной стороны, стрижет свою жертву, с другой —заинтересован в том, чтобы она снова обрастала шерстью. Не только при финансовом, но и при промышленном капитале колониальная политика наталкивается на то же противоречие. Маркс формулирует его в «Письмах» следующим образом:

> «Но чем больше росла зависимость английской промышленности от индусского рынка, тем больше английские промышленники чувствовали необходимость создания новых производительных сил в Индии взамен той туземной промышленности, которую они разорили. Нельзя беспрерывно наводнять страну своими изделиями, если не давать ей возможности в свою очередь поставлять вам какие-нибудь свои продукты» [1].

Империализм воспроизводит это противоречие на более широкой основе. Разумеется, при прочих равных условиях, Англия заинтересована в том, чтобы выжимать сверхприбыль из цветущей, полнокровной, индустриализированной Индии, по той простой причине, что эта сверхприбыль была бы тогда в свою очередь богаче и больше. Но в том-то и дело, что «прочие условия» не могут быть равны. Английский империализм, не переставая быть империализмом, не может допустить, чтобы такая колония, как Индия, с такими колоссальными естественными ресурсами, при наличии накопления капитала внутри страны, при избытке дешевых рабочих рук, при существовании национального рынка превратилась в «серьезного конкурента» промышленности метрополии. «Лучше раздетая, голодная, побившая мировой рекорд смертности Индия, но моя»—это есть то основное, что определяет политику английского империализма в Индии.

Растущие противоречия колониальной политики империализм не может разрешить иначе (особенно в развитых колониях), как в порядке грубейшей карикатуры, т.-е. искусственно загоняя напор производительных сил либо в те области, которые менее опасны с точки зрения сохранения колониальной монополии, либо в тупик. Надо ли говорить о том, что единственный путь к разрешению этих противоречий—политическое и экономическое изгнание империализма, победа революции и развитие ее по социалистическому пути.

Индустриализация или захват источников сырья?

Вторая ошибка, производная от основной (отрыва политики империализма от его экономики) заключается в недооценке и даже в полном игнорировании значения сырьевой проблемы в общей системе империализма.

[1] «Летопись Марксизма», т. III, 1927 г., стр. 50.

«Говорить о превращении колоний в источники дешевого продовольствия и сырья для капиталистических стран верно только по отношению к первым стадиям капитализма и совершенно неправильно в эру империализма, экспорта капитала и индустриализации некоторых стран, служивших ранее источниками сырья» (Ротштейн) [1].

И для обосиования этой ошибки снова ссылка... на Ленина, в первую очередь на брошюру об империализме. Совершенно верно, тов. Ленин говорит [2], что «даже капиталистическая колониальная политика прежних стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитала». Но в чем заключается это существенное отличие? По Ротштейну, в том, что при прежних стадиях колонии были источниками продовольствия и сырья для капиталистических стран и что при империализме они перестают быть ими. По Ленину, как-раз наоборот: особенность новейшего капитализма заключается не в том, что сырье будто бы отходит на задний план, а в том, что захват его становится центральной задачей колонизаторов.

«Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такая монополия всего прочнее, когда захватываются в руки все (разр. подлинника) источники сырых материалов, и мы видели с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники н т. п.» [3]).

«К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья (разр. моя), за вывоз капитала, за «сферы влияния», т.-е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистической прибыли, наконец, за хозяйственную территорию вообще». Иллюстрируя конкретными фактами эти положения, Ленин напоминает, что английские капиталисты всячески стараются развить производство хлопка в своей колонии—Египте; русские в своей колонии—Туркестане, «потому, что таким путем они легче могут побить своих иностранных конкурентов, легче могут притти к монополизации источников сырья». Если английские товарищи, цитирующие «Империализм», не заметили здесь значения борьбы за сырье в колониальной политике империализма, они действительно слона не заметили.

Но, может быть, то что было вредно для 1916 года, когда Ленин писал свой «Империализм», неверно сейчас хотя бы потому, что «промышленное развитие Индии составляет краеугольный камень политики британского правительства»? Пределы журнальной статьи не позволяют проследить, какое место борьба за сырье занимает во всех обостряющихся сейчас конфликтах между империалистами, в готовящейся войне за передел колоний и за подчинение пока еще свободных стран колониальной аннексии. Напомним только главнейшие факты.

Нефть. Надо ли доказывать, что в конфликтах между северо-американским и английским империализмом в Центральной и Южной Америке, в Передней Азии и т. д. борьба за захват нефтеносных земель играет важнейшую роль, что даже борьба за рынки сбыта нефти в данный момент имеет в большинстве случаев подчиненное значение, так как стремление вытеснить противника из определенного рынка является прямым результатом стремления расширить сырьевую базу в этом районе. Бешеная погоня за нефтяными источниками не прекращается и не прекратится, несмотря на то, что в тот или иной момент обнаруживается перепроизводство нефти. Известно, что Рояль Детч обнаружил «принципиальную стойкость» в борьбе со Стандарт Ойль по «моральному» вопросу о советской нефти лишь до тех пор, пока английский синдикат мог еще надеяться сохранить свои сырьевые базы в Венецуэле и Боливии, и что победа американских монополистов в захвате мексиканских и средне-американских нефтеносных земель заставила англичан капитулировать и в вопросе о сбыте американской нефти в Индию. Но это «перемирие», разумеется, только подготовка к новой нефтяной войне.

Каучук. Борьбу против этой бывшей монополии Англии американский империализм вел не только финансовыми средствами (организовав могущественнейший закупочный синдикат для подрыва цен на мировом каучуковом рынке), но и путем непосредственного политического нажима на английское правительство. Уступчивость, обнаруженная правительством Болдуина в отмене «схемы Стевенсона», была вызвана не только тем, что американская контр-атака сделала невозможным для владельцев английских каучуковых плантаций извлекать попрежнему колоссальную сверхприбыль благодаря этому закону, но и потому, что американские адмиралы стали посылать через океан недвусмысленные угрозы по адресу Англии, а постройка морского и воздушного флота показала, что официальное дезавуирование этих угроз не имеет серьезного значения. Во имя каучука американский империализм проектирует сейчас, опираясь на колониальную монополию, произвести резкую ломку земельных отношений на Филиппинах, так как этого требует мобилизация лучших участков под крупные плантации. Сотни ученых исследователей, рассылаемых институтом Эдиссона—Форда по всему земному шару для отыскания каучуконосных растений, являются вместе с тем и военными разведчиками американского империализма для установления, какие тропические территории выгоднее для захвата с точки зрения разведения каучука и куда, следовательно, надо в первую очередь направить политический (и военный) нажим.

Хлопок. Северная Америка, имея больше половины производства хлопка (из 25 млн. кип среднего мирового производства—15 приходится на долю Соед. Штатов), предпринимает сложнейшие маневры экономического и политического характера, чтобы подорвать английскую хлопковую базу в Судане и Египте и чтобы в этих целях наложить руку на Абиссинию. В свою очередь центр колониальных усилий английского империализма в тропической Африке направлен на разведение хлопка в колониях и освобождение от зависимости от американской монополии. Борьба за превращение Абиссинии в колонию, за сохранение колониальной зависимости Египта, за передел существующих колоний определяется в значительной степени борьбой за хлопок.

Железорудные, меднорудные и другие земли. Начиная с 1925 г. наступление Соед. Штатов с целью захвата важнейших источников всех категорий металлического сырья принимает особенно решительную форму. Развитие добычи цинка, свинца и прежде всего, меди в Соед. Штатах и в находящихся от них в зависимости американских странах дает возможность Нью-Йорку переходить и к экспорту металлов, но одновременно с борьбой за рынки сбыта, обгоняя ее, идет захват сырья. Международный медный картель распоряжается в настоящее время 92% мировой продукции меди и в этом картеле Америка владеет 80%. Английские промышленники пытались было побудить правительство выступить против медной диктатуры Соединенных Штатов, но правительство не отважилось на это, советуя английскому об'единению выйти из медного картеля и ограничить

[1]) «Правда» № 197.
[2]) Том XIII, стр. 300.
[3]) Там же.

борьбу экономическими средствами. Недавно, после годичной борьбы английское об'единение вынуждено было капитулировать и вернуться обратно в лоно картеля, потому что Соединенные Штаты успели захватить важнейшие источники меди.

Мы не можем останавливаться здесь на той борьбе, которая ведется между империалистами и в порядке колониального захвата территорий, и в порядке скупки предприятий в зависимых и независимых странах с целью либо усилить свои сырьевые монополии, либо ослабить монополию противника. В некоторых отраслях борьба эта ведется с переменным успехом (цинк), в других (напр., алюминий, имеющий, как известно, громадное значение для военной промышленности) победа Соединенных Штатов уже определилась. Еще более важно, что империализм ведет борьбу не только за уже обнаруженные источники сырья, но и за их потенциальные силы, которые могут быть вызваны к жизни новой техникой и оплодотворением капитала. С этой точки зрения чрезвычайно интересна борьба за Манчжурию, острота которой иногда недооценивается. Недавно даже промелькнула своеобразная теория (продержавшаяся, правда, не долго), пытавшаяся «обосновать» выжидательное отношение Соединенных Штатов к японской оккупации «переплетением» американо-японских интересов в Манчжурии. Говорилось, что Соед. Штаты могут примириться с этой оккупацией по тем, мол, деловым соображениям, что при своем финансовом превосходстве они могут эксплоатировать Манчжурию через Японию. Эта теория, уже опровергнута жизнью, в основе неверна 1) потому, что она неправильно оценивает значение «переплетения» интересов при империализме (переплетение не только не исключает борьбы, но иногда заостряет ее, приводя к бою «на близком расстоянии») и 2) в еще большей мере потому, что она недооценивает основного стремления империализма к захвату всяких хозяйственных территорий, как возможных источников сырья. Тот факт, что американский империализм все больше отказывается от политики «открытых дверей» и стремится к прямым и непосредственным территориальным захватам, лишь подтверждает значение сырьевой проблемы в системе империализма. С точки зрения американского империализма Манчжурия (плюс Амурская область: немецкая печать отмечает, что американцы замахиваются и на советскую территорию!), имеющая поверхность в 26 тысяч квадр. миль, является сейчас последним большим резервным участком с редким населением, с незатронутыми еще естественными богатствами, пригодным для разведения пшеницы в крупнейшем масштабе. Захватив Манчжурию Соединенные Штаты добиваются хлебной монополии на мировом рынке, не говоря уже о том, что они делают решительный шаг по пути превращения Тихого океана в свое внутреннее море.

Но, может быть, существуют какие-нибудь особые причины, вследствие которых Англия именно теперь, в результате «индустриализации» колоний перестает играть роль города по отношению к заморским сырьевым и продовольственным базам? Подсчет той массы сырья и продовольствия, которая доставляется в Англию, произведен «Экономистом» в конце 1927 г. Вот его суммарные итоги:

> «Может ли Кулидж серьезно сравнивать потребность Америки в импорте резины с тем фактом, что мы должны ввозить 80% пшеницы, 50% мяса, половину железной руды, больше 80% шерсти, весь хлопок, медь, каучук, шелк, табак и почти всю нефть, строительный лес, древесную массу, цинк, сахар. Без заморского импорта мы не имеем средств для поддержания жизни «нашего населения».

Фраза о «поддержании жизни» это, разумеется, крокодиловы слезы. Выкачка продовольствия и сырья проводится английским империализмом не в целях «поддержания жизни», а в целях получения сверхприбыли за счет жизни населения колоний. Но вывод, который делает из этого подсчета «Экономист», совершенно правилен с точки зрения империализма. Противоречие между Англией в качестве потребителя и колониями в качестве поставщиков продовольствия и сырья либеральный журнал предлагает разрешить не в порядке индустриализации колоний, а в порядке сохранения и укрепления колониальной монополии. Не деколонизация, а господство на морях, сильнейший в сравнении со всеми соперниками флот является тем обручем, который, по мнению «Экономиста», может сдержать рассыхающуюся кадку Великобританской империи.

> «Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов (экспедиция Эдиссона Форда! *П. Ш.*) и проч.), если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств, к новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов и проч. и т. п. Отсюда неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственных территорий и даже территорий вообще (разр. везде моя). Финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира и за переделы кусков уже разделенного» [1]).

Вот как характеризует Ленин колониальную политику финансового капитала в отличие от прежних стадий капитализма. Тов. Ротштейн, как мы видели, говорит обратное. Эти две точки зрения непримиримы.

Аннексия политическая и аннексия экономическая.

Недооценка сырьевой проблемы приводит к третьей ошибке наших деколонизаторов: к неспособности конкретно поставить вопрос о вывозе капитала в страны различной степени и характера зависимости, в особенности в колонии. Вывоз капитала к источникам сырья является одной из основ империализма (Сталин). Но не видя источников сырья в колониях, «деколонизаторы» тем самым не могут видеть и того, какие своеобразные формы находит там приложение капитала. Они не видят и того, что, если капитал вообще строит в колониях железнодорожную сеть, в первую очередь чтобы приблизить источники сырья, то финансовый капитал присоединяет к этому основному способу извлечения сырья еще первоначальную обработку его в целях облегчения доставки в метрополию. Разумеется, капитал ищет сырье везде, добивается его всеми средствами, обеспечивает себе контроль и в независимых странах скупкой акций, банковскими связями и т. д. (в последнее время скупка американцами рудников цинка в Бельгии). Но главными поставщиками сырья, главной базой сырьевых монополий являются колонии. «Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний».

Но суживая функции экспортируемого капитала (исключая от его функций важнейшую: захват сырьевых монополий), теоретики империалисти-

[1]) Том XIII, стр. 301.

ческой индустриализации одновременно суживают и сферу вывоза капитала. Тов. Беннет пишет:

«Империализм есть, между прочим, вывоз капитала» (Ленин, том XIX, стр. 196) в колонии и полуколонии».

Можно различно ссылаться на Ленина: можно цитировать его, можно излагать его мысль, можно, наконец (хотя, разумеется, такой метод требует особой осторожности и особой тщательности), смешивать в одну фразу и цитату и свое добавление. Тов. Беннет прибегает к третьему способу. Это еще было бы с полбеды. Вся беда заключается в том, что он, прибавив к словам Ленина свои слова: «колонии и полуколонии», тем самым «исправляет», т.-е. ограничивает и урезывает основную мысль Ленина. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала, бесспорно, но не только в колонии и полуколонии, даже не только в зависимые, но и в политически независимые страны (Германия). Экономическая аннексия вполне «осуществима» без политической и постоянно встречается. Забывая об этом тов. Беннет относит все, что Ленин писал об экспорте капитала вообще, к экспорту капитала в колонии.

Экспорт капитала при империализме происходит в обстановке, когда раздел мира: 1) экономический (международными картелями) начался, а 2) территориальный (раздел всей территории земли крупнейшими странами—колонии)—закончился. Во всех случаях финансовый капитал: 1) оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его, и 2) несет стремление к господству, а не к свободе, и «реакцию по всей линии при всяких политических порядках». Но делает он это при разных политических порядках неодними и теми же методами и не в одной и той же форме. Финансовый капитал способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью. Ленин неоднократно подчеркивал это в спорах против товарищей, не понимавших различия между экономической и политической аннексией:

«Крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкретов чужой политически независимой страны и всегда это делает. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая аннексия вполне осуществима без политической и постоянно встречается. В литературе об империализме вы встречаете на каждом шагу такие, например, указания, что Аргентина есть на деле «торговая колония» Англии, что Португалия есть на деле, «вассал Англии и т. п. Это верно: экономическая зависимость от английских банков, задолженность Англии, скупка Англией местных ж. д., рудников, земель и проч.—все это делает названные страны «аннексней» Англии в экономическом (разрядка моя) смысле без нарушения политической (разрядка моя) независимости этих стран» [1]).

Полуколонии являются лишь одной из форм этих формально самостоятельных, на деле же опутанных и опутываемых сетями финансовой и дипломатической зависимости стран. Туда же относятся и государства с гораздо большей степенью политической независимости. Как известно, тов. Ленин, иллюстрируя эту мысль, в виде предположения указывал на такую возможную роль для Польши. Он писал:

«Никакой политической мерой нельзя запретить экономики. Никакой политической формой Польши, будет ли она частичкой царской России или Германии, или автономной областью, или независимым политическим государством, нельзя ни запретить, ни отменить ее зависимости от финансового капитала империалистических держав, скупки акций ее предприятий этим капиталом» [1]).

[1]) Ленин, том XIII, стр. 355.

Ход событий осуществил то, что Ленин высказывал, как одну из возможностей. Независимое политически государство Польша остается в зависимости от финансового капитала империалистических держав. Почти вся континентальная Европа, вследствие экспорта американского капитала, оказывается в той или иной степени и форме в зависимости от финансового капитала Соединенных Штатов.

Экспортируемый в политически независимые страны капитал с целью либо создания, либо развития экономической аннексии стремится повлечь за собой и аннексию политическую, но это удается ему не во всех случаях. Экспорт капитала прокладывает дорогу политическому завоевателю, но не может заменить всех его функций. В последний момент финансовый капитал должен послать в качестве своего сильнейшего аргумента соответствующий десант или оккупационную армию и разрешить задачу политической аннексии до конца. Иное дело полные колонии. Они являются результатом уже состоявшегося территориального захвата империалистическими странами. «Владение колоний одно (разрядка моя) дает полную гарантию успеха монополии против всех (разр. моя) случайностей борьбы с соперником—вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защищаться законом о государственной монополии». При политической аннексии, которая само собой предполагает и полную экономическую аннексию, колонизатор является хозяином порабощенной страны прежде всего в отношении к ней, но также и по отношению ко всем соперникам, которые хотели бы нарушить его экономическую власть, но оказались бы недостаточно сильными, или еще недостаточно сильными, чтобы в порядке военного передела захватить политическую аннексию для себя. Этим определяется и та, по выражению Маркса, непосредственно политическая власть, которую колонизатор немедленно может пустить в ход, чтобы методами внеэкономического насилия воздействовать на экономику колоний. Этим определяется и своебразная роль экспортируемого капитала в полных колониях, не во всем совпадающая с его ролью даже в полуколониях, не говоря уже о политически независимых странах.

Тов. Беннет пишет: «Каждая метрополия вынуждена учитывать наличие соперников, которые могут в любую минуту «помочь» колонии или полуколонии даже вопреки воле непосредственного хозяина этой колонии» [2]). При этом делается соответствующая ссылка на стр. 286 тома XIII Ленина. Но на этой странице читатель может найти только то, что Ленин говорит об экспорте капитала в зависимые страны или полуколонии в отличие от колоний. О помощи вопреки воле непосредственного хозяина колонии здесь не только нет ни слова, но из всего изложения ясно видно, почему эта «помощь» в форме экспорта капитала именно п колонии чрезвычайно затруднена, а иногда и невозможна. Тов. Ленин цитирует здесь статью журнала «Банк» (относящуюся к 1913 г.), где говорится о том, что целый ряд чужестранных государств выступает перед денежными рынками с требованиями на заем и что денежные рынки, несмотря на то, что находятся не в очень блестящем положении, вынуждены удовлетворять эти требования под влиянием конкуренции: «Ни один из денежных рынков не решается отказать в займе из боязни, что сосед предупредит его, согласится на заем, а вместе с тем обеспечит себе известную услугу за услугу». Но какие это «чужестранные государства», которые могут угрожать, что в случае отказа они обратятся от одного де-

[1]) Там же, стр. 359.
[2]) «Комм. Интерн.», стр. 45.

нежного рынка к другому? Они перечислены в цитате: «От Испании до Балкан, от России до Аргентины, Бразилии и Китая», т.-е. указывается на страны, либо политически независимые, либо отчасти независимые, и на полуколонию. Случайно ли здесь не поставлена Индия, Египет, Индонезия или Марокко? Разумеется, нет. Боязни, что сосед «предупредит и согласится на заем», такой боязни у хозяина колонии нет, ибо он, хозяин, опираясь на непосредственно политическую власть, решает сам все вопросы, связанные с займом колонии. Условием займа,—говорит Ленин,—ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т. д... В силу займа финансовый капитал получает крепкие связи с буржуазией полуколонии или независимой страны, с руководящими кругами всей ее экономической и политической жизни. Но в колонии хозяин обеспечен этими возможностями и этими связями в большей степени, чем ему может дать любой заем, взятый сам по себе. У колонии нет свободы выбора, нет, следовательно, и возможности в порядке привлечения иностранного капитала использовать борьбу между империализмами в интересах ослабления своей зависимости от метрополии. Эта возможность может возникнуть, но лишь в процессе борьбы против колониального гнета и лишь в мере успешности этой борьбы, а не в результате политики индустриализации со стороны метрополии.

Конечно, между колониями и полуколониями, с одной стороны, между полуколониями и зависимыми странами—с другой, наконец, между зависимыми и странами, пользующимися полнейшей политической независимостью, нет никакой стены. «Финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд переходных форм государственной зависимости». Поэтому нет и резкого и абсолютного разграничения между формами господства, которые приносит финансовый капитал, проникая в те или иные типы стран. Одно остается, однако, решающим: в зависимые (и отчасти в независимые) страны финансовый капитал идет в целях экономической аннексии или усиления ее; в полуколонии—в целях превращения экономической аннексии в аннексию политическую (для чего в качестве судебного исполнителя необходимо привлечь армию и флот); в колонии лишь на условиях и в форме, обеспечивающей сохранение политической аннексии.

«Мы не поймем жизни ни одной колонии, в частности мы не поймем последнего периода быстрого роста капитализма в Индии, если хотя на минуту забудем наличие конкуренции (подчеркнуто в подлиннике) ряда империалистических держав»,—говорит тов. Беннет. [1]).—Правильнее было бы сказать обратное: мы не поймем жизни колоний, если при исследовании конкретного вопроса, при выработке конкретной тактики будем беззаботно смешивать колонии с полуколониями и зависимыми странами, если то, что Ленин писал о влиянии конкуренции империалистов в полуколониях и зависимых странах, в целях их полного порабощения, мы будем переносить на колонии для обоснования теории деколонизации в том или ином виде. Действительно, какую «конкуренцию империалистов» имеет в виду тов. Беннет, ссылаясь на Ленина?

Оказывается, ту конкуренцию нескольких империализмов, о которой говорится на стр. 308 тома XIII. Но ведь яснее ясного, что здесь идет речь о конкуренции нескольких империализмов, которая ведет, однако, не к деколонизации, а к «колонизации», к распространению, к расширению колониальных владений империализма, к превращению независимых стран в колонии!

---

[1]) Беннет, «Комм. Интерн.», стр. 45.

В самом деле, в какой связи тов. Ленин указывает, что Каутский не видит конкуренции нескольких империализмов и преобладание финансиста над торговцем? В связи с новыми захватническими стремлениями империализма, в связи со стремлением финансового капитала к расширению колониальных монополий, в связи с возникновением новых колоний.

> «Для империализма характерно как раз стремление к аннектированию не только (везде разрядка подлинн.) аграрных областей, а даже самых промышленных (германские аппетиты насчет Бельгии, французский—насчет Лотарингии), ибо, во-первых, законченный раздел земли вынуждает при переделе протягивать руки ко всяким землям. Во-вторых, для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, т.-е. к захвату земель не столько для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии (Германии Бельгия особенно важна, как опорный пункт против Англии; Англии—Багдад, как опорный пункт против Германии и т. д.)».

Итак, конкуренция между империалистами действует в сторону усиления агрессивности колониальной политики. Тот факт, что при империализме финансист преобладает над торговцем, дает возможность экономически аннексировать еще независимые страны,—именно этого не хотел видеть Каутский и не видят те, кто экспорт капитала уделяет только колониям и полуколониям. Борьба за этот дальнейший, еще недоконченный экономический раздел мира ведется «мирными» средствами экспорта капитала. В этой стадии конкуренция между империалистами приводит, между прочим, к их соревнованию в экспорте капитала для усиления своих позиций в данной стране. Но финансовый капитал не удовлетворяется и не может удовлетвориться только экономической аннексией; он ищет возможности, чтобы протянуть руку политической аннексии, в частности захватить как можно больше земель. На этой стадии конкуренция нескольких империализмов заставляет каждого из них стремиться к полной монополии, как единственной гарантии против всех случайностей борьбы с соперником. Во всех случаях конкуренция империалистов действует, как фактор, заостряющий империалистическую политику финансового капитала и его колониальный нажим. Эта конкуренция на основе империализма может получить свое разрешение либо в порядке территориального раздела страны между конкурирующими группами, т.-е. превращения ее из полуколонии в несколько полных колоний разных империалистов (план раздела Китая), либо в порядке уступки господствующему в данной стране империализму со стороны его конкурентов (например, Панама, Никарагуа и т. д.) и, наконец, в порядке войны между конкурентами за овладение колонией. Но раз колониальная монополия установлена, то перемена ее, т.-е. передел колониальных владений совершается уже не в порядке экономической конкуренции между империалистами, а в порядке военной борьбы. Само собой разумеется, что революция разрешает все эти случаи «конкуренции» по-своему: в целях использования (а также разжигания) антагонизмов в империалистическом лагере. Конвульсивный, уродливый, мучительный процесс развития капитализма в Индии нельзя понять, «если мы хоть на минуту забудем», что при колониальной монополии, гарантирующей экономически против всех случайностей борьбы с соперником, даже с Соед. Штатами, Англия является полным хозяином страны. Только этим можно об'яснить, что американский капитал, всячески стремящийся хотя бы к экономической аннексии Индии, просачивается туда сравнительно слабо, потому что широкий поток его задерживается на пороге английской монополии. Вот почему Англия может позволить себе в течение трех лет, а если

ей понадобится, то и дольше, почти не экспортировать капитала в Индию, проделывать эксперименты над ее валютой и т. д., н т. п., не опасаясь конкуренции со стороны Соединенных Штатов. Больше того. В самый разгар каучуковой войны громадный капитал С. Штатов, сконцентрированный в закупочном синдикате, оказался способен в сравнительно слабой степени прорваться непосредственно в Индонезию, плантации которой являются предметом тайных и явных вожделений автомобильных королей Америки, только потому, что на пути мощного американского капитала стояла хилая и жалкая, но все же колониальная монополия Голландии. Правда, американский капитал проникает в Индонезию. Да, но в какой форме и в какой степени? Лишь в той форме и по мере того, как он проникает в Голландию вообще, т.-е. в форме скупки акций голландских предприятий, влияния на голландские банки и т. д. Способствовала ли такая борьба между империалистами деколонизации Индонезии? Ни в какой степени. Эта конкуренция может привести к тому, что при военном переделе колоний американский империализм постарается захватить Индонезию, но не в целях деколонизации, а в целях превращения в свою колонию. Еще раз: антагонизм между империалистами может быть использован колонией лишь в процессе революционной борьбы.

Переоценивать то влияние, которое может оказать на английскую политику индустриализации такой факт, как конкуренция японских и американских товаров (не капиталов, а товаров) значит действительно забывать ту особенность империализма, на которую еще ссылается т. Беннет, т.-е. преобладание финансиста над торговцем. Проникновение японских хлопчатобумажных тканей на индийский рынок не отнимает у английской монополии возможности принять те или иные противодействующие меры. Эти меры имели один характер в период войны, т.-е. когда непосредственная политическая власть Англии в Индии ослабела; они имеют другой характер сейчас (пошлина на хлопчатобумажные ткани, направленная специально против Японии), когда эта власть снова окрепла; они могут, наконец, снова измениться во время новой войны или непосредственного приближения ее. Но во всех этих случаях политика английского империализма будет направлена на сохранение своей политической и экономической монополии. Ни английская политика индустриализации, ни американская конкуренция, ни сочетание того и другого не ведут к уничтожению экономической зависимости, подчиненности, порабощения Индии.

Значит ли вышесказанное, что стена колониальных границ оказывается абсолютно непроницаемой для ввоза товаров конкурирующего с метрополией империализма? Значит ли это, что совершенно исключается возможность того, чтобы более сильный империализм развивал с чужой колонией внешнюю торговлю даже за счет метрополии, либо слабеющей в данный момент, либо вообще ослабевшей? Конечно, не значит. История колониальной борьбы империалистов знает такие примеры, но она также знает, что никогда такая конкуренция товарами сама по себе при империализме не приводила и не могла привести к переделу колоний, не говоря уже о том, что она не могла привести к уничтожению или даже ослаблению ни политической, ни экономической аннексии старого «законного» колониевладельца.

Как известно, не кто иной, как Каутский для доказательства «возможности реформистского изменения основ империализма» (а колониальные монополии являются одной из этих основ) ссылался на то, что вывоз и ввоз Англии из Египта за 1872—1892 гг. рос слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. Отсюда Каутский делал вывод, что «нет никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше, под влиянием простого веса экономических факторов». Другими словами, ссылаясь на проникновение американских и германских товаров в Египет, Каутский пытался реставрировать «либеральную» точку зрения (которая, как мы видели выше, если и могла иметь какое-нибудь значение, то лишь в период наибольшего процветания свободной конкуренции) о допустимости деколонизации с точки зрения интересов метрополии. Ленин подчеркивал, что «это рассуждение Каутского, на сотни ладов перепеваемое его российскими оруженосцами, составляет основу его критики империализма» и считал нужным подробнее на нем остановиться.

Каким образом может получиться, что товар конкурирующего империализма оказывается способным перескочить через стену колониальных границ или протекционных пошлин? Потому, что чужой империализм, благодаря своему финансовому, экономическому и техническому превосходству может до такой степени понизить свои цены на внешнем рынке, чтобы в тот или иной период, в той или иной отрасли торговли потеснить метрополию, нащупав какой-нибудь слабый пункт, охраняющий ее колониальную метрополию.

> «Если Германия быстрее развивает свою торговлю с английскими колониями, чем Англия, это доказывает лишь, что германский империализм свежее, сильнее, организованнее, выше английского... Перевес немецкого империализма над английским сильнее, чем стена колониальных границ или протекционных пошлин; делать отсюда «довод» за свободную торговлю и «мирную демократию» есть забвение основных черт и свойств империализма, замена марксизма мещанским реформизмом» [1].

Какие отсюда следуют выводы?

Во-первых, что наиболее свежий, сильный империализм все же не может завоевать колониальный рынок экспортом товаров, что, перескакивая колониальную стену, он не может пробить брешь в колониальной монополии иначе как в порядке передела колоний, т.-е. «доказав» свою свежесть и силу в открытой войне.

Во-вторых, что конкурирующий империализм в свою очередь держит курс не на свободную конкуренцию, а на свою монополию, т.-е. не на экономическую самостоятельность колоний, а на завоевание их в своих интересах (этому положению посвящена в цитированной главе вся дальнейшая аргументация Ленина против Каутского).

И, в-третьих, что проникновение товаров конкурирующего империализма «при таких условиях» ни в какой мере не влечет за собой «политику индустриализации колоний» со стороны хозяина. Наоборот, опыт показал, что малейшая брешь в экономической монополии вызывает со стороны хозяина особое напряжение всех средств внеэкономического нажима, от которого он не отказывается и не откажется до последнего своего издыхания. Пример Египта, которым козырял Каутский, является показательным именно в этом отношении. Действительно, чем ответила Англия на то, что германские товары оказались способными обойти ее колониальную монополию в Египте? Войной. Чем ответила Англия на рост германского влияния в Египте накануне войны, рост, об'ясняемый не столько экспортом товаров, сколько тем, что Египет продолжал, хотя и номинально, считаться частью Оттоманской империи, выступившей во время войны на стороне средне-европейской коалиции? Политикой индустриализации, или политического соглашения? Известно, что наоборот, Англия об'явила Египет формально под своим протекторатом, низложила старого, не совсем надежного, хедива, об'явила султаном своего ставленника, назначила верховного комиссара, превратила Египет в одну из своих главнейших военных баз. В нашу задачу не

[1]) Том XIII, стр. 326.

входит рассмотрение развития колониального порабощения Египта после войны, в частности, той политики *использования* «чужих» иностранных купцов в целях усиления нажима на египетское правительство, которое до сих пор не без успеха проводит английский империализм. Во всяком случае, несомненно одно: совету Каутского деколонизировать Египет не следует не только консервативное правительство, но и не последовало правительство Макдональда. Импорт германских и американских товаров не явился также той «конкуренцией империалистов», которая в какой бы то ни было мере могла повлечь за собой индустриализацию Египта.

Верно ли, что немногие империалистические страны (в которых капиталы «перезрели» и где капиталу недостает поприщ «прибыльного» помещения) поставлены в необходимость экспортировать капитал, в частности, в отсталые страны? Безусловно верно. Но следует ли из этого, что Англия вынуждена вывозить капитал именно *сейчас* (или в ближайшем будущем), именно *в Индию* и признать «неизбежность ее индустриализации»? Безусловно, нет. Разве у английского капитала нет другого выбора, как итти в Индию? Свобода империалистического хозяина по отношению к колониям проявляется, в частности, в его свободе и при экспорте капитала. И, действительно, английский капитал устремляется в зависимые страны (в Южную Америку прежде всего), а также в полуколонии, потому что этим путем он отстаивает или расширяет оспариваемые у него экономические позиции, потому что иногда у него нет других возможностей иначе развивать вывоз своих товаров. Английский капитал идет затем в африканские тропические колонии, потому что здесь у него еще осталась наиболее выгодная и прибыльная задача захвата земель и использования сырьевых источников. Но какая чистая или нечистая сила должна его гнать непременно в Индию, хотя бы с риском создать себе «серьезных конкурентов». Ссылаются на Ленина и не замечают, что он писал: «В отсталых странах прибыль обычно выше, ибо *капиталы* малы, цена *земли* сравнительно невысока, *зарплата* низка, *сырьевые* материалы дешевы». Заметили ли товарищи-«индустриализаторы», что среди перечисленных условий в Индии нет уже, по крайней мере, *одного* из самых существенных—*цена земли* «здесь не только сравнительно невысока», но превосходит цену на лучшие участки пахотной земли в Европе? Империализм это заметил и учел. Высокая цена на землю в *данном* случае отражает одновременно и то, что завоеватель *уже* наложил свою руку на земельную территорию и на сырьевые источники, и то, что внутренний рынок уже наталкивается в своем развитии на пауперизацию крестьянства.

Затем и с точки зрения своей общей экономической политики основная проблема, которую вынуждена ставить перед собой английская буржуазия, заключается не в расширении, а в сокращении заграничных инвестиций. Было бы, разумеется, наивно придавать *преувеличенное* значение планам английской буржуазии (см., в частности, программу либеральной партии) добиться за счет сокращения экспорта капитала столь быстрого роста внутренних инвестиций, чтобы рационализацией поднять конкурентоспособность основных отраслей промышленности своей метрополии, и прежде всего потому, что в настоящий период все более обостряющейся войны за рынки сбыта вывоз товара без предоставления долгосрочных и краткосрочных кредитов, без связей, расширяемых при помощи этих кредитов, становится все менее возможным [1].

[1]) Соединенные Штаты, имевшие в 1912 году только 24% всего экспорта в Латинскую Америку (в то время, как Англия, Германия, Франция имели 49%), имеют сейчас 38%, при понижении экспорта Франции, Германии и Англии до 32%. Такая резкая перемена в соотношении сил между европейской и американской торговлей об'ясняется в первую очередь ростом экспорта северо-американского капитала за счет европейского.

Урезать в такой угрожающей обстановке, при *такой* действительной конкуренции экспорт капитала, например, в Латинскую Америку, Англия без большого риска для своих позиций на международном рынке не может. Но она может маневрировать в отношении *колоний*. Здесь она сохраняет полную свободу и может выбирать, куда, как и сколько вывозить.

Тов. Беннет призывает «не уклоняться от фактов..., понять их, дабы вскрыть *их революционное нутро*». Но только проходя мимо основных фактов можно *именно* в настоящих условиях утверждать, будто острая нужда в вывозе капитала вынуждает Англию индустриализировать Индию с риском потерять ее в порядке излишней щедрости. Что же касается «революционного нутра», то на нем придется еще, хотя бы вкратце, остановиться.

Революционное нутро „теории деколонизации".

В задачу настоящей статьи не входит, как указывалось, рассмотрение спорных вопросов тактического характера по колониальному вопросу. Мы коснемся их лишь в той мере, в какой они фигурировали в аргументации «деколонизаторов».

Доказывать, что развитие капитализма в колониях не может не привести к обострению кризиса всей империалистической системы незачем. Тот факт, что процесс этого развития идет спазматически, конвульсивно, карикатурно, при сохранении докапиталистических форм гнета в деревне, при специфически колониальных хищнических формах эксплоатации рабочих, усиливает его значение, как революционного фактора. Всякая недооценка с этой точки зрения развития капитализма в колониях заслуживает решительного отпора.

Но верно ли утверждение, что неизбежное предательство оппозиционной буржуазии в колониях определяется тем, совершается деколонизация или нет деколонизации? Или, что отход буржуазии на известной стадии окончательно в контрреволюционный лагерь об'ясняется тем, что империализм удовлетворяет ее национальные требования? «*Все* три требования националистической буржуазии: индустриализация страны, фискальная автономия и таможенное покровительство—были *удовлетворены* вследствие того, что британский капитал старался преодолеть послевоенный кризис путем *перестройки базы* империи»,—писал тов. Рой, характеризуя политику деколонизации [1]). Конечно, нет. Туземная буржуазия предает и предаст даже в том случае, когда ни одно из этих требований не удовлетворено. Ее переход в контрреволюционный лагерь совершается не под влиянием действительных более или менее серьезных уступок империализму, а прежде всего в силу развития революционного движения трудящихся и по мере самостоятельного классового выступления рабочих и крестьян. Индийская буржуазия предала и обезглавила движение в 1922 году не вследствие уступок буржуазии («конституционная реформа—диархия была «дарована» в 1917 г., а следующие таможенные реформы явились наградой за уже совершенные предательства), а под влиянием *первых* признаков аграрной революции, испугавшей на смерть буржуазию, связанную и переплетенную с феодальным землевладением. То же самое мы видели в Китае. Предательство Чан Кай-ши подготовлялось и было осуществлено не в результате уступок мирового империализма (нельзя считать «уступкой» подкуп того или иного генерала), а под влиянием развернувшейся аграрной революции. Товарищи видят основной источник предательства буржуазии в индустриализации колоний, удовлетворяющей ее требованиям (почему, собственно,—ведь, и при индустриализации

[1]) «Индия в будущем», русский перевод, 1926 г.

не только командные высоты, но все мало-мальски важные или выгодные хозяйственные пункты остаются в руках империалистической буржуазии?) опять-таки ссылаются на Ленина и опять-таки по недоразумению. Что сказал Ленин в докладе на II конгрессе?

> «Между буржуазией эксплоатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто,—пожалуй, даже в большинстве случаев,—буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальное движение, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т.-е. вместе с ней, борется против всего революционного движения и революционных классов».

Ясно, на какой именно почве совершается сближение между империалистической и туземной буржуазией. На почве удовлетворения национальных требований последней? Нет, туземная буржуазия продолжает поддерживать национальные движения. На какой же? На той, что она «в согласии с империалистической буржуазией борется против всех революционных движений и революционных классов».

Под'ем революционной волны решает вопрос о том «часе», когда национальная буржуазия становится открыто на путь контрреволюции. В обстановке такого назревающего, а после китайского опыта и обнаруживающегося под'ема империализму незачем экспортировать капитал, чтобы получить на свою сторону национальный реформизм: ему достаточно экспортировать Перселя и даже Саймона.

«Революционное нутро» теории деколонизации (индустриализации то ж) может свестись к предположению, что до того момента, пока туземная буржуазия не получит более или менее действительного удовлетворения всех требований ее, предательство либо исключается, либо непрочно, а в тех случаях, когда сделанные империализмом уступки берутся обратно, она может пережить «вторую молодость» своих революционных стремлений. Опыт национально-революционной борьбы показывает, что это не так.

Гораздо более серьезное значение, с точки зрения изменения классовых сил в колонии, имеет появление и нарастание пролетариата при развитии капитализма. Но и в этом отношении было бы неправильно представлять дело так, будто теория индустриализации, декретирующая беспрерывно нарастающее развитие промышленности, а следовательно, и рост пролетариата, имеет основание претендовать на особую «революционность». В действительности, роль и значение пролетариата в колониях (и полуколониях) определяется не только его численностью, но и теми специальными условиями колониального гнета, которые облегчают ему завоевание гегемонии в борьбе масс против чуженационального ига. Если бы теория деколонизации была верна, это означало бы смягчение специфически колониальных форм эксплоатации. Между тем, возможность для слабого и слабейшего пролетариата в колониях руководить борьбой крестьянства и городской бедноты облегчается в значительной степени наличием колониального гнета. В написанных для III конгресса тезисах «о тактике РКП» Ленин дает сжатое определение, учитывающее оба эти момента:

> «Британская Индия стоит во главе этих стран (колоний и полуколоний), и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще к массовым убийствам (Амрицар), к публичным поркам и т. д.» [1].

[1]) Том XVIII, ч. 1, стр. 313.

Амрицар упомянут здесь не случайно: как известно, это центр крестьянского движения сикхов. Быстрое развитие индийской революции, таким образом, определяется двумя связанными между собой факторами: ростом пролетариата, с одной стороны, ростом колониального гнета—с другой.

Но и при сочетании этих двух факторов задача национально-революционной борьбы, задача прорыва империалистического фронта в колониях, представляет, как показал опыт, величайшую трудность и требует тяжелых жертв и не только в колониях, где господствующий империализм является хозяином положения, но и в полуколониях, где, несмотря на конкуренцию империалистов, революция рабочих и крестьян в решительный момент наталкивается на единый фронт и империалистов и туземной реакции. Разбить этот блок, нанести поражение империализму в колонии, деколонизировать порабощенные народы возможно только ценой ряда революционных восстаний как в колонии, так и в метрополии.

Об этом следует помнить прежде всего.

А. Ф.

Основные вопросы колдоговорной кампании.

1. Задачи и характер кампании.

Работа по перезаключению коллективных договоров, начиная с 1925—26 г., когда она стала проводиться, как массовая кампания, с каждым годом привлекает к себе все большее внимание организаций и печати и проводится при все возрастающем участии рабочих масс. Однако, самый характер и содержание колдоговорной кампании вызывают до сих пор серьезный и существенный ее недостаток. Почти повсеместно к перезаключению колдоговоров подходят исключительно с точки зрения разрешения вопросов регулирования условий труда рабочих. Обычно задачи кампании видят в том, что при обсуждении колдоговора рабочие и профсоюз пред'являют «требования», хозяйственники «отбиваются», идут переговоры, конфликтование, кончающиеся сговором или примирением в каком-нибудь примирительном третейском или конфликтном органе. Такой односторонний, унаследованный еще с годов восстановительного периода, подход к кампании перезаключения колдоговоров является ныне явно недостаточным и неправильным. Ярким образчиком такого ошибочного подхода к колдоговорной кампании явилось в нынешнем году письмо ЦК ВЛКСМ, полное «требований» и почти не касавшееся производственных задач. Хорошо, что еще до посылки на места это письмо своевременно было исправлено.

При начавшейся реконструкции нашей промышленности на основе капитального строительства и рационализации производства, когда номинальный и реальный уровень зарплаты рабочих превысил довоенные размеры, нельзя серьезно и основательно разрешить вопрос о регулировании условий труда рабочих, если тесно не связывать его с более широким вопросом об организации труда на производстве и вопросом о производственных условиях.

Вот почему во время колдоговорной кампании, на ряду с обсуждением вопросов труда рабочих (зарплата, охрана труда, бытовые условия, правовые нормы и др.), следует со всей силой выдвигать и основные вопросы производства перед рабочими массами, сосредоточивая их внимание на задачах поднятия производительности труда, повышения дисциплины, улучшения технического нормирования труда, сокращения накладных расходов, снижения себестоимости, улучшения качества продукции и др. В связи с этим стоит вопрос о привлечении к самому активному участию в проведении кампании всех работников хозяйственного аппарата на производстве. Хозяйственники и административно-технические работники должны смотреть на колдоговорную

кампанию, как на своего рода «смотр» производства. Во время нее, они должны стремиться выявить, совместно с рабочей массой, все слабые места на производстве, мешающие нормальному ходу и всемерному улучшению работы, находить средства для их исправления и обязаны быстро принимать все необходимые меры для проведения в жизнь деловых предложений рабочих об устранении производственных непорядков.

Таким образом, колдоговорная кампания, разрешая вопрос об улучшении условий труда и быта рабочих, должна одновременно приковать внимание масс к одному из решающих указаний Ленина, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» и «капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда». На «это... очень трудное и очень долгое» (Ленин) дело должна звать рабочих колдоговорная кампания.

Эту задачу особенно настоятельно следует выпятить в текущую кампанию, в связи с проникновением под влиянием трудностей и противоречий нашего строительства мелкобуржуазных настроений и колебаний в отсталые слои рабочих и даже в отдельные прослойки нашей партии (пытающиеся оживиться троцкистские осколки, особо поднявшие голову за последнее время, правые и примиренческие элементы). В противовес этим шатаниям, чрезмерным требованиям, цеховщине, рвачеству со стороны отдельных рабочих следует противопоставить непоколебимую решимость и организованную волю широких рабочих масс—максимально быстрым и напряженным темпом проводить индустриализацию страны, следует также мобилизовать и направить усилия масс на преодоление трудностей, неизбежно встающих на пути социалистического строительства.

Только таким путем можно будет добиться, чтобы для всех рабочих стала очевидна необходимость сочетать свои личные запросы с интересами производства и всего народного хозяйства.

Текущая колдоговорная кампания по практическим своим задачам менее сложна и трудна, чем прошлогодняя: отделен массовый пересмотр норм выработки и сдельных расценок, меньше об'ем работы по проведению тарифной реформы, в малых размерах будет пересмотр правовой и бытовой частей колдоговора. Тем не менее, в связи с общими трудностями нашего строительства и современными кон'юнктурными особенностями, политическое значение кампании настолько велико, что она требует к себе пристального и исключительного внимания со стороны партийных, профессиональных и хозяйственных организаций, особенно промышленных районов. Необходимо при этом исходить из того, что «х о з я й с т в е н н ы й» п л а н на 1928—29 год, намеченный контрольными цифрами, является посильным, но к р а й н е н а п р я ж е н н ы м (ноябрьский пленум ЦК ВКП(б). Поэтому, основная задача—во время колдоговорной кампании усилиями всех организаций и рабочих масс обеспечить максимум возможных условий для наилучшего выполнения хозяйственного плана, намеченного на 1928—29 г.

2. Практика перезаключения колдоговоров.

Несмотря на то, что колдоговорная кампания является на производстве первостепенной важности политической кампанией, партийные, профессиональные и хозяйственные организации еще не научились так руководить ее проведением, чтобы она не только преследовала экономические задачи, но и давала п о л о ж и т е л ь н ы й п о л и т и ч е с к и й э ф ф е к т. Опыт прошлых кампаний дает в этом отношении, несмотря на это, противоположные результаты, в прошлом же году мы имели вдвое больше, чем в предыдущую кампанию, трений и обострений. Основную причину этого «темного

пятна» колдоговорной кампании нельзя не искать в значительных недочетах работы наших организаций. Это тем более очевидно, что колдоговорная кампания проходит у нас в последние годы в условиях успешного и быстрого хозяйственного роста и при связанном с последним неуклонном улучшении уровня жизни рабочих. При этом неопровержимом факте разве не вопиющим и совершенно ненормальным явлением следует считать положение, при котором кампания перезаключения колдоговоров дает во многих местах не улучшение, а некоторое ухудшение настроений рабочих.

Вот почему необходимо добиться от всех организаций радикального улучшения их работы по подготовке и проведению кампании. Она должна быть так поставлена, чтобы в ходе и результате перезаключения колдоговоров рабочие массы теснее сплачивались вокруг профсоюзов, ближе становились к производству и чтобы одновременно повышалось сознательное отношение рабочих к задачам социалистического строительства. В этом именно направлении следует изменить всю практику проведения колдоговорной кампании.

В последний год партийное руководство колдоговорной кампанией, в связи с основными ее трудностями, несколько улучшилось. Однако, надо открыто констатировать, что партийные организации несвоевременно и еще недостаточно серьезно вникают в существо принципиальных вопросов колдоговоров. Партийные комитеты еще плохо выполняют директиву о практической помощи проведению кампании на тех предприятиях, где она по тем или иным причинам осложняется. Только в исключительных случаях они это делают, когда эти осложнения прорываются наружу. Нередко партийные ячейки, вместо правильного партийного руководства ходом кампании, огульно становятся на сторону проф. или хоз. органа. Бывают даже такие отдельные случаи (завод им. Вл. Ильича и др.), когда ячейка под напором цеховых настроений выступает и против предложений хозорганов и против предложений профорганов. В трудном положении находятся коммунисты и комсомольцы во время колдоговорной кампании, так как их очень слабо информируют о вопросах колдоговора и также слабо инструктируют, как вести раз'яснительную работу в массах. Особенно резко это сказалось в предыдущую кампанию, когда коммунисты плохо разбирались в вопросах технико-нормировочной работы и тарифной реформы и зачастую не могли поэтому отвечать на вопросы рабочих. Мало того, не редким явлением была пассивность со стороны ряда коммунистов и комсомольцев во время кампании, а некоторые из них заражались даже хвостистскими настроениями, были участниками, иногда и инициаторами дезорганизаторских поступков.

Следует отметить, что, как правило, коммунисты «октябрьского призыва» во время колдоговорной кампании дисциплинированно проводили в массах парт. решения, а в ряде мест (Москва, Ленинград и др.) вели себя выдержаннее, чем некоторые более старые партийцы.

Участие комсомольских ячеек в колдоговорной кампании было, как правило, весьма слабо.

При таких крупных недостатках партруководства колдоговорной кампанией и при сложности ее, связанной как с ошибками в практике ее проведения, так и с невозможностью удовлетворить все предложения рабочих, совершенно естественными являются попытки всяких притивосоветских элементов нажить «капиталец» на этой кампании. И, действительно, в прошлом году в ряде мест троцкистские, меньшевистские и всякие другие антикоммунистические элементы усиленно пытались «подзуживать» массы. ЦК меньшевиков из «прекрасного» берлинского далека соизволил даже разразиться особым воззванием по поводу колдоговорной кампании с требованием «демократии», «независимости» профсоюзов и т. п. социал-демократических «прелестей». «Социалистический Вестник» тоже не прошел мимо кампании, расписав, как «обманули» рабочих. По первым сведениям видать, что и в нынешнем году отдельные троцкисты также пытаются кое-где «разжечь страсти» насчет большего повышения зарплаты и др. Но эти попытки отпетых политических банкротов не имели и не имеют и, надо надеяться, не будут иметь хоть сколько-нибудь значительного влияния на массы и потому проваливаются.

Господа меньшевики и меньшевиствующие, за долгие годы ничего не забывшие и ничему не научившиеся, на колдоговорной кампании получают лишний раз наглядный урок, что рабочий класс нашей страны безраздельно отдает свое доверие большевистской партии не в зависимости от той или иной хорошо или плохо проведенной работы, а на основании опыта трех революций и опыта одиннадцатилетнего строительства социализма.

В работе по защите непосредственных интересов рабочих профсоюзы, начиная с 1922 года, когда партия под руководством Ленина четко определила «роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики», достигли немаловажных результатов. Тарифная работа и колдоговорная кампания стали на деле одной из важнейших отраслей профсоюзной работы. Однако, научившись бороться «с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия» (XI с'езд партии) со стороны хозорганов, профсоюзы почти не научились еще должным образом бороться с «бюрократическим невниманием к нуждам масс» (июльский пленум ЦК партии) в особенности с невниманием к так называемым «мелочам». В этом сказывается некоторый бюрократический подход к работе со стороны самих профсоюзов. Это проявляется и в том, что кампания по перезаключению колдоговоров проводится почти повсеместно только силами узкого круга профессиональных экономработников. А разве нельзя и нецелесообразно привлечь членов выборных профорганов и профактив к участию в проработке отдельных вопросов колдоговора, к раз'яснению его в массах?

Крупным недостатком в работе профорганов при проведении кампании явилось также то, что в центре готовились к ней в течение ряда месяцев, а местам предоставляли лишь две-три недели, а в некоторых случаях (Владимир, Н. Тагил, Рязань и др.) только несколько дней для проработки и обсуждения колдоговоров. Понятно, что при таких условиях низовые профработники не успевали разбираться во всех сложных вопросах колдоговоров и не могли давать рабочим удовлетворительные об'яснения по ним.

Проводя в общем и целом правильную линию, *профсоюзы* в некоторых случаях при назревании конфликтов не умеют должным образом идти против неправильного течения, не принимают всех необходимых мер для его предупреждения и преодоления, упускают инициативу из рук и «пасуют». В таких случаях рабочие, помимо и через голову своей профорганизации, пред'являют требования, шлют заявления, ходоков. Такие ненормальные случаи свидетельствуют прежде всего о слабости профработы, как и работы других организаций. Вот почему необходимо восстановить применение следующего решения XI с'езда партии: «Одним из важнейших и безошибочных мерил правильности и успешности работы профсоюза является учет того, в какой мере он успешно предупреждает массовые конфликты на государственных предприятиях путем предусмотрительной политики, направленной к действительному и всестороннему ограждению интересов рабочей массы и своевременному устранению поводов к конфликтам».

Одним из самых слабых мест в работе *хозорганов* является совершенно недостаточное и неудовлетворительное участие их в колдоговорной кампании. Это об'ясняется указанным выше в корне неправильным взглядом на эту кампанию, как на дело исключительно профсоюзов. Хозяйственники, на которых ложились особые трудности в проведении кампании, как правило, в должной мере не уясняли задач кампании, не были подготовлены к их разрешению. На предприятиях они частенько стремятся «стоять в сторонке»

при обсуждении в массах колдоговора. Нередко они отмалчиваются на собраниях. Так, например, иа заводской конференции «Кр. Треугольника» представитель треста молчал и только по требованию массы взял слово, но ничего по существу колдоговора не сказал; иа цеховых собраниях Балтийского завода администрация ие выступала. На некоторых предприятиях (Московская фабрика им. Звонкова, Иртовищенская фабрика в Ив.-Вознесенске, фабр. «Шервот» в Моск.-Нарвском районе и др.), хозяйственники даже не являлись на собрания для участия в обсуждении колдоговора. Красочный случай приводит отчет ЦК союза металлистов об Уральском заводе «Нырва», где работники заводоуправления, отказываясь участвовать в обсуждении рабочими колдоговора, прямо заявили: «ходить на собрания—ие наше дело». Административно-технические работники, в частности завцехами и мастера, как правило, не участвуют в колдоговорной кампании. Такая пассивность хозработников, помимо большого вреда для самого производства, наносит не малый урон и работе профсоюзов, вынуждая их иногда терять свое лицо и выступать единственным представителем хозяйственной точки зрения. Против этого большого зла следует повести решительную борьбу. Директора на предприятиях обязаны собирать специальные технические совещания для проработки вопросов колдоговора и для инструктирования техперсонала об их участии в проведении кампании. Хозяйственники должны хорошо понять, что только тогда они смогут с успехом пред'являть свои требования к рабочим, когда они сами будут внимательно и чутко относиться к предложениям последних и все выполнимые предложения на деле проводить в жизнь. Необходимо, чтобы все хозяйственные работники также осознали всю важность их активного участия в массовом обсуждении колдоговора с точки зрения интересов производства и привлечения к нему внимания рабочих. В связи с этим стоит вопрос о предварительном ознакомлении перед колдоговорной кампанией рабочих с итогами и перспективами работы производства. Опыт производственных конференций в Москве (на 130 конференциях присутствовало около 15 тыс. делегатов, представлявших 650 тысяч рабочих), в Туле, Сормове, Владимире, Грозном, Днепропетровске (вопросы конференции предварительно прорабатывались на 43 цеховых собраниях, на которых присутствовало около 4½ тысяч рабочих и было внесено 498 практических предложений) и др., на которых обсуждались доклады хозяйственников об итогах работы за предыдущий год и о произв. программе нового года, показывает, что это подготовляло рабочих к более сознательному подходу к перезаключению колдоговора. Вот почему этот опыт надо распространить повсеместно, всячески улучшая практику его проведения.

Во время колдоговорной кампании рабочие массы проявляют большую активность и с повышенным интересом относятся к вопросам колдоговора, затрагивающим их непосредственные интересы. Приходится отметить, что, к сожалению, из-за плохой раз'яснительной работы этот положительный интерес рабочих удовлетворялся недостаточно. Количественные показатели говорят о все возрастающем вовлечении рабочих масс в колдоговорную кампанию. Посещаемость общих, делегатских и цеховых собраний выражалась в 1927 г. и 1928 г. так: в Московск. губ.—46 и 61%, у московских металлистов—47 и 68%, у ярославских текстильщиков—43 и 56%, у украинских металлистов—60 и 87%, у Ив.-Вознесенских текстильщиков—на цеховых и сменных собраниях—22 и 31%, на делегатских собраниях—54 и 65%, на конференциях—68 и 73%, в 1928 г. по предприятиям Среднего Урала—61%, Днепропетровска—60%, Ленинграда—70%, Баку—80% и т. д.

Но в некоторых местах имели место факты слабого вовлечения рабочих в колдоговорную кампанию. На отдельных предприятиях Сталина, Тулы, Нижнего посещаемость рабочими собраний выразилась только в 25—30%, на

предприятиях Владимирского губтекстильтреста—26%, на цеховых собраниях Кр. Треугольника—28%.

На ряде же предприятий (Нижне-Выксунский з-д, Паострой в Ив.-Вознесенске, Богомолстрой на Урале, Харьковская кондитерская ф-ка и другие) профорганы подробно обсуждали колдоговоры на ФЗМК и делегатских собраниях, на рабочие же собрания выносили их лишь для общего ознакомления с ними рабочих и их утверждения, что вызывало недовольство в массе.

Одни количественные показатели, однако, недостаточны: решающее значение имеют качественные результаты вовлечения масс в кампанию.

Порядок же обсуждения колдоговоров на рабочих собраниях следует признать неудовлетворительным.

В виду крайней спешности проработки колдоговоров во многих местах рабочие не успевали как следует их обсуждать и иногда («Пролетарка», Ив.-Вознесенская мануфактура и др.) требовали даже повторного их обсуждения.

У рабочих вызывала также недовольство неясность некоторых пунктов колдоговоров, чрезмерные ссылки в них на статьи законоположений о труде. Крайне ненормально такое положение, что предварительно до обсуждения колдоговора рабочих не знакомят с вносимыми в них изменениями и они не могут должным образом их продумать. Вредит обсуждению также то, что в ряде мест читают и ставят на обсуждение все пункты колдоговора, независимо от того, вносятся ли к ним изменения или нет. Важнейшее значение имеет также следующее обстоятельство. Рабочие вносят большое количество предложений,—профсоюзные работники, и особенно хозяйственники, недостаточно внимательно относятся к этим предложениям, не всегда выясняют, выполнимы ли они, и крайне редко выступают против неосуществимых предложений, добиваясь их отклонения. Поэтому обычно случается так, что почти все вносимые на рабочих собраниях предложения принимаются, а в колдоговоры включается лишь незначительная часть их. Так, напр., в Моск.-Нарвском районе Ленинграда в одном предприятии из принятых при обсуждении колдоговора на рабочем собрании 157 предложений, в колдоговор было внесено лишь два. Для устранения подобных случаев надо обязать профорганизации, на ряду с отстаиванием выполнимых предложений рабочих, открыто выступать против непосильных для промышленности требований. От хозяйственников следует требовать, чтобы они заранее имели свои предложения по колдоговору, выступали с ними перед рабочими, обосновывая их убедительными данными, также раз'ясняя невыполнимые предложения. На хозяйственников надо возложить ответственность за включение в колдоговор предложений рабочих, принятых с их согласия.

Серьезного внимания заслуживают также вопросы о порядке переговоров хоз. и проф. органов, конфликтовании и сроках кампании. Как правило, срок переговоров в последнюю кампанию был короче прежнего. Но тем не менее, в ряде мест он был еще довольно продолжителен. Так, напр., нижнетагильские металлисты вели переговоры о колдоговоре с Уралметом в течение пяти недель в г. Свердловске. Отрицательно влияет на рабочих установившийся ненормальный порядок, заключающийся в том, что их плохо информируют о ходе переговоров и не ставят на их обсуждение изменений, вносимых в колдоговор в ходе переговоров. Имели место даже такие случаи (Тула), что представители профсоюза уехали в центр на переговоры до обсуждения колдоговора на рабочем собрании.

Конфликтования между проф. и хоз. органами на почве заключения колдоговоров в прошедшую кампанию было меньше, чем в прошлом году. Так, например, в Москве их было меньше на 15%, в Нижнем Новгороде—на 84% и т. п.

Положительное воздействие в этом направлении оказали совместные директивы, данные на места ВЦСПС и ВСНХ, в частности, директива о непре-

менном сокращении конфликтования. В этом отношении очень показательны имевшие место случаи, когда хозяйственники и профессионалисты первоначально конфликтовали, но, получив отказ в разборе их конфликтов, быстро сговаривались. В Н.-Новгороде, например, из 800 конфликтов 600 были разрешены по соглашению сторон и только 200 по решению супер-арбитра.

Было не мало случаев конфликтования из-за маловажных разногласий (Ярославль, Н. Тагил, Свердловск и др.). В некоторых местах (Владимир, Николаев и др.) отмечен даже рост конфликтования и очень длительный разбор конфликтов.

Совершенно ненормально, что перезаключение колдоговоров неимоверно растягивается.

Колдоговорная кампания в 1927 — 28 г. в связи с об'единением ее с пересмотром норм выработки и проведением тарифной реформы значительно затянулась: в промышленности, начавшись в ноябре, она закончилась в марте—апреле, а на транспорте она продолжалась почти полгода (с января—февраля до июля). В связи с этим в Н.-Новгороде в губком было даже внесено губпрофсоветом предложение «постановить перезаключать колдоговор не весь год, а раз в год».

Опыт колдоговорных кампаний показывает, что в результате их затягивания рабочие держатся продолжительное время в напряженном состоянии, что отражается отрицательным образом на производстве, не говоря уже о том, что на долгое время нарушается нормальный ход работы всех организаций на производстве. Вот почему строгое соблюдение установленных сроков колдоговорной кампании (ноябрь, декабрь) так, чтобы к 1 января кампания повсеместно кончалась и немедленно вслед за этим новые колдоговоры были широко распространены на предприятиях, является настоятельной и безусловной необходимостью. В этом отношении серьезного внимания требует к себе вопрос о своевременности и тщательности подготовки всех организаций к перезаключению колдоговоров и о снабжении во-время предприятий директивами и необходимыми материалами. Необходимо также установить за правило, что недопустимо совмещение колдоговорной кампании с какой бы то ни было другой кампанией на производстве.

Установился порядок, что колдоговор заключается не дольше чем на год. За последнее же время ряд хозяйственных и профессиональных органов ставят вопрос о необходимости перейти к двухлетнему сроку действия колдоговора, заменяя ежегодное перезаключение его массовой проверкой выполнения. В нынешнем году это допустимо лишь для некоторых предприятий, где, на основании данных контрольных цифр, в колдоговоре не предстоит никаких существенных изменений. В дальнейшем же, по мере развертывания реконструкции промышленности и перехода ее к работе по пятилетнему, а впоследствии и генеральному плану, неминуемо встанет вопрос о широком распространении применения более длительного срока действия колдоговоров с тем, что ежегодно смогут допускаться изменения локальных договоров дополнительно к генеральным или же заключаться дополнительные местные соглашения. Необходимыми условиями для возможности это осуществить должны быть систематизация законов о труде и уточнение формулировок пунктов колдоговоров.

Колдоговорная кампания, как в фокусе, отражает все недостатки работы организаций на производстве. Особенно резко они сказались в предыдущую кампанию в связи с трудностями проведения колдоговорной кампании. Необходимо добиться, чтобы кампания перезаключения колдоговоров явилась одним из важнейших факторов воспитания масс, укрепления работы организаций и улучшения производства. Вот почему принятие решительных мер для устранения в текущую кампанию отмеченных недочетов является обязанностью всех хозяйственных, профессиональных и партийных организаций.

3. Техническое нормирование труда.

Сколько бы мы ни говорили о воспитательной работе среди рабочих в целях поднятия производительности труда и трудовой дисциплины и как ни важна эта работа, она не может не дать крайне ограниченных, а то и незначительных результатов, если не решить коренной вопрос о правильной постановке организации труда на производстве. Важнейшей же составной частью этого вопроса является техническое нормирование труда. Это совершенно новая область работы, появившаяся у нас на производстве лишь «милостью» революции. При старом режиме мастер был полным хозяином в цеху. Он же и нормировал труд и расценивал его. Делал он это «по опыту», «на глазок». Широкое поле было тут произволу, личному усмотрению, что не противоречило основной задаче капиталистической эксплоатации рабочих. Сломав все капиталистические порядки на наших фабриках и заводах, революция уничтожила и этот «допотопный» метод нормирования труда. Установленное у нас техническое нормирование труда предполагает систематическое научное изучение всего процесса производства, состояния и изменений всех его элементов и установление норм выработки для рабочих в точном соответствии с производственными возможностями. Созданные несколько лет назад органы технического нормирования при хозорганах — ОЭТ (отделы экономики труда) и ТНБ (технико-нормировочное бюро) еще крайне слабо и несовершенно выполняют свою работу. Основные причины этого следующие: 1) хозорганы недостаточно руководят этой работой, 2) отсутствуют необходимые материалы и пособия по техническому нормированию, 3) плохо поставлено инструктирование, 4) мало разработаны и неумело применяются методы нормирования (хронометраж, фотография рабочего дня, паспортизация оборудования, лабораторное изучение отдельных рабочих операций), 5) количественно и качественно слаб состав работников, 6) значение технического нормирования явно недооценивается проф. и парт. организациями, 7) нет необходимой поддержки рабочих масс.

Остановимся на этих вопросах.

На многих предприятиях сами хозяйственные руководители «скептически» относятся к работе ОЭТ и ТНБ, мало ею интересуются, слабо ей помогают. В связи с этим остро также стоит вопрос о взаимоотношениях ОЭТ и ТНБ с техническим персоналом на производстве. Здесь еще много ненормального. Технический персонал тоже стоит в стороне от работы по техническому нормированию, мало помогает этой работе. Некоторые специалисты и мастера даже «косятся» на ТНБ, несочувственно к нему относятся, злорадствуют над его ошибками и не прочь бы вернуть себе утерянные старые права. На этой почве кое-где в цехах складывается даже нездоровый союз между такого рода администраторами и отдельными старыми рабочими, не осознавшими еще всей важности технико-нормировочной работы. При такой недостаточной поддержке со стороны хозаппарата предприятия технико-нормировочные органы особо нуждаются в систематическом инструктаже со стороны вышестоящих хозорганов. Накопившийся уже опыт можно распространить повсеместно через литературу, пособия, живой обмен опытом и т. д. Все это делается в совершенно недостаточной, прямо-таки ничтожной степени. Нечего поэтому удивляться, что работа молодых и неопытных ОЭТ и ТНБ поставлена плохо. Часто проводят хронометраж неумело и вхолостую, без изучения оборудования. Старый произвольный подход с «допуском», «прикидкой», с постоянными торгами и спорами все еще распространен. На ленинградском заводе «Светоч» имела даже место сдача работы по методу «аукциона», т.-е. тому, кто соглашается на более низкий расценок. Совершенно понятно, что при такой постановке технического нормирования, нормы выработки не пересматриваются по 2 и 3 года, в просмотре их допускается не

мало ошибок и случайностей. Это не может не подрывать авторитета всего технического нормирования, невзирая на первостепенную его важность. Исключительное значение имеет тот факт, что и количественно и качественно состав работников ОЭТ и ТНБ крайне недостаточен.

Совершенно недопустимым является имевшее место проведение режима экономии за счет сокращения аппаратов ОЭТ и ТНБ. Такой неразумный подход во многих случаях совсем низвел на-нет технико-нормировочную работу. С особой настоятельностью поэтому следует выдвинуть вопрос о пополнении состава работников ОЭТ и ТНБ. Это—верный путь к доподлинному режиму экономии. Качественно нормировочные работники мало удовлетворительны. Аппарат ОЭТ и ТНБ имеет крайне мало специалистов, квалифицированных рабочих, коммунистов, которые бы знали данное производство и имели бы знания и опыт по техническому нормированию. Наоборот, этот аппарат в сильной степени засорен слабыми и неопытными работниками, чуждыми элементами и даже вредителями. Последние не только не умеют с должным тактом по отношению к рабочим проводить свою работу, но в отдельных случаях злонамеренно допускают неправильности, чтобы навредить рабочим и расстроить нормальный ход их работы. В последнюю колдоговорную кампанию в некоторых местах (Ленинград, Сормово) снимали такого рода работников. Чистка аппарата технического нормирования является актуальной задачей так же, как и всемерное его укрепление. Невзирая на исключительную трудность работы по нормированию, материальные условия ее хуже, чем на производстве. Трудность этой работы особенно усугубляется тем, что она не получает необходимой поддержки со стороны партийных, профессиональных организаций и рабочих масс. ТНБ зовут—«тяни нашего брата», нормировщика считают «врагом рабочих». При таких условиях понятно бегство работников с этой работы и нежелание даже коммунистов итти на нее. Для устранения указанных недочетов необходимы длительные и самые энергичные мероприятия. Напрасно «Труд» иронически передает заявление представителя ОЭТ ВСНХ на пленуме ВЦСПС о том, что пока-что нельзя должным образом нормировать труд. Это—печальный, но неоспоримый факт. Необходимо хорошо осознать, что без активной помощи партийных и профессиональных организаций его не устранить. Прежде всего нужно выдвинуть значительное количество работников на это дело, особое внимание надо уделить подготовке новых и переподготовке старых работников. За несколько лет ВСНХ пропустил через 2—3½-мес. курсы по подготовке около 50 нормировщиков и рационализаторов, такая же подготовка ведется и на местах (Ленинград, Харьков, Ростов-на-Дону, Нижний). Однако, эта подготовка далеко не соответствует потребностям промышленности в нормировочных работниках. Вот почему хоз. и проф. органы должны принять более широкие и более систематические, чем до сих пор, мероприятия по разрешению этого самого больного вопроса технико-нормировочной работы.

Слабости и недостатки работы ОЭТ и ТНБ особенно резко выявились в прошлогоднюю колдоговорную кампанию, когда на них в связи с массовым пересмотром норм выработки и сдельных расценок, была возложена чрезвычайно ответственная и тяжелая, местами непосильная работа. По этому поводу ВСНХ РСФСР констатирует следующее: «Тресты не имели отчетливых и ясных предложений по изменению договорных условий, были слабо подготовлены к пересмотру нормы выработки и не использовали договорную кампанию в должной мере для обеспечения выполнения в части труда заданий промфинпланов». На Украине было констатировано, что «большинство трестов и отдельных профорганизаций не подготовилось должным образом к практическому проведению в жизнь перезаключенных колдоговоров и особенно в части подготовки к проведению пересмотра норм выработки и сдельных расценок». 15 февраля правление «Гомзы» пишет заводоуправлениям: «Заявляет ряд заводов, что, несмотря на все усилия и мобилизацию большинства заводского аппарата на работу по проведению колдоговорной кампании, заключающейся в данное время в пересмотре норм и расценок, все же нет уверенности в своевременном окончании этих работ в срок»... По этому же вопросу в Сормове отмечалось «отсутствие четкой постановки со стороны заводоуправления, к тому же не имевшего соответствующих указаний со стороны правления Гомзы, недостаточная подготовленность цеховой администрации и отсутствие у отдельных нормировщиков необходимой гибкости и чуткости»... Полная беспорядочность в постановке тарифно-нормировочной работы ярко видна из следующего описания, как трест «Мельстрой» «помогал» своему нижегородскому заводу им. Воробьева проводить колдоговор в жизнь:

«1) 31/X трест дает директиву поднять нормы на 18% (без обоснований), 2) 3/XI сообщается, что БЭТ в тресте неработоспособен, 3) 15/XI просит трест сообщить о возможности определить размер повышения норм выработки, 4) 26/XI трест предлагает выехать в БЭТ для согласования и тут же 26/XI дает отдельные конкретные предложения для проведения в жизнь пересмотра норм».

Эти факты отнюдь не исключительны: они имели повсеместное распространение. Поэтому, хотя пересмотр норм выработки и сдельных расценок коснулся на многих предприятиях тысяч и десятков тысяч (на Кр. Путиловце около миллиона) номенклатур и дал значительную экономию средств, которые были использованы на подтягивание зарплаты, проведение тарифной реформы и снижение себестоимости,—тем не менее трудности и промахи массового пересмотра норм выработки привели парт., проф. и хоз. органы к отказу от повторения подобных опытов. Да и с точки зрения правильной хозяйственной политики «кампанейский» пересмотр норм выработки нецелесообразен. Ведь, он должен проводиться в соответствии с техническими и организационными усовершенствованиями на производстве, повышающими производительность труда, и вскоре вслед за ними. Нужен при этом индивидуализированный подход к каждой норме, к каждому расценку. А это можно осуществить только в процессе систематической работы, переходя от цеха к цеху, от одного работника к другому. При этом нормы выработки должны закрепляться на длительный срок (не менее 1 года) так, чтобы рабочий мог работать в спокойных условиях. Досрочный пересмотр их возможен лишь при проведении рационализаторских мероприятий, повышающих производительность труда. Понятно, что при таком порядке пересмотра норм выработки и сдельных расценок, он может проводиться в течение всего года и даже во время колдоговорной кампании на тех работах, где в это время обнаруживаются соответствующие производственные изменения, влияющие на рост производительности труда. Только при таких условиях невозможно положение, когда нормирование превращается в нервирование. Нормы должны устанавливаться максимально технически возможные, ибо только такой метод работы может способствовать максимально возможному темпу рационализации производства и индустриализации. Особо резко стоит вопрос об устаревших, давно не пересматривавшихся и потому неправильных нормах, особенно в легкой промышленности, а также о сплошном запоздании с пересмотром норм. Разрешение этих задач зависит главным образом от укрепления аппарата ТНБ. Понятное дело, надо бороться с противодействием пересмотру норм, имеющим место со стороны некоторых рабочих и отдельных профорганов, также со случаями отказа при таком противодействии со стороны отдельных хозяйственников от необходимого пересмотра норм. Но основной успех нормирования зависит от планомерности и четкости работы ТНБ.

Положительный опыт технико-нормировочной работы пока-что встречается в виде исключения. Так, например, на Коломенском заводе ТНБ про-

нзвело паспортизацию всего оборудовання, через существующую при нем секцию по обследоваиию использования оборудоваиия и рабсилы провело большую нсследовательскую работу и составило почти для всех профессий нормвли, по которым будет значнтельно легче устаиовить правильную норму выработки. Эта работа позволилв повысить пронзводительность существующего оборудования на 15%, производнтельность сдельщнков на 20—30% и нормы выработки на 25—30%. Опыт Коломенского завода учитывается и ЦТНБ Гомзы.

Правильио н хорошо поставленная работа по техническому иормированию, помимо непосредственных своих результатов отражает, как в зеркале, также все недостатки на производстве и указывает, как их исправить. В этом отношении работа по техническому нормированню является не только важнейшнм оруднем нанлучшей и правнльной организации труда, но н одннм из осиовных и важнейшнх факторов рационализации пронзводства! Это весьма большое значение техиико-нормнровочной работы должно быть осознано партийными и профессиональными организациями. Они обязаны приблнзить к этой работе рабочие массы, добиваясь от них активной ее поддержки (рабочий актив при ТНБ, совещания при ТНБ, группы рабочих, образцовые группы рабочих и т. п.).

(Продолжение следует).

К. Трошин.

О мобилизации крестьянских свободных средств[1]).

Июльский пленум ЦК нашей партии отметил, что одним из условий, повлиявших на хлебозаготовительные затруднения в истекшем хозяйственном году, было «нарушение рыночного равновесия и обострение этого нарушения благодаря более быстрому росту платежеспособного спроса со стороны крестьян в сравнении с предложением промтоваров, вызванное повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев». (Из резол. пленума). Повышение доходности сельского хозяйства, как показывают «Контрольные цифры» на 1927—28 г., происходит в значительной мере за счет неземледельческих занятий; так, например, в истекшем хозяйственном году эти доходы составляли 2.400 млн. руб. или 41% по отношению к доходу от реализации (вне деревни) сельскохозяйственной продукции. Эта цифра как по абсолютной, так и относительной своей величине представляется значительной. Дальнейший рост промышленности и связанное с этим ростом городское строительство, а также рост промыслового производства, связанного с сельским хозяйством, создают перспективу к несомненному повышению доходности крестьянских хозяйств за счет заработка в этих областях производства. А на ряду с этим будут, разумеется, увеличиваться и доходы за счет роста товарности в самом сельском хозяйстве.

Таким образом, на ряду с ростом предложения товаров промышленности будет увеличиваться, вероятно, не в меньшей степени и платежеспособный спрос со стороны крестьянского населения. В итоге мы, вероятно, будем иметь продолжение напряжения в рыночных отношениях промышленности с сельским хозяйством, если не сумеем изыскать возможностей, смягчающих это напряжение.

В качестве одной из мер, могущих разрядить это напряжение и вместе с тем обеспечить приток новых дополнительных средств в общий оборот страны, мы предлагаем разрешить проблему мобилизации крестьянских свободных средств в наши кредитные учреждения. Необходимо указать, что достигнутые результаты в области мобилизации крестьянских средств в форме вкладов совершенно ничтожны и что это—одна из главных причин, создающих обострение в рыночных отношениях промышленности с сельским хозяйством.

Чтобы видеть, насколько незначительны размеры вкладов, имеющихся в настоящее время, достаточно привести следующие цифры. По данным Центросельбанка на 1-е апреля 1928 г. в низовой сети с.-х. и кредитных товариществ имелось всего 32,4 млн. руб., из коих единоличные крестьян-

---

[1]) В порядке постановки вопроса.

ские вклады составляли 9,6 млн. руб., а по госсберкассам иа то же число— около 13,0 млн. руб. Весь остаток на указанное число крестьянских единоличных вкладов выражается в сумме 22,6 млн. руб., тогда как на 1 января 1914 г. крестьянские единоличные вклады на территории нынешних границ СССР составляли в сельскохозяйственных и кредитных кооперативах около 350 [1]) млн. руб. и в государственных сберегательных кассах около 450 [2]) млн. руб., а всего около 775 млн. руб.

Из сопоставления этой суммы вкладов с размерами вкладов, имеющихся в настоящее время, мы не намерены делать прямого вывода на основе простой арифметической разницы. Мы знаем, что такой размер вкладов, который имел место в довоенное время, обусловливался тем, что тогда среди крестьянского населения имелся значительный слой кулацкой верхушки деревни, который и являлся обладателем значительной части этих вкладов. Остальная же доля вкладов, несомненно, принадлежала середняцкой части населения и прежде всего его верхнему слою.

В настоящее же время мы не имеем такого слоя кулацкой верхушки деревни, каким он был до революции. Эта группа в результате Октябрьской революции и последующих мероприятий советской власти претерпела значительное количественное и качественное изменение. Хозяйственно-экономическая значимость передвинулась в сторону середняка, середняк вырос за счет уменьшения бедноты и кулаков. Качественно изменились также и бедняцкие хозяйства путем получения значительной доли дополнительной земли и отчасти инвентаря. Бедняк теперь является совершенно не таким, каким он был до революции. Он тоже, при условии самостоятельной обработки своей земли, имеет возможность производить продукцию не только для своего собственного потребления, но и на продажу, тогда как раньше он этой возможности не имел из-за отсутствия у него достаточного количества земли. Как изменилась хозяйственная роль отдельных слоев деревни, показывают следующие цифры ЦСУ:

До революции	Валовая продукцин хлеба млн. тонн	в %%	Товар. хлеб (вне дерев. сбыт) млн. тонн	в %%	%% товарности
1. Помещики	9,75	12,0	4,60	21,6	47,0
2. Кулаки	31,25	38,0	10,65	50,0	34,0
3. Середн. и бедн. . .	41,00	50,0	6,05	28,4	14,7
Итого . . .	82,00	100	21,3	100	26
В 1926—1927 г.					
1. Совхозы	1,30	1,7	0,60	6,0	47,2
2. Кулаки	10,1	13,0	2,06	20,0	20,0
3. Середн. и бедн. . .	66,5	85,3	7,64	74,0	11,2
Итого . . .	77,8	100	10,3	100	13,3

Эта таблица показывает, что основными производителями как валового сбора, так и товарного хлеба являются середняки и беднота. Она же вместе с тем показывает об'ективную противоречивость, действующую в настоящее время на размеры вкладных операций. В чем выражается эта противоречивость? Она выражается в том, что, с одной стороны, сам факт снижения хозяйственной роли кулака и усиления за его счет (и за счет помещиков) середняка и бедноты, об'ективно содействует в наших условиях максимальной мобилизации свободных средств, поскольку бедняки и серед-

[1]) Цифра взята из соответствующих отчетов учреждений мелкого кредита. Эта же цифра приводится М. И. Фридманом. См. его книгу «Государственное хозяйство и денежное обращение в России», стр. 6.

[2]) Из «Приложения к отчету государственных сберегательных касс по сберегательным операциям за 1915 г.».

няки идут с нами; но, с другой стороны, то положение, что в деревне произошла большая хозяйственная нивелировка, получилось, во-первых, большое снижение размеров накоплений в руках кулацкой верхушки деревни, а во-вторых, невозможность добровольного привлечения этих накоплений в нашу кредитную систему, поскольку кулак находится в оппозиции к советской власти.

Понижение размеров крестьянских накоплений и трудность их мобилизации обусловливается еще и тем обстоятельством, что у нас со времени Октябрьской революции произошло большое дробление крестьянских хозяйств, число которых увеличилось с 16 млн. до 24—25 млн. дворов. Это положение указывает, во-первых, на большое понижение рентабельности мельчающих производителей, а во-вторых, на возрастающую распыленность имеющихся временных или даже более или менее постоянных накапливающихся свободных крестьянских средств.

Следовательно, в итоге мы имеем в настоящее время, во-первых, некоторое снижение в общей массе сельскохозяйственной товарной продукции (по хлебу в особенности) в сравнении с довоенным временем, во-вторых, большую распыленность этой продукции среди мелких отдельных хозяйств, и, в-третьих, пониженную об'ективную возможность мобилизации крестьянских свободных средств, благодаря хозяйственному саботажу со стороны кулацких элементов.

Однако, понижение возможности мобилизации крестьянских средств, в силу указанных причин, не настолько велико, чтобы снизить цифру вкладов (в сравнении с довоенным временем) до таких ничтожных размеров, как 22,6 [1]) млн. руб. Оправдание такого снижения мы должны искать в других причинах. Эти причины заключаются в следующем: 1) в недостаточно крепкой хозяйственной связи крестьянского населения с низовыми сельскохозяйственными и кредитными товариществами, 2) в финансовой слабости значительной части сельскохозяйственных и кредитных товариществ, благодаря чему они не пользуются достаточным доверием среди крестьянских масс; 3) в том, что крестьянин не отвык еще ожидать повышения цен к весне на хлеб, в силу чего он всегда выжидает с продажей части хлеба до весны (а в прошлом хоз. году он тем более должен был поступить так, поскольку имелось большое расхождение цен между хлебом и сырьевыми продуктами) и 5) в понижении, в сравнении с довоенным временем, покупательной силы нашего рубля. Российский крестьянин от века не знал такого явления, чтобы рубль так потерял свое значение, как это было во время войны и революции. Это явление у него, естественно, вызвало глубокое недоверие к авторитету рубля; недоверие, которое психологически отчасти, к сожалению, еще сохранилось до настоящего времени.

Благодаря этим причинам крестьянин продает свои товарные излишки по мере потребности в промтоварах и других надобностях, воздерживаясь от накопления денежных запасов.

Размеры и время реализации крестьянином своих товарных излишков определяются: 1) степенью удовлетворения его текущих потребностей в промтоварах; 2) размерами и временем поступления этих товаров на рынок; 3) сроками и размерами платежа с.-х. налога; 4) размерами и временем других расходов бытового порядка; 5) видами на урожай следующего года. Следовательно, весь гвоздь вопроса заключается в том, что крестьянство

[1]) Кроме указанной цифры, мы должны принять во внимание государственный выигрышный заем восстановления крестьянского хозяйства, размещенный в истекшем хозяйственном году в сумме 135 млн. руб. Мы, однако, этот заем, как и всякие подобные займы, не можем ставить в сравнение с вкладами, поскольку они (займы) носят спорадический характер. Необходимо отметить вместе с тем, что сам факт размещения этого займа вполне подтверждает наличие у крестьян средств, могущих быть привлеченными в кредитную систему в форме вкладов.

продает свою продукцию лишь в меру удовлетворения в конечном счете его потребностей в промтоварах со стороны промышленности, и в том, что продажу этой части товарных излишков совершает постепенно в течение всего хозяйственного года.

Если бы крестьяне продавали излишки своей продукции немедленно по приведении их в товарный вид и притом в большем размере (в денежном выражении), чем потребность в деньгах на указанные выше надобности, то это означало бы, что они не прочь держать свои ценности в денежной форме и что эти ценности можно аккумулировать в кредитных учреждениях в виде вкладов в значительно больших размерах, чем мы имеем теперь. Но эти пожелания отпадают в силу указанных выше причин.

Поэтому, чтобы мобилизовать крестьянские средства в форме вкладов, мы должны *устранить* эти причины и *изменить* самую *форму* вкладов. Мы можем и должны, пользуясь организационно-хозяйственными особенностями нашей страны, организовать это дело таким образом, чтобы крестьянин был абсолютно заинтересован в этих операциях, чтобы вклады поступали к нам, как говорят, самотеком. Для этого мы должны избрать такую форму вкладов и выработать такие условия их приема, чтобы все экономические расчеты крестьянина, препятствующие ему нести свои свободные средства теперь (в виде денег), оказались на его стороне и *сохранили* ему *надежды* на получение тех выгод, которые он ожидает при сбыте своей продукции, как результат экономической ситуации. Короче, мы предлагаем, не устраняя формы денежных вкладов, допустить прием их в *натуральной* форме. Почему в натуральной форме? Потому что именно в этой форме, а не в форме денег крестьянин держит свои ценности, временно свободные от вложения их в свое хозяйство или обращения их на предметы личного потребления.

При наших организационно-хозяйственных условиях мы в вопросе мобилизации крестьянских свободных средств не можем быть связаны с одной лишь денежной формой, в этих условиях мы можем ее легко изменить; нам незачем усложнять оборот тем, что мы обмениваем у крестьянина деньги на его товарную продукцию, а затем стремимся мобилизовать эти деньги для использования их в обороте. Мы можем поступать тут непосредственнее—брать эти товарные излишки прямо натурою в виде вклада. Приемочный, сбытовой и расчетный (при возвращении вкладов клиентуре) аппарат у нас имеется в виде сельскохозяйственной кооперации и системы с.-х. кредита, которые, кстати сказать, нуждаются в большей дополнительной нагрузке.

Теперь, каковы же условия приема натуральных вкладов? Эти условия в основном должны заключаться в следующем [1]:

Крестьяне вносят вклад в виде натуральной сельскохозяйственной продукции (товарные излишки) в те сельскохозяйственные и кредитные товарищества, которые состоят в сети системы с.-х. кредита [2]). Товарищества, принявшие натуральные вклады, должны записывать их на особые текущие счета вкладчиков в натуральной форме. При этом записывается подробно: наименование продукта, количество его, сорт и время сдачи. Подобная же запись должна делаться и в личных книжках вкладчиков.

[1]) Условий приема и ряда других вопросов мы здесь касаемся лишь в общих чертах, а некоторых вопросов, связанных с этой проблемой, совсем не затрагиваем. Поэтому товарищей, интересующихся этими вопросами, мы отсылаем к нашей работе «Система натуральных вкладов». (Издание «Московский Рабочий»).

[2]) Мы говорим здесь лишь о с.-х. и кр. товариществах и не касаемся роли всей системы с.-х. кредита и системы с.-х. кооперации по недостатку места. На самом деле эта операция должна быть, как государственная, проводима Центросельбанком. Подробно по этому вопросу см. в указанной выше нашей работе.

Право возвращения вкладов сдатчикам должно быть предоставлено в любое время, но уже *не натурой, а исключительно деньгами* [1]).

Учреждение, принявшее вклады, имеет право тут же распорядиться ими по своему усмотрению и продать их в любое время и за любую цену. Право вкладчика должно заключаться в том, что он может после сдачи продукции избрать средне-рыночную существовавшую цену ближайшего рынка и заявить ее товариществу для пересчета его продукции в денежном исчислении.

Вкладная продукция должна пересчитываться в денежное исчисление по средне-рыночным заготовительным ценам ближайшего рынка, взятым за любой недельный период в пределах времени с 1 июля по 1 июня (ориентировочно) следующего года. Этот недельный период (который должен лежать между днем сдачи продукции и днем заявки о пересчете вклада в деньги) должен быть указан в любое время (в пределах периода с 1 июля по 1 июня) самим вкладчиком в виде простого заявления в свое с.-х. кредитное товарищество.

Для этого губторготделы или окрторготделы фиксируют средненедельные цены определенных сортов с.-х. продукции, существующие по отдельным районным рынкам губернии, округа [2]). Цены эти должны суммироваться за недельный период, и из них выводиться средние цены дня, которые должны опубликовываться в местных газетах или в отдельных бюллетенях торготделов.

К фиксированию цен могут привлекаться волисполкомы, представители местной кооперации, уполномоченные Хлебопродукта, кресткомы и представители ближайшего сельсовета. Цены могут фиксироваться по приемочным ордерам государственных и кооперативных заготовителей. Необходимо, конечно, следить, чтобы цены фиксировались строго справедливо.

Совершенно ясно при этом, что вкладчик может потребовать возвращения ему вклада лишь после того, как будет реализован его счет в денежном исчислении; а последнее, как видно, зависит от него самого. Вполне также ясно и то, что он может и не получать своего вклада, оставив его пока в кассе товарищества. Проценты в последнем случае должны начисляться в том же порядке со дня фактической сдачи вклада.

Но если же вклады затребовываются раньше месячного срока со дня фактического их вложения, то проценты на них начисляться не должны. Словом, условия с процентами должны сохраниться те же, что и при денежной форме вкладов.

Указанные в основном условия приема натуральных вкладов должны заинтересовать крестьянина целиком, так как он абсолютно ничего не теряет. Наоборот, он вполне будет *рассчитывать* выиграть от этой операции. Сдав свою продукцию, он имеет возможность получить за нее любую средне-недельную цену в течение целого заготовительного периода хозяйственного года, точнее за такой период, длина которого определяется им самим, так как время сдачи вклада и время заявки о реализации натурального счета в денежное исчисление зависит от самого вкладчика. Он может *рассчитывать* при этом получить такую цену, которую ему никогда не

[1]) Предлагая возвращение вкладов исключительно деньгами, мы исходим из того положения, что крестьяне будут сдавать во вклад лишь товарные излишки своей продукции и поэтому в возврате вкладов натурою нуждаться не будут. Но для того, чтобы предоставить крестьянину больше гарантий на случай необходимости получения вклада натурою, мы можем пойти и на эту меру. Этот вопрос чисто-практического порядка, и легко может быть решен в любую сторону.

[2]) В каждой губернии, округе имеются давно сложившиеся районные рынки, где имеются государственные и кооперативные заготовительные пункты. В этих местах обычно имеются и советские учреждения. Исполкомы, милиция и др. Вот эти-то рынки мы и имеем в виду.

удалось бы уловить при продаже своей продукции на рынке, да плюс еще к этому проценты, начисляемые по вкладу. Отсюда, разумеется, ни в коем случае не следует то, что крестьянин может получить любую цену за свою продукцию; точно так же необязательно и повышение цен вообще на продукцию к концу хозяйственного года. Наоборот, благодаря осуществлению этого натурального займа государство получит еще большую возможность удерживать установленные цены на продукцию с.-х. производства в течение всего хозяйственного года. Мы поэтому, указывая на расчеты со стороны крестьян в получении за их продукцию высоких цен, имеем это в виду лишь как тенденцию, которая у них имеется и которую мы включаем в наши условия для того, чтобы в наибольшей степени стимулировать сдачу натуральных вкладов. Если эта тенденция не будет оправдываться реально, благодаря устойчивости цен, то это, по нашему мнению, не помешает, однако, привлечению натуральных вкладов, ибо сами предлагаемые условия экономически должны побуждать производителя к сдаче вкладов. Представим себе, что благодаря устойчивости цен на с.-х. продукцию, расчеты нашего вкладчика на получение повышенной цены не оправдались; в этом случае он в виде выгоды получит одни лишь проценты. Размер выгоды, как видим, довольно скромный, но все же это выгода; но тот крестьянин, который не захочет почему-либо сдать нам своего вклада, лишится получения и этой хотя бы скромной выгоды. Таким образом, даже на плохой конец этой операции последняя дает пользу вкладчику.

Это все то, что касается экономической заинтересованности, но помимо этого мы можем и должны рассчитывать на момент психологического порядка, именно на то, что бедняцко-середняцкая масса в своем большинстве пойдет нам в этом деле навстречу, если мы сможем к ней правильно подойти.

Примеры этого мы имели в истории отношений к нашим мероприятиям со стороны этой массы не раз. Мы уверены, что в этой форме и на тех условиях, которые мы предлагаем, нам удастся полностью разрешить проблему вкладов и укрепить еще больше хозяйственную связь промышленности с сельским хозяйством. При наличии широкой агитации, необходимой на первое время, нам удастся вызвать активную сдачу вкладов, доходящую до соревнования между собою со стороны крестьян. Мы должны призвать нашу крестьянскую бедняцко-середняцкую массу к активной помощи нашей строительной работе под лозунгом: активен тот крестьянин, который путем сдачи свободных средств помогает укреплению своего собственного и общенародного хозяйства.

То, что на указанных условиях крестьянин повезет вклады в натуральной форме, доказывается не только приведенными выше соображениями, но это вполне подтверждается и тем опытом, который имел место в капиталистическом прошлом России. Так как этот опыт имеет ближайшее отношение к данному вопросу, то мы считаем нужным сказать о нем несколько слов. В дореволюционное время на юге России производилась заготовка хлеба французским хлеботорговцем Дрейфусом и другими. Способ этой заготовки назывался ими «ссыпкой на цену» и заключался в следующем: крестьянин привозил свой хлеб к погрузочному транспортному пункту и ссыпал его в амбар агента Дрейфуса. Последний выдавал крестьянину квитанцию в приеме зерна, в которой указывалось, что такое-то количество зерна, скажем, пшеницы, принято до такого-то числа, ну, хотя бы до 1 декабря. С этой квитанцией крестьянин мог явиться к агенту Дрейфуса в любой день до указанного срока и получить расчет за сданный хлеб по цене дня его явки. Если крестьянин просрочивал с получением расчета, то ему уплачивалось по цене дня, указанного в квитанции, т.-е. в нашем примере по цене 1 декабря.

Для крестьянина тут был единственный интерес, а именно тот, что он получал цену за свой хлеб не в день его предложения, а спустя некоторое время. Но зато сдав свой хлеб, он тем самым предоставлял возможность Дрейфусу понижать цены путем выбрасывания этого же хлеба на местный рынок. Уровень цен на крестьянский хлеб определялся уже самим Дрейфусом и другими заготовителями, поскольку они оказывались одновременно и на стороне спроса и на стороне предложения, являясь обладателем крупных партий хлеба, против разрозненных производителей, выступающих на рынке. Правда, уровень мировых цен позволял им допускать повышение цен, и они это иногда делали, но это было как исключение, практикуемое ради того, чтобы сохранить видимость крестьянской заинтересованности.

Не вкладывая в дело больших собственных капиталов, Дрейфус (и другие) сосредоточивал в своих руках огромное количество хлеба с самого начала заготовительного сезона и диктовал цены на мировом рынке.

Какой отсюда вывод? Во-первых, тот, что несмотря на всю ничтожность нереальной, видимой лишь заинтересованности, крестьяне все же хлеб сдавали и притом в огромном количестве, а, во-вторых, тот, что, несмотря на то, что Дрейфус производил заготовку лишь в части внутрироссийского рынка и притом в обстановке капиталистической стихии (конкуренции), он все же мог не только вести операции без убытков (благодаря конкуренции), но и наживать огромные капиталы, занимая место в первых рядах хлебных королей на мировом рынке. Эти операции показывают вместе с тем образец того, в какой степени и каким способом капитал на известной ступени своего развития может подчинить себе мелких разрозненных товаропроизводителей. Здесь мы видим не что иное, как осуществление умело организованного монополистического влияния крупного капитала в области сельского крестьянского хозяйства, и самую неприкрытую эксплоатацию последнего этим капиталом.

Мы не ставим перед собою таких задач, как эксплоатацию крестьянских хозяйств путем привлечения их свободных средств в общий хозяйственный оборот страны. Но мы приводим этот опыт капиталистического прошлого для того, чтобы показать технико-экономическую сущность его,— сущность, которую нужно в наших условиях радикально изменить, переделать и использовать в системе нашего социалистического хозяйства.

Ради полноты мы должны отметить еще, что в качестве меры влияния на крестьян Дрейфус практиковал «одалживание» им денежной ссуды в небольших размерах, преимущественно «под новину», когда нужда в деньгах большая. Эта мера, разумеется, значительно повышала его шансы на получение хлеба от крестьян. Тут имеется нечто похожее на контрактацию, но разве можно эту «контрактацию»,— с позволения сказать,— сравнить по размерам и по существу с тем, что нами делается в этом направлении в настоящее время. Ведь, если исходить хотя бы только из простой экономической заинтересованности для крестьянина, отбрасывая пока социально-классовый момент этого дела, и то мы имеем перед собою совершенную противоположность между тем, что делали Дрейфусы и что делаем мы теперь для крестьян в области поднятия их хозяйства.

Контрактация, проводимая нами в настоящее время, не только способствует налаживанию планового производственного процесса в сельском хозяйстве, смыкая его с потребностями промышленности, но в значительной степени способствует развитию сельского хозяйства, повышая товарность в нем. Благодаря контрактации мы значительно повышаем связь промышленности с сельским хозяйством и увеличиваем шансы на осуществление займа крестьянских накоплений в форме натуральных вкладов.

Задача Дрейфуса заключалась в том, чтобы получать от крестьян их средства и благодаря этим же средствам выжимать у них как можно

больше. И он это делал не безуспешно. Наша задача совершенно противоположна задачам Дрейфуса, она заключается в том, чтобы, во-первых, взять у крестьян свободные средства в виде товарных излишков и направить их на расширение кредитования того же сельского хозяйства и сельскохозяйственного машиностроения; и, во-вторых, не снижать цены на с.-х. продукцию, как это делал Дрейфус, а держать справедливые цены относительно к товарам фабрично-заводского производства, учитывая при этом задачи индустриализации страны.

Это положение, в дополнение к индивидуальной заинтересованности крестьян в этих операциях, целиком обусловливает общий интерес бедняцко-середняцкого крестьянства. И всякие разговоры насчет того, что крестьяне сочувственно не отзовутся к выдвигаемой нами операции, мы считаем совершенно неосновательными. Те товарищи, которые высказывают подобные опасения, скатываются с экономической точки зрения в область психологизма. Точно так же мы считаем неосновательными опасения некоторых товарищей насчет возможности убытков для государства от этой операции. По этому вопросу мы не намерены приводить здесь необходимых доказательств и отсылаем интересующихся этой стороной вопроса к названной выше нашей работе.

Здесь же нам остается коснуться еще одного вопроса, а именно: в связи с тем, что мы выдвигаем новое положение с массовым привлечением свободных средств в кредитную систему в форме натуральных вкладов, перед нами встает вопрос о том, не повлияет ли это отрицательно в какой-либо степени на наше денежное обращение, не проявится ли от этой операции тенденция к сокращению денежного обращения и, следовательно, уменьшению спроса на деньги потребностями товарно рыночного оборота? Если да, тогда мы вынуждены будем произвести из'ятие из обращения части денежных знаков, равной величине привлеченных натуральных средств, представленных в денежном выражении; в противном же случае должно произойти соответствующее падение покупательной силы нашего рубля и все последствия, связанные с этим падением. Следовательно, при этих условиях такая операция оказалась бы для нас явно невыгодной и от нее следовало бы отказаться.

Откуда такая постановка вопроса? Она вытекает прежде всего из теоретических основ политэкономии.

Всякому, кто хоть сколько-нибудь знаком с политэкономией, должно быть совершенно ясно, что размеры денежной массы, находящейся в обращении, определяются суммой цен всех товаров, имеющихся в данное время, минус сумма цен товаров, купленных в кредит, плюс сумма платежей по наступившим обязательствам, минус сумма, подлежащая взаимному погашению кредитных расчетов, и все это деленное на число оборотов, проделанных за данное время. Отсюда всякое увеличение товарных кредитных займов ведет к уменьшению спроса на денежную массу со стороны товарно-рыночного обращения. А на конкретном примере, применительно к предлагаемой нами операции, дело представляется на первый взгляд так: вы приглашаете крестьян сдавать свою продукцию в кредит, следовательно, без уплаты против нее наличных денег, тем самым вы заставляете этих крестьян игнорировать наш рубль. Отсюда рисуются все последствия, о которых сказано выше.

Так представляют себе дело некоторые товарищи и так оно может показаться многим. Мы поэтому заранее должны сказать, что подобное представление на самом деле является неверным и вот почему. Прежде всего зададим себе самый главный, самый основной вопрос: сократится ли, при указанной натурально-вкладной операции, потребность со стороны крестьян

в деньгах? И второй, менее важный, но также существенный вопрос: изменится ли эта потребность (в деньгах) во времени? На оба эти вопроса мы отвечаем отрицательно. Ибо от того, что крестьянин будет сдавать нам в кредит свои товарные ценности, его потребности в промтоварах и необходимость в производстве других расходов не уменьшится. Чтобы производить покупку товаров и другие расходы нужно иметь деньги, и от этой необходимости натуральные вклады ни в какой степени избавить не могут. Что же касается времени потребности в этих деньгах, то тут тоже ничего измениться не может, ибо как в том случае, когда крестьянин продает свою продукцию за наличные деньги, так и в том случае, когда он ее будет сдавать в кредит, его потребности в деньгах определяются одними и теми же причинами, а именно временем уплаты с.-х. налога, расходами бытового порядка, текущими потребностями в товарах промышленности и, наконец, степенью способности удовлетворения этих потребностей (во времени) со стороны промышленности. Вся разница здесь, по отношению к обычной покупке крестьянской продукции, заключается лишь в том, что эта продукция поступает в распоряжение государства раньше, чем за нее придется производить расплату деньгами, в виде возвращения вкладов; поэтому от того, что крестьянская продукция будет поступать в руки государства, в виде натуральных вкладов, потребность со стороны крестьян в деньгах как во времени, так и в размерах измениться не может. Следовательно, предполагаемая нами система натуральных вкладов не только не нарушит денежного обращения в сторону понижения покупательной силы нашего рубля, но, наоборот, будет способствовать **повышению его курса**.

Благодаря проведению этой операции, несомненно, должен образоваться стабильный остаток привлеченных средств, который будет направлен по производственному назначению, в результате чего будет увеличено производство новых ценностей, а следовательно, будет больше заполнена емкость рынка товарами. Увеличение же количества ценностей на рынке неизбежно поведет к **увеличению суммы денежных знаков**, требуемых для оборота или по меньшей мере к **укреплению рубля**.

Наша задача в области экономики в основном заключается в том, чтобы, опираясь на монополистически-плановый характер все возрастающего социалистического хозяйства, стремиться к максимальному развитию производительных сил. Это стремление практически должно выражаться между прочим в том, чтобы, с одной стороны, использовать в этом направлении частных производителей, а, с другой, переводить этих производителей на новые формы социалистического производства путем обобществления мелких самостоятельных производителей. Но использовывать частных производителей мы можем и должны не только путем простых рыночных взаимоотношений (с госпромышленностью), но и путем мобилизации их свободных средств в распоряжение социалистического хозяйства. С этой точки зрения можно сказать, что эта натуральная вкладная операция должна явиться шагом вперед. Она даст возможность **сосредоточить всю товарную продукцию сельского хозяйства в руках кооперации и госторговли, сократить денежные средства, находящиеся в обороте по заготовкам сел.-хоз. продукции, расширить кредитование промышленности и сельского хозяйства, наладить и усилить экспорт, добиться более устойчивого отношения цен между продуктами с.-х. производства и товарами фабрично-заводского производства, улучшить равновесие в хозяйственно-экономических отношениях между промышленностью и сельским хозяйством**, а

также добиться осуществления наиболее полного планового руководства по линии развития сельского хозяйства в особенности.

По сути дела мы будем иметь более организованный внутренний заем, одинаково выгодный как для самого крестьянства, так и для всего народного хозяйства в целом. А это имеет большое значение, чтобы легче бороться с хозяйственными затруднениями.

P. S. Считаем нужным отметить здесь, что, несмотря на всю остроту проблемы мобилизации крестьянских свободных средств и на то, что этот вопрос нами ставится в печати (в изложенной выше форме) уже в четвертый раз, начиная с половины 1926 г., мы тем не менее до сих пор не имеем отзывов на эту постановку вопроса, со стороны прежде всего соответствующих учреждений, коих близко касается эта проблема. Поэтому приходится сказать: «Ну, и не везет же проблеме вкладов!».

К. Т.

Вернер Гирш.

К пятидесятилетию со дня издания закона против социалистов в Германии.

1. Исторические факты.

21 октября 1928 г. исполнилось полвека после того дня, когда германский рейхстаг принял исключительный закон Бисмарка против социал-демократии, вошедший под именем «закона о социалистах» в историю международного пролетариата и открывший новый этап героической борьбы в германском рабочем движении. Закон против социалистов не был первой попыткой Бисмарка задушить молодое развивавшееся рабочее движение методами жестокого угнетения. Две предшествовавшие попытки этого рода окончились неудачей. Тремя годами раньше, от 22 до 24 мая 1875 года, в Готе происходили заседания конгресса об'единения обоих направлений германской социал-демократии — эйзенахского и лассальянского. Уже осенью этого года Бисмарк пытался внести обходным путем в уголовный кодекс новый 130-й параграф, который по своему содержанию представлял бы собою исключительный закон, направленный против социал-демократии. Рейхстаг, однако, отклонил это предложение. В последующие три года продолжался непрерывный рост социалистического движения, которое казалось «железному канцлеру» все более опасным и усиливало его желание прибегнуть к энергичнейшим мерам защиты. Весной 1878 года случилось, наконец, то, что нужно было Бисмарку, а именно покушения Геделя и Нобилинга. 11 мая 1878 года Гедель, опустившийся дегенерат, сифилитик, по всей вероятности, полуидиот и, во всяком случае, человек, стоящий в умственном отношении на низкой ступени развития, произвел при проезде императора Вильгельма I несколько выстрелов из револьвера, ни в кого, однако, не попав и никого не ранив. Впоследствии он утверждал, что хотел лишить себя жизни на глазах у императора. Узнав об этом событии, Бисмарк немедленно отдал телеграфное распоряжение министерству об издании «исключительного закона против социал-демократии». Но и на этот раз он не получил большинства в рейхстаге. Католическая партия центра не намерена была проглотить пилюлю в форме исключительного закона, так как она еще помнила о жестоких мероприятиях правительства в годы «Культуркампфа» (борьбы с духовенством) и опасалась, что новый закон может вовлечь за собою подобные же ограничения и против католицизма. Буржуазный либерализм, который нередко чувствовал на собственной шкуре удары кнута юнкеров - полуфеодалов, также не был особенно доволен применяемыми Бисмарком методами насилия, как он ни был склонен по своей классовой натуре пойти заодно с абсолютизмом против пролетариата. Все подобные препятствия со стороны буржуазии не означали, конечно, серьезного сопротивления. Буржуазия скорее напоминала полупокоренную девушку, которая только из чувства приличия, считает еще нужным жеманиться. Юнкеру Бисмарку стоило только перейти в немного более бурное

наступление, чтобы буржуазия бросилась с лицемерным вздохом в его об'ятия. Предлог для этой новой атаки и для более грубого тона дал Бисмарку Нобилинг, который последовал по стопам Геделя, совершив более серьезное покушение на императора—этого «картечного принца» 1848 г. Доктор Нобилинг произвел 2 июня 1878 г. выстрел в Вильгельма I и ранил его. Несколькими днями позже Бисмарк распустил при содействии Бундесрата (союзного совета) германский рейхстаг и устроил в обстановке дикой погромной травли социал-демократии новые выборы, которые справедливо назвали «террористическими». Бисмарк распустил рейхстаг и организовал эти выборы, несмотря на то, что после покушения Нобилинга буржуазия и без того окончательно присмирела, трубила везде о свое готовности исправить свою «ошибку», заключавшуюся в ее выступлении против закона, предложенного Бисмарком после выстрелов Гедела, и согласна была с изданием исключительного закона против социал-демократии. Но Бисмарк хотел довести дело до конца. Он организовал погромную травлю социализма, распространив в ночь после покушения Нобилинга, при посредстве официального телеграфного агентства Вольфа, «официальное» телеграфное сообщение, согласно которому Нобилинг будто бы признался, что он является «поклонником социал-демократнческих тенденций» и «часто посещал социалистические собрания». Это сообщеиие было сознательно придуманным подлогом. Нобилинг в то время еще не пришел в сознание, так как после покушения он сам себя ранил и, кроме того, в него было сделано несколько выстрелов со стороны. В действительности Нобилинг так же, как н Гедель, ничего общего не имел с социал-демократическим движеннем. «Отношения» обоих «покушавшихся» к движению заключались разве лишь в том, что они оба были членами антисемитской «христианско-социальной партии» придворного проповедника Штекера, ставшего впоследствин политическим советником Внльгельма II. Как Гедель, так Нобилинг боролись с социалнстическим движением, при чем Гедель растратил деньги газеты «Лейпцигер Арбейтерблатт» и выступал в буржуазных газетах с клеветническими измышлениями против упомяиутого движения, а Нобилинг выступал против иего на одном рабочем собрании с политическими нападками. Но лживый погромный лозунг Бисмарка о том, будто социал-демократия является виновницей покушений, был охотно подхвачен испуганными немецкимн мещанами, и все началн преследовать социал-демократов, получивших кличку «королевских убийц». «Террористические» выборы дали Бисмарку покорный парламент, который беспрекословно одобрил его исключительный закон. Этот закон был несколько раз продлен, при чем буржуазный либерализм играл все более жалкую и лживую роль. На основанни закона против соцналистов были запрещены 1.300 периоднческих и непериоднческих нзданий, былн распущены и запрещены 332 рабочие организации и были вынесены приговоры, заключавшиеся в лишении свободы в общей сложности на 1.000 лет. Особым орудием бисмарковского закона о социалистах было об'явление так называемого «малого осадного положения» в отдельных городах и районах, откуда можно было, таким образом, высылать все «нежелательные» элементы. В течение 12 лет было выслано таким способом около 900 чел.

Этот закон, отмененный 12 лет спустя, в 1890 году, и способствовавший тем самым падению своего творца — «железного канцлера», показал полную несостоятельность методов Бнсмарка. Чисто внешним образом можно доказать уже одними цифрами неудачу закона против социалистов. В то время как при издании зтого закона социал-демократия имела на выборах 437.158 голосов, при отмене закона она получила 1.427.298 голосов. При изданин закона она имела свыше 42 политнческих газет, а в 1890 г.— свыше 60. Профсоюзы имели до издания закона 14 своих газет и 50 тыс. членов, а в 1890 г.—41 профсоюзную газету и 200 тыс. членов. Этот результат великого наступления Бисмарка на молодое рабочее движение показывает лишь, насколько был прав Фридрих Энгельс, когда он уже 12 марта 1881 г. указывал на то, что «Бисмарк и компания продолжают оставаться такими же ослами, канальями и бессильными жалкими простофилями по отношению к историческим движениям, как и до покушения».

Германский рабочий класс вынужден был в течение 12 лет сохранять и развивать свою организацию в условиях строжайшей нелегальности, пока закон против социалистов не был отменен [1]. В Германии не было легальной социал-демократической печати. Все попытки издавать газеты, под новыми заголовками, или под старыми, приспособленными к постановлениям закона, т.-е. бесцветными, почти иейтральными в политическом отношеиии и, во всяком случае, лишенными какого бы то ни было революционного духа, кончались неудачей. Вначале запрещались газеты даже и в этой форме, а впоследствии рабочие массы отказывались мириться с такой скудной литературной пищей.

В тяжелой работе, полной самопожертвования, пролетариат создал нелегальную организацию для издания за границей революционного органа «Социал-демократ», выходившего вначале в Цюрихе, а затем в Лондоне (так называемая «Красная полевая почта»). Распространение зтой газеты, вопреки всем полицейским преследованиям и козням, явнлось началом к созданию запрещенной организации. Дальнейшей формой, в которой происходила эта работа по созданию своей оргаиизации, явились денежные сборы в пользу тех революционеров, которые попали в крайнюю нужду и были разорены в результате ссылки и разлуки с семьей. 12 лет зтой борьбы между растущим пролетарским движеннем, с одной стороны, и реакцнонной бюрократией полуфеодального абсолютистского государства и буржуазией — с другой, доказали, что методы Бисмарка не в состоянии задержать рост пролетариата. Таким образом, закон против социалистов должен был быть отменен.

2. Развитие социал-демократии при законе против социалистов.

Почему Бисмарк и вся его система потерпели такое жалкое поражение в борьбе с пролетарским движением? Издавая свой закон, Бисмарк не поступал как будто опрометчиво и основывался на опыте, собранном абсолютизмом и юнкерами в период после 1848 года во время освободительной борьбы германской буржуазии. Тогда удалось путем применения методов реакционного насилия окончательно разбить и деморализовать буржуазное освободительное движение, и зтим об'ясняется, что юнкер Бисмарк решнлся применить зти же методы и по отношению к пролетарскому движению.

Но в этом-то и заключалась вся его ошибка. Успех абсолютизма по отношению к буржуазин об'яснялся совершенно определенными историческими условиями, связанными с исторически развившейся идеологией германского мещанства. Весь ход развития Германии, начиная с 30-летней войны, породил во всех классах и в особенности среди мелкой буржуазии то типичное мещанство и филистерство, которое уже в самом начале лишало всякое движение буржуазных классов какого бы то ни было величия, размаха и последовательности. Бесхарактерность зтих классов должна была под жестокими ударами феодальной реакции привести к деморализации и капитуляции,

[1]) Леиии иеодиократно проводил параллели между положением иемецкой с.-д. в эпоху исключительиого закона и русской с.-д. а эпоху реакции, последовавшей за революцией 1905 г., когда русским большевнкам приходилось отстаивать нелегальиую оргаиизацию партии от попыток ликвидаторов-«легалистов» эту оргаиизацию разрушнть.

не говоря уже о двойственном классовом положении германской буржуазии, которая при каждом шаге, предпринимаемом ею в 1848 году против абсолютизма, оглядывалась на пугавший ее призрак первого самостоятельного движения молодого пролетариата и уже по этому одному готова была, полная ужаса, искать защиты под сенью и... ударами абсолютизма.

Но все эти предпосылки, имевшие значение для германского мещанства, совершенно не распространялись на молодой рабочий класс Германии. Пролетариат развился в совершенно других, более современных условиях, чем другие классы. Его идеология определялась с самого начала центральным фактором, т.-е. давлением капитала. В этом классе исконное германское зло — филистерство с его бесхарактерностью, верноподданничеством и лакейским духом—не могло играть такой роли, как среди буржуазии. Его движение и борьба могли быть исполнены той решимостью и величием, которые были необходимы для того, чтобы оказать должное сопротивление насильственным действиям Бисмарка, с его прокурорами, полицейскими и прочими приспешниками. Германский пролетариат действительно проявил это величие и героизм, преодолел все искушения и не дал себя отравить ядом мещанского филистерства, который заставил бы его в конце концов деморализоваться и капитулировать перед господствующей силой.

Эти искушения были многочисленны и опасны. Ибо, когда закон против социалистов вступил в силу, Бисмарк, наступая, имел перед собою далеко еще неокрепшую революционную классовую партию германского пролетариата, которая была бы закалена в марксистском духе. Напротив, молодая партия, образовавшаяся несколько лет назад в результате слияния эйзенахской и лассальянской фракций, была в организационном отношении слаба и имела еще весьма непрочную основу среди пролетарских масс. Она опиралась на такие округа, в которых ядро движения представляло собою не развитый промышленный пролетариат, а слои, стоящие на постепенно исчезавшей низшей ступени производства, как, например, ручные ткачи Саксонии, которые должны были уступить место паровому ткацкому станку и поддерживали свою жизнь исключительно благодаря посторонним занятиям, как огородничество, кустарная фабрикация игрушек и проч. Благодаря своему ужасному положению они были скорее восприимчивы для социалистических идей, но вместе с тем они представляли собою ненадежную основу для социалистической партии. Промышленный пролетариат крупных городов, т.-е. тот класс, который по своему экономическому положению призван быть ядром революционного движения, еще не шел в достаточной мере за партией.

В этом заключалась организационная слабость социал-демократии. При издании закона против социалистов она отличалась также и своей идеологической неопределенностью. В партии сохранялись вульгарнейшие пережитки идеалистической философии права Лассаля, и не было и речи о марксистском мышлении и какой-либо прочно сложившейся идеологии. Даже те элементы в рабочем движении, которые в предшествовавшую фракционную борьбу стояли, благодаря своим личным связям, ближе к творцам научного социализма, а именно эйзенаховцы, возглавляемые Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом, начинали только по-настоящему закаляться и пропитываться духом марксизма. Готская программа об'единения, с ее утопическими и иллюзионистскими элементами и с абсолютно нереволюционным отношением к понятию государства, была наилучшим отражением этой идеологической незрелости. На эту партию начал Бисмарк в 1878 г. свое наступление.

Можно было почти с уверенностью ожидать, что первым результатом действия исключительного закона явится полное замешательство молодой партии, как в организационном, так и в политическом отношении. До самого дня издания закона ни руководство партии, ни ее члены совершенно не подозревали о том, что грозит партии. Воспитанная в духе лассальянской философии права, партия, внезапно оказавшаяся под ударом исключительного закона, была настолько полна преклонения перед «законностью», что в первый момент рассчитывала спокойно бороться на основе нового закона за его же отмену. Жестокая действительность, однако, рассеяла эти идиллические мечты. Однако, прошло больше года, пока партия, наконец, поняла, что ее борьба должна вестись с применением всех «незаконных» методов нелегальной организации и агитации, и пока она нашла правильный путь революционной массовой работы, между сектантством анархистских мелкобуржуазных элементов, носившихся с заговорами, и парламентским кретинизмом правого крыла партийного руководства, поклонявшегося идее законности.

Первое действие закона оказалось катастрофическим для руководящих слоев партии. Разгром социал-демократических газет, типографий и проч., высылки из городов, где было об'явлено малое осадное положение—все это сразу разорило тысячи людей, которым пролетарское движение дало сравнительно обеспеченную социальную основу. К этому следует прибавить, что эти должностные лица, как Фридрих Энгельс правильно заявил, редко попадали в ссылке в революционную обстановку и в большинстве случаев принуждены были селиться в маленьких городах среди сельского населения. Здесь они всецело находились под давлением мелкобуржуазного мещанства, которое от них сторонилось. Совершенно очевидно, что подобная обстановка должна была подействовать деморализующим образом на людей, не отличавшихся достаточно стойким характером. Террор исключительного закона вызвал, таким образом, в руководящих слоях партии пробуждение мелкобуржуазных тенденций. Эти шаткие элементы старались главным образом о том, чтобы по возможности скорее освободиться от невыносимых лишений, связанных с применением к ним исключительного закона. Они полагали, что этого можно будет скорее всего добиться, если партия и ее политика откажутся от каких бы то ни было революционных стремлений, будут по возможности более покорны и безвредны и этим самым тронут власть и заставят ее смягчиться. Если бы эти течения, которые вначале господствовали в партии, окончательно решили ее судьбу, то это без сомнения привело бы к полной ликвидации пролетарского движения Германии под кнутом Бисмарка.

Но диалектический процесс развития германского рабочего движения пошел при законе против социалистов в противоположном направлении. Благодаря наступлению абсолютизма с его реакционной бюрократией и буржуазией на пролетариат, все мелкобуржуазные слабые стороны пролетарского движения вначале, правда, выросли в настоящую оргию жалкого паникерства и мягкотелой готовности к капитуляции. Но так как в пролетариате не было исторической основы для того филистерства, которое присуще другим классам Германии, начиная с 30-летней войны, то как раз это вырождение движения мобилизовало все здоровые пролетарские силы, которые, борясь с этим вырождением, спасли партию от распада и, преодолев паникерство, подняли партию на высшую ступень, как в отношении ее идеологической зрелости, так и в отношении революционного укрепления.

Первым вопросом, в связи с которым кристаллизировался этот спор направлений партии, был вопрос об издании социалистического органа за границей. Паникеры среди руководства, которым вначале подчинялись лучшие элементы, как Бебель и Вильгельм Либкнехт, горячо выступали против этого плана, так как, по их мнению, это был первый шаг к применению незаконных методов, за которым автоматически должны последовать и другие. Создание этого иностранного органа, который был бы в Германии запрещен, вызвало бы необходимость его контрабандного и тайного рас-

пространения в стране, а за этим, естественно, последовал бы и второй шаг, а именно создание нелегальной организации для распространения газеты в Германии. Эти споры велись от 21 октября 1878 г. до конца 1879 г., когда сопротивление наконец было сломлено и в Цюрихе смогли приступить к изданию газеты «Социал-Демократ». Окончательный толчок к этому дал тот факт, что два руководящих товарища, Иоганн Мост, подпавший впоследствии под влияние идей анархизма, и Карл Гирш, были высланы и в ссылке начали издавать социалистические органы, которые успешно распространялись в Германии. В то время как «Фрейхейт», издававшаяся Мостом в Лондоне, уже по истечении короткого времени оставила пути социализма в пользу мелкобуржуазного мнимого радикализма, Гирш старался поддерживать в своей «Лятерн», издававшейся в Брюсселе, связь с партией и оказывать на нее влияние в революционном духе. Лишь тот факт, что эти органы завоевывали популярность среди членов партии, в то время как сама партия не имела над этими газетами никакого контроля, заставил партийное руководство уступить и приступить к изданию собственного органа.

Однако, вначале «Социал-Демократ» далеко не был настоящим революционным социалистическим органом, и прошло больше года с начала его основания, т.-е. с конца сентября 1879 г., пока, в связи с общим внутренним развитием партии, редакция «Социал-Демократа» не поднялась на высоту, отвечающую важности поставленной перед ней задачи. К причудливым явлениям, характеризующим развитие некоторых представителей рабочего движения, относится тот замечательный факт, что Эдуард Бернштейн, ставший впоследствии творцом реформизма, боролся в качестве редактора «Социал-Демократа» с начала 1881 г. с мелкобуржуазными мещанскими элементами правого крыла за революционные принципы научного социализма, в духе пролетарского крыла германской партии, в первых рядах.

В деятельности Бернштейна, которую он развивал во все время действия закона против социалистов, вряд ли можно уже найти начатки его позднейших ревизионистских воззрений. Скорее можно было обнаружить у молодого Карла Каутского, принадлежавшего тогда также к левому пролетарскому крылу германского рабочего движения, определенную склонность лишать ясное марксистское разрешение различных партийных проблем его остроты и определенности, хотя его точка зрения была тогда все же достаточно революционной для того, чтобы теперешний одряхлевший старец Каутский имел основание вспоминать об этом, как об ужасном кошмаре. К подлинным партийным вождям в Германии принадлежал Бебель, который раньше всех оправился от всеобщего замешательства, охватившего партию после издания закона против социалистов, и начал борьбу с мещанскими элементами и их паникерством. Вильгельм Либкнехт занимал гораздо более нерешительную позицию. В противоположном лагере стояли представители правого крыла и, в первую очередь, депутаты: Гейзер, Блос и др.

Если партии удалось в те годы сравнительно быстро выбраться из болота мещанства и филистерства, если она заняла по отношению к закону о социалистах революционную, боевую точку зрения, которая одна только открывала путь для победы над ним, то это в значительной мере об'ясняется следующим обстоятельством: пролетарские массы, сопротивляясь превращению партии в буржуазную, ясно видели свою цель, благодаря постоянным советам, которые им давали основоположники научного социализма, бывшие вместе с тем единственной инстанцией, которая могла в тот исторический период заменить пролетариату теперешний генеральный штаб мировой революции—Коминтерн. Маркс и, в первую очередь, Энгельс были теми людьми, которые помогали германскому пролетариату в его тяжелом и сложном процессе самоосознания, помогали его вождям на каждом этапе

своим советом, визализом и критикой. Соответствующие документы, а именно письма Энгельса Эдуарду Бернштейну, скрывали от рабочей общественности до 1924 г. Только в 1924 г. издал их т. Рязанов в русском переводе, а год спустя их издал на немецком языке Эдуард Бернштейн, снабдив их сладеньким предисловием.

Отношение Маркса и Энгельса к событиям, происходившим в рядах германской социал-демократии, основывалось на исторической перспективе, согласно которой положение в Европе следовало тогда рассматривать, как канун нового революционного развития. Энгельс считался с подобным поворотом в Германии, который, по всей видимости, должен был получить толчок извне, и в этом отношении он надеялся на русскую революцию. Хотя развитие событий и не шло таким быстрым темпом к революции, тем не менее Энгельс попрежнему верил в революционные перспективы германского рабочего движения и с тем большей настойчивостью подчеркивал необходимость подготовить партию к предстоящим революционным задачам, т.-е. очистить ее от яда филистерства, бесхарактерности и капитулянтства.

В первые годы действия закона против социалистов Маркс и Энгельс отказывались от какого-либо общения с партией в виду господствовавшего в ней полного замешательства и мелкобуржуазной политики ее руководства, совершенно недопустимой с точки зрения революционного социализма. В декабре 1880 года состоялась поездка Бебеля и Бернштейна в Лондон к обоим учителям, которую сам Бебель справедливо назвал в своей биографии «путем в Каноссу». Но и после этого Маркс и Энгельс воздерживались некоторое время от сотрудничества под своими именами в «Социал-Демократе», так как они хотели раньше проверить, будут ли в самой Германии выполнены сделанные им обещания о революционном повороте партии. Маркс и Энгельс просили регулярно присылать им стенограммы парламентских речей социал-демократических депутатов для их изучения и оценки. Энгельс совершенно открыто заявляет, что их поведение об'яснялось тогда желанием сохранить свой престиж и авторитет, которым они пользовались в международном рабочем движении и который имел большое значение для всего движения, и они не хотели, чтобы их доброе имя было скомпрометировано ошибками так называемых «плакс» в рядах германской социал-демократии.

Благодаря здоровому классовому инстинкту пролетарских масс партии, в последней все же началось развитие в духе революционного просветления. Уже на первом с'езде партии, состоявшемся после издания закона о социалистах, в 1880 году, во дворце Виден в Швейцарии, вышло наружу глубокое недовольство части членов партии слабохарактерной политикой руководства, находившей часто свое отражение в поведении парламентской фракции. Берлинская организация партии выступила на с'езде с вотумом недоверия по отношению к социал-демократическим депутатам. Хотя этот вотум был отклонен, тем не менее он ярко отразил недовольство масс жалкой политикой партии. Позитивное влияние, которое это сопротивление оказало на политику партии, видно хотя бы из того, что на виденском с'езде решено было вычеркнуть из готской программы партии слово «законных»: раньше в программе говорилось, что партия старается добиться своих социалистических целей лишь при помощи «законных» средств.

Само собой разумеется, что, несмотря на рост радикализации партии, попрежнему оставалась диспропорция между здоровым классовым инстинктом революционных рабочих и тенденциями определенных руководящих кругов. Фридрих Энгельс постоянно указывал Бернштейну в своих письмах на это противоречие, постоянно предупреждал об опасности, которая грозила всей партии со стороны элементов правого крыла. Эта опасность еще более увеличилась после выборов в 1884 г.—вторых парламентских выборов при

законе против социалистов—когда партия получила огромное распространение в таких областях, где для классовой революционной идеологии не было такой основы, какая имелась в традиционных пролетарских округах. В виду этого Энгельс немедленно высказал в письме Бернштейну свое опасение по поводу того, что правые элементы в руководстве смогут теперь временно создать среди масс некоторую основу для своих тенденций, бывших до сих пор их личными убеждениями. Энгельс заявляет, что поэтому тем более необходимо эти новые массы воспитать в пролетарско-революционной идеологии, так как в противном случае начнут играть руководящую роль вышеупомянутые отрицательные элементы.

Одновременно с процессом идеологического прояснения, происходившим в пролетариате и его партии под ударами исключительного закона и в борьбе с мещанскими тенденциями, развернувшимися благодаря этому закону, пролетарское движение начало под давлением самих же методов Бисмарка еще решительней пробивать себе путь в организационном отношении. Не только на выборах 1884 года с их огромным ростом партии, но уже в 1881 году на первых парламентских выборах, происходивших после издания исключительного закона, обнаружилось, что партия выросла и что она пошла вперед в решающем пункте. Партия в первый раз завоевала настоящие промышленные центры и крупные города на ряду с районами, где царит особенная нужда, как, например Хемниц и Эрцгебирге, на которые социал-демократия главным образом опиралась и до закона о социалистах. Берлин, Гамбург, Бреславль, Лейпциг, Дрезден, Майнц, Оффенбах, Бармен, Эльберфельд, Золинген, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне стали новыми источниками силы для партии на ряду с полусельскими саксонскими округами.

Таким образом только теперь движение превратилось во всеоб'емлющее национальное движение всего рабочего класса и завоевало себе пролетарскую основу среди тех слоев рабочего класса, которые находились в наиболее передовом экономическом положении и, благодаря своему положению в производственном процессе на крупных промышленных предприятиях, были призваны давать кадры бойцов в армию, ведущую пролетарскую классовую борьбу.

Таким образом, совершенно ясно видно, что действие закона против социалистов явилось полной противоположностью тому, чего ожидали Бисмарк, абсолютизм и буржуазия. Вместо того, чтобы раздавить молодое рабочее движение, закон против социалистов напротив стал как раз тем рычагом, при помощи которого социал-демократическая партия завоевала себе в организационном отношении настоящую классовую основу и впитала в себя в идеологическом отношении революционные принципы научного социализма.

3. Проблема раскола рабочего движения.

Мы уже выше указывали на то, с какой беспощадной резкостью творцы научного социализма, Маркс и Энгельс, критиковали те процессы гниения, которые происходили при законе против социалистов в рядах германской социал-демократии благодаря ее правому крылу. Так, например, Маркс писал уже немедленно после издания закона против социалистов о германской социал-демократической парламентской фракции следующее:

«Они уже настолько заражены парламентским идиотизмом, что считают себя выше критики и обрушиваются на нее, как будто это crime de lèse majesté (оскорбление величества)».

Фридрих Энгельс постоянно выражал свое величайшее презрение к этим элементам, так, например, он писал 25 января 1882 года:

«Я никогда не скрывал, что, по моему мнению, массы в Германии гораздо лучше господ вождей, в особенности с тех пор, как партия стала благодаря печати и агитации дойной коровой, снабжавшей их маслом. А тут еще Бисмарк и буржуазия вдруг зарезали эту корову. Вся их надежда обратилась на отмену закона против социалистов... Как ни естественно, однако, появление подобного направления, прикрывающего отсутствие понимания и силы сопротивления «об'ективными» сверхумными соображениями, с ним нужно решительно бороться. И в этом отношении сами рабочие массы являются наилучшей точкой опоры».

В другом письме от 13 сентября 1882 года он пишет:

«Я уже и сам часто говорил себе то, что и вы (Бернштейн) говорите о слабости различных людей в Германии, указывая на это в виде оправдания. Это, однако, все же остается старым пороком немцев, не отличающихся силой характера и способностью сопротивляться и чувствующих потребность выступать не перед рабочим, а перед филистером в роли заслуживающего уважения честного малого, который далеко не является таким опасным людоедом, каким его считают. Это все люди, которые считают, что им нужно иметь немножко образования для того, чтобы рабочий был освобожден с их помощью, но не освободил себя собственными силами. Они считают, что освобождение рабочего класса возможно лишь через посредство образованного мещанина. Еще бы, разве этого смогут добиться собственными силами бедные, необразованные, беспомощные рабочие!».

В письме от 1 марта 1883 года он пишет:

«Если образованные люди, и в особенности пришельцы из буржуазных кругов, не стоят всецело на пролетарской точке зрения, то они являются прямой опасностью... Лишь с тех пор, как в Германии появился современный пролетариат, развился класс, который почти не затронут этой германской наследственной язвой (мелкобуржуазная, мещанская и филистерская психология. *В. Г.)* и который показал в борьбе свои свободные взгляды, энергию, юмор и упорство. И разве мы не должны бороться со всякой попыткой искусственно привить этому единственному в Германии здоровому классу старый наследственный яд филистерской ограниченности и тряпичности? Но под первым впечатлением покушений и издания закона против социалистов вожди настолько испугались, что этот страх показал, что они сами слишком долго жили среди филистеров и находились под давлением филистерских воззрений. Партия должна была тогда, если не стать, то, по крайней мере, казаться филистерской. Эта точка зрения теперь к счастью преодолена, но филистерские элементы, вступившие в партию перед изданием закона и которых много среди учащихся, но не сдавших свои экзамены студентов, все еще находятся в партии, и за ними нужно строго наблюдать».

Как видно, Фридрих Энгельс прекрасно понял и остро анализировал те опасности, которые грозили молодому рабочему движению от мелкобуржуазных мещанских элементов правого крыла, стремившихся его обуржуазить. Какую тактику он предлагал для борьбы с этой опасностью? Этот вопрос должен нас теперь, пятьдесят лет спустя после издания закона о социалистах, особенно интересовать после того, как та самая социал-демократическая партия, которая вышла победительницей в своей геройской борьбе с исключительным законом Бисмарка, смогла к 4 августа 1914 года окончательно погрязнуть в болоте социал-империализма и теперешней коалиционной и броненосной политики. Чем об'ясняется подобное развитие? По какому пути должна была идти германская социал-демократическая партия, боровшаяся с законом против социалистов, для того, чтобы избежать этого опускания в буржуазное болото? Был ли такой путь? И указали ли на него, по крайней мере, Маркс и Энгельс? На эти вопросы нужно дать ответ.

Энгельс писал Бернштейну следующее уже 12 июня 1883 года, т.-е. еще перед выборами 1884 года, которые значительно усилили влияние правых элементов социал-демократической парламентской фракции, оказавшихся

в большинстве и получивших некоторую основу в массах благодаря расширению партии во вновь завоеванных районах:

«Я уже давно писал Бебелю, что в конце концов придется порвать с мягкотелыми элементами правого крыла, но, по моему мнению, не в наших интересах порывать с ними, пока мы вновь не получим возможность непосредственно сноситься с массами, т.-е. до тех пор, пока не будет отменен закон против социалистов. Если они нас к этому принудят, то следует заботиться о том, чтобы они, а не мы нарушили партийную дисциплину, и тогда наш успех будет обеспечен».

В 1884 году, он пишет еще яснее:

«С тех пор, как господа плаксы сплотились в настоящую партию и представляют собою большинство во фракции, с тех пор, как они сознают свою силу, созданную благодаря закону против социалистов, и этой силой пользуются, я считаю нашей сугубой обязанностью держаться до последней крайности на всех командных позициях, которые мы занимаем, в особенности в редакции «Социал-Демократа», так как эта позиция является наиболее важной. Эти люди живут законом против социалистов. Если бы завтра была об'явлена свобода дискуссий, то я был бы за немедленное выступление, и они были бы тотчас же ликвидированы. Пока, однако, нет еще свободы дискуссий и они господствуют над всей печатью, выходящей в Германии, и пока их число (в качестве большинства «вождей») дает им возможность заниматься склоками, интригами и клеветой, используя это в своих интересах, мы, я думаю, должны избегать в первую очередь всего того, что могло бы дать повод обвинить нас в желании вызвать разрыв. Теперь следует больше, чем когда-либо, придерживаться этого общего правила внутрипартийной борьбы. Разрыв должен быть так организован, чтобы мы продолжали руководить старой партией, а они выступили или были бы выкинуты... Если мы можем избежать разрыва, то, по моему мнению, следует с ними еще подождать, пока в Германии произойдет перемена, которая дала бы нам большую свободу действия... Итак: 1) По возможности откладывать разрыв; 2) если он станет неизбежным, постараться, чтобы он произошел по их инициативе; 3) тем временем все подготовить; 4) ничего не делать без Бебеля и, если возможно, без Либкнехта, который вновь совсем исправляется (может быть, даже слишком), когда видит, что дело становится неизбежным и 5) держать командную позицию в «Социал-Демократе» против всего и всех, не сдаваясь до конца. Вот мое мнение».

Таким образом, совершенно ясно, что Энгельс и Маркс, советы которых всегда совпадали, ставили с абсолютной остротой проблему борьбы с мелкобуржуазными элементами вплоть до разрыва, т.-е. вплоть до их ухода из партии, который они считали необходимостью и предпосылкой для ее сохранения. Спорным был для них лишь вопрос о том, как долго можно будет откладывать этот раскол и разрыв, так как только после отмены закона против социалистов революционные элементы в рядах партии получили бы возможность поднять свободную дискуссию и установить свободное общение с массами и тогда можно было бы наиболее безболезненным для партии образом удалить из нее чуждые в классовом отношении мелкобуржуазные мещанские элементы.

Мы теперь знаем, что германская социал-демократия не следовала этому учению основоположника социализма Фридриха Энгельса, справедливость которого тогда всецело признавали и Каутский и Бебель. Мы знаем также, что благодаря тому, что советы Фридриха Энгельса не были приняты во внимание и в партии остались мелкобуржуазные элементы, весь пролетарский героизм, который был проявлен германской социал-демократией во время действия закона против социалистов, в последующие десятилетия постепенно рассеялся под влиянием реформистского яда. К этой опасности,

которая имелась во времена Энгельса и заключалась в том, что филистерские, мещанские воззрения мелкой буржуазии отражались на рабочем движении, придавая ему буржуазный характер, прибавилась в последующем историческом развитии с под'емом германского империализма в конце XIX века и начале XX новая опасность. Эта опасность заключалась в реформистской деморализации определенных слоев рабочей аристократии, которая возникла на экономической основе благодаря тому участию, которое она до некоторой степени принимала в сверхбарышах, получаемых империалистической буржуазией в колониях и монопольных предприятиях. Бебель и Каутский, воплощавшие собой при законе против социалистов революционно-пролетарское крыло движения, дали себя впоследствии отогнать в русло центризма с его шаткой компромиссной политикой, открывавшей путь ревизионизму, в то время как вновь выросшее левое крыло с Розой Люксембург, Францем Мерингом, Кларой Цеткин и др. было недостаточно сильно и частью недостаточно решительно для того, чтобы по собственной инициативе вызвать раскол. Так свершилась судьба германской социал-демократии. С высот пролетарской классовой борьбы с законом против социалистов, с высоты героизма своей борьбы с Бисмарком—«канцлером крови и железа», который в этой борьбе в конце концов пал, она опустилась в болото социал-патриотизма и социал-империализма.

Теперешний пролетариат, вспоминающий о том учении, которое Фридрих Энгельс оставил германскому рабочему движению во время действия закона против социалистов, имеет теперь еще один урок, а именно: путь большевистской партии, являющейся единственной партией II Интернационала, которая уже в довоенный период осуществила учение Энгельса под руководством Ленина. Очистив свои ряды от мелкобуржуазных меньшевистских элементов—так, как это Энгельс считал необходимым для германской социал-демократии — большевистская партия завоевала важнейшее условие для выполнения своих задач в качестве революционного авангарда русского пролетариата.

Заветы основоположников социализма вместе с принципами ленинизма и опытом русской революции воплощаются теперь для пролетариата всех стран в Коминтерне и его секциях. Празднование годовщины геройской борьбы молодого германского рабочего движения с законом Бисмарка против социалистов является поэтому долгом и преимущественным правом одних лишь коммунистов. Только они защищают завет тех бойцов, только они чтут это героическое прошлое, продолжая и в настоящее время вести пролетарскую освободительную борьбу под знаменем марксизма-ленинизма!

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

После стабилизации.

(Е. Варга. «Экономика капитализма в период заката после стабилизации». ГИЗ. 1928. Стр. 133. Цена 1 р. 30 к.).

Много воды утекло с тех пор, как впервые Коммунистический Интернационал дал свою теоретическую оценку послевоенному хаосу капиталистического мирового хозяйства. За эти годы многое изменилось. Капитализм сумел выбраться из трясины, в которую он был повергнут во время непосредственно - революционной ситуации, сумел нашить заплаты на зияющие дыры мирохозяйственного зипуна и даже кое - где его подновить. Но все эти новые явления количественного и качественного порядка, фигурировавшие на отдельных этапах развития послевоенного капитализма, как «оздоровление», «стабилизация», «рационализация» и т. п. не аннулировали основной принципиальной оценки Коминтерна послевоенного кризиса мирового хозяйства, как кризиса sui generis — органического кризиса всей капиталистической системы, «всеобщего кризиса капитализма». (Маркс).

Последний конгресс Коминтерна подтвердил в своих резолюциях эту оценку, сделав из нее соответствующие политические и тактические выводы. Эта же принципиальная установка проходит красной нитью через книгу тов. Е. Варги «Экономика капитализма в период заката, после стабилизации». Эта книга не является кон'юнктурным обзором, обычно выпускаемым т. Варгой, а ставит перед собой задачу серьезного анализа ряда проблем мирового капитализма в период его стабилизации. Ряд теоретических положений этой книги по существу лег в основу обсуждения на VI конгрессе Коминтерна международного положения. Но естественно, что на конгрессе аспект анализа отдельных проблем, выдвинутых тов. Варгой, носил более практический характер, приуроченный к задачам стратегии отдельных отрядов мирового коммунизма.

С этой точки зрения книга тов. Варги, посвященная теоретическим проблемам, заслуживает того, чтобы ею серьезно заинтересовались широкие массы наших партийных функционеров, изучающих работу последнего конгресса Коминтерна.

Книга ценна тем, что в ней уделяется внимание наиболее злободневным проблемам мирового хозяйства. В книге, как оговаривается сам автор в предисловии, отсутствует анализ ряда теоретических проблем, которые характерны для всего послевоенного капитализма, но которые на данный исторический отрезок времени не отличаются какими-либо особенными чертами.

Первые две главы книги посвящаются анализу стабилизации капитализма и неустойчивости капиталистической системы.

Тов. Варга предостерегает от переоценки достижений капитализма в стабилизационный период. Темп роста послевоенного капитализма не достиг еще довоенного. Противоречия капитализма все больше обостряются.

Переходя к анализу специфичности послевоенного кризиса, тов. Варга сводит его лишь к существованию СССР. Верно, что существование СССР—новой, экономически-прогрессивной формации в системе мирового хозяйства —является крупнейшим элементом, придающим специфичность послевоенному кризису. Но этим отличие послевоенного кризиса капиталистической системы от «нормальных» капиталистических кризисов не ограничивается. Тов. Варга в своих предыдущих работах приводил ряд других показателей. Часть из них сохранила свою силу и в современный период. Наконец, и на последнем конгрессе Коминтерна проводился ряд показателей, специфичных для послевоенного кризиса, как, например, структурные изменения во всей мировой экономической системе, своеобразные трудности в проблеме рынков и т. д.

В свете всех этих положений, несколько странно и непонятно звучат некоторые формулировки тов. Варги. В частности, анализируя экономическую стабилизацию капитализма, тов. Варга пишет:

«Особенно характерный для послевоенного времени распад капиталистического мира на области избыточного и недостаточного производства был постепенно преодолен, при чем богатые страны «помогали» бедным путем вывоза капитала». (Стр. 10).

Мы нарочно сверили текст русского издания с немецким и нашли полную идентичность перевода. Несомненно, что тут налицо неясная постановка вопроса.

Во-первых, распад капиталистического мира на «области избыточного и недостаточного производства», если оставить терминологию тов. Варги, является результатом неравномерного развития капитализма и, следовательно, процессом характерным не только для послевоенного времени. Во-вторых, вряд ли этот «распад» был преодолен в эпоху стабилизации капитализма даже при помощи экспорта капитала из «богатых» (?!) стран.

После анализа общего положения мирового капитализма в послестабилизационный период тов. Варга переходит к отдельным проблемам. Комплекс рассматриваемых им проблем более или менее полон, но далеко не всем проблемам тов. Варга уделяет необходимое внимание. Ряд весьма существенных вопросов тов. Варга разбирает недостаточно глубоко и серьезно. На одной из таких проблем мы намерены остановиться несколько подробнее.

Одной из наиболее интересных проблем, затронутых тов. Варгой в его последней книге, является проблема «Органической безработицы». На основании ряда данных, касающихся Сев. - Американских Соединенных Штатов и Англии, тов. Варга доказывает, что в «послевоенное время, со времени стабилизации капитализма наступило абсолютное (разрядка наша. *Дм. Б.*), сокращение числа рабочих, занятых производительным капиталом». (Стр. 23).

На конгрессе Коминтерна об этом же говорил в своем докладе т. Бухарин, приводя как пример С.-А. С. Ш. Тов. Бухарин говорил: «Там впервые в мировой истории, в истории рабочего движения,—говоря словами Маркса,—«V» (переменный капитал—ценность рабочей силы), уменьшается не только по сравнению с «С» (постоянный капитал—ценность средств производства), но и абсолютно. Количество промышленных рабочих уменьшается. Это впервые в крупном масштабе происходит в мировой истории и в истории рабочего движения».

Как известно, Маркс анализируя всеобщий закон капиталистического накопления («Капитал» т. I), констатировал тенденцию относительного увеличения промышленно-резервной армии и относительного же уменьшения спроса на труд, определяемого переменной частью капитала.

«С возрастанием капитала,—пишет Маркс в I т. «Капитала»—увеличивается и его переменная, составная часть или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции... Ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала стано-

вится условием того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих и даже того, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы старого капитала, уже функционирующие рабочие сохранили работу».

Об этой тенденции абсолютного роста, хотя и относительно уменьшения переменного капитала упоминает Маркс и в других местах «Капитала», в частности при анализе ренты.

Тов. Варга, правда, несколько робко, но все же ставит вопрос о необходимости оценки новых явлений абсолютного уменьшения рабочей силы, характерных, по его мнению, лишь для периода стабилизации. Само же явление абсолютного сокращения числа рабочих, тов. Варга об'ясняет повышением производительности труда, не вдаваясь в более детальный анализ.

Нам представляется, что проблема, намеченная тов. Варгой, настолько серьезна, логические выводы из нее в области стратегии и тактики Коминтерна настолько важны, что ни в коем случае нельзя ограничиться спокойной констатацией происходящих явлений, не пытаясь их разобрать поглубже, поставив все точки над «и».

Еще Маркс ставил вопрос о политических следствиях возможного уменьшения абсолютного числа рабочих. «Если бы развитие производительных сил,—писал Маркс в III т. «Капитала,—уменьшало абсолютное число рабочих, т.-е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж».

Для той фазы развития капитализма, о которой писал Маркс, на основании показателей которой он строил свой анализ абстрактного капитализма такая опасность капиталистическому обществу, по всей видимости, не угрожала. Это была эпоха пышного расцвета промышленного капитализма, период мощного роста производительных сил, невиданных доселе размеров применения механических двигателей. Это были те дни бурной юности капитализма, о которых Маркс писал: «Развитие производительности труда—это историческая задача оправдания капитала».

Капиталисты усиленно вводят машины как «средство производства прибавочной стоимости» (Маркс), выбрасывая на улицу огромные массы ставших лишними рабочих. Появление машины, ее победоносное продвижение в промышленности «освобождает» значительные группы и категории рабочих от их средств существования.

Начало XIX века было «периодом рационализации» капиталистического производства, заключавшейся в массовом переходе промышленности к машинному производству. Эта своеобразная «рационализация», выбрасывая на первых порах массу рабочих из тех или иных отраслей промышленности, однако, вводила часть их снова в сферу производства в другие отрасли его.

Введение новых машин означало увеличение количества выпускаемой продукции при непропорциональном, замедленном росте рабочей силы. Увеличение продукции пред'являло рынку повышенное требование на целый ряд сырьевых товаров и полуфабрикатов.

«С расширением машинного производства в одной отрасли промышленности,—писал Маркс—увеличивается производство прежде всего в тех других отраслях, которые доставляют первой ее средства производства». Значительная часть выброшенных из «рационализированных» отраслей промышленности пролетариев, часть подрастающей рабочей силы и избыточного населения деревни могли применять свой труд в других отраслях промышленности. Большое значение в деле поглощения избыточной рабочей силы и рассасывания растущей резервной армии труда имел в период промышленного капитализма рост производства средств производства.

Рационализация этого периода развития капитализма носила, так сказать, «экстенсивный» характер: вводили совершенно новые машины, строились новые предприятия и т. д. Эта «экстенсивность» рационализации периода промышленного капитализма обеспечивала процесс абсолютного роста переменного капитала. Конечно, этот абсолютный рост количества рабочей силы промышленности не следует понимать так, что вся выбрасываемая, благодаря введению новых машин, на улицу рабочая сила на 100% находит применение своему труду. Маркс энергично боролся с так называемой теорией «компенсаций», которую проповедывали буржуазные экономисты. Эти экономисты, как, например, Сениор, утверждали, что введение новых машин, вытесняющее рабочих, освобождает соответствующие капиталы, которые дают применение труду выброшенных рабочих. Маркс указывал на то, что имеется ряд причин, препятствующих занятию в производстве всех «освобожденных рабочих». Только часть рабочих имела возможность найти себе работу. Эти теоретические положения Маркса подтверждались статистическими данными относительного уменьшения в промышленности доли переменного капитала. Эта тенденция характеризовала период промышленного капитализма.

С того времени многое изменилось. Капитализм перешел в свою «новейшую» фазу—монополистического капитализма. Он приобрел целый ряд новых, характерных исключительно для этой фазы развития, показателей. Развились процессы неизвестные в эпоху промышленного капитализма. Однако, в анализах эпохи монополистического капитализма и в определении своеобразных черт, отличающих эту эпоху от предыдущих ступеней развития капитализма в марксистской экономической науке не упоминалось об абсолютном уменьшении рабочей силы,—процесс, о котором впервые пишет в своей книге тов. Варга и о котором упоминается в резолюциях последнего конгресса Коминтерна. Лишь в последний отрезок развития послевоенного капитализма в так называемую вторую фазу капиталистической стабилизации, ряд эмпирических данных дал возможность поставить эту проблему.

Чрезвычайно важно выяснить вопрос о том, являются ли эти глубочайшие изменения в развитии капитализма процессом, связанным с известными кон'юнктурными или даже кризисными явлениями случайного, временного порядка или, по мере развития монополистического капитализма, на ряду с известными уже его основными показателями, как монополистический паразитизм, загнивание стран-рантье и т. д.,—выделяется новая качественная категория тоже специфичная для этой эпохи?

Тов. Варга в своей книге пытается об'яснить причину «органической безработицы» законами капитализма вообще.

«Наличие хронической массовой безработицы,—пишет тов. Варга (стр. 20),—в послевоенное время составляет общеизвестный факт. Мы склонны были видеть в ней лишь последствие глубоких нарушений равновесия мирового хозяйства—индустриализации заокеанских стран, об'единения (повидимому опечатка—«обеднения». *Дж. Б.*) Европы, аграрного кризиса. Все эти моменты являются, конечно, частичными причинами безработицы. Но тщательное изучение новейшего развития последней показывает, что причина хронической массовой безработицы коренится в первую очередь не в этих нарушениях, а пред-

ставляет собой неизбежный результат обострения внутренних противоречий капитализма».

Эти внутренние противоречия капитализма, указывает тов. Варга, сводятся к тому, что, хотя общая сумма прибыли равна общей сумме прибавочной стоимости, каждое отдельное предприятие стремится к сокращению количества эксплоатируемых рабочих, заменяя их машинами, а это снижает общую сумму прибавочной стоимости.

Эти противоречия существовали и при промышленном капитализме, однако, тогда не происходило абсолютного сокращения числа рабочих. У нас нет никаких оснований ревизовать Маркса в отношении его законов, установленных для чистого капитализма. Варга же считает абсолютное сокращение рабочих тенденцией капитализма вообще, проявляющейся лишь с большей силой в наше время, когда «освобождение» рабочих машинами не компенсируется более расширением производства» (стр. 23).

В 7-й книжке «Планового Хозяйства» с критикой Варги в статье «К проблеме безработицы в капиталистических странах» выступает т. Спектатор. Тов. Спектатор полемизирует с Варгой по поводу его утверждения, что «число занятых в промышленности должно при «чистом» капитализме падать» (стр. 198). Рядом цитат из Маркса и статистических данных Спектатор доказывает, что при быстром темпе накопления абсолютно растет число занятых рабочих. Сокращение же числа занятых после войны, в основном, по мнению Спектатора, «является результатом слабого развития промышленности, относительно замедленного темпа расширенного воспроизводства и почти полного застоя в процессе расширенного воспроизводства основного капитала. Если бы последний имел место, число занятых, как это было до войны, увеличилось бы». (Стр. 200).

Таким образом, причины органической безработицы тов. Спектатор видит лишь в явлениях послевоенного кризиса мирового хозяйства. Тов. Варга же подчеркивает, что это явление «не стоит в связи с кон'юнктурным циклом» (стр. 23).

Мы тоже считаем, что процесс абсолютного уменьшения рабочей силы не кон'юнктурное явление, и корни его заложены глубже, но и нельзя согласиться с тов. Варгой в его тенденции возведения генеалогического древа этого процесса к истокам капитализма вообще. Во всяком случае тов. Варга не делает даже попыток теоретически и статистически оправдать эту концепцию.

Нам представляется, что процесс абсолютного уменьшения рабочей силы является категорией, непосредственно вытекающей из монополистического загнивания промышленности в эпоху финансового капитализма и проявляющейся конкретно в период относительной стабилизации послевоенного капитализма.

Ленин, анализируя процесс загнивания капитализма, сводил его к трем основным показателям. В первую голову Ленин обращал внимание на «глубокие экономические основы империализма»—монополии. Монополия создает экономическую возможность искусственной задержки технического прогресса и этим самым зарождает тенденцию к застою и загниванию. Следующим показателем загнивания является выделение стран-рантье,—государств паразитически загнивающего капитализма. И, наконец, серьезным моментом, характеризующим империализм, является «уменьшение эмиграции из империалистических стран и увеличение эмиграции (прихода рабочих и переселения) в эти страны из более отсталых стран, с более низкой заработной платой».

Наиболее характерным из всех этих показателей является монополистическое загнивание, кладущее свой отпечаток на характер роста производительных сил во всю эпоху монополистического капитализма и проявляющееся в несколько модифицированном виде в наше время.

Ленин усиленно предостерегал от фаталистического понимания монопольного загнивания. Не следует понимать монополистическое загнивание, как полный застой техники и методов труда, как катастрофическое падение кривой производительных сил. Ленин подчеркивал, что речь идет об «экономической возможности» торможения технического прогресса, о тенденциях загнивания, которые, однако, развиваются неравномерно во времени и пространстве.

На каждом отдельном этапе развития монополистического капитализма эта тенденция монополистического загнивания принимает свои своеобразные формы и размеры. При этом характерно отметить, что тенденция загнивания далеко не всегда соответствует хронологически и пропорционально кризисным явлениям народного хозяйства той или иной страны.

Во вторую фазу стабилизации капитализма тенденция монополистического загнивания получает свое отображение в характере динамики капиталистической промышленности, особенно в капиталистической рационализации.

В наши дни маневрирование капиталистического корабля в фарватере послевоенного кризиса происходит под флагом капиталистической рационализации. Капиталистическая рационализация должна спасти капиталистический корабль и вывести его, по мнению буржуазии и социал-демократов, в свободные воды нового, невиданного доселе хозяйственного под'ема.

Кое-кто пытается проводить формальные аналогии между капиталистической рационализацией наших дней и периодом введения машин начала XIX века. Эти поверхностные наблюдатели не видят за формальными аналогиями глубины явлений. Рационализация XIX века происходила в условиях молодого, восходящего капитализма, в то время как рационализация современная происходит в условиях капитализма загнивающего. А отсюда и разница между экономико-социальным содержанием рационализации XIX и XX вв. Мы уже выше назвали рационализацию XIX века экстенсивной. В отличие от нее приходится характеризовать современную рационализацию, как интенсивную.

В то время как рационализация XIX века происходила за счет расширенного воспроизводства основного капитала, рационализация нашего времени строится иными путями. Центр тяжести современной капиталистической рационализации переносится на сильнейшую интенсификацию труда. Этой задаче подчинены все отдельные элементы рационализации, проводимой в промышленности. Конвейер, ускорение производственных процессов, механизация внутризаводского транспорта, цепная связь производственных процессов, контроль над производством, специализация труда, нормализация и стандартизация — все эти характерные черты своевременной капиталистической рационализации означают увеличение производительности труда отдельных рабочих [1]).

Процессы централизации и концентрации капитала, тоже составляющие одного из китов современной рационализации, равным образом носят характер скорее интенсивный, чем экстенсивный. Происходит кон-

---

[1]) О технических сдвигах и рационализации производства в С. А. С. Ш. имеется интересная статья тов. М. Рубинштейна в журнале «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» № 8—9, за 1927 г.

сервирование предприятий, скупка «диких» предприятий для их ликвидации и т. д.

Таким образом, та временная, относительная и т. д. стабилизация капитализма, о которой мы говорим и пишем и о которой мы судим подчас лишь по эффективным цифрам продукции, происходит главным образом не за счет расширенного воспроизводства основного капитала так, как это было в период промышленного капитализма, а поднятия производительности труда отдельного рабочего.

Конечно, было бы нелепо отрицать, что на тех или иных участках мирового капиталистического хозяйства, в тех или иных отраслях промышленности, особенно в так называемых н о в ы х отраслях, происходит расширенное воспроизводство основного капитала. Но дело не в этом, а в о с н о в н о й т е н д е н ц и и, характеризующей наш период. При этом следует иметь в виду, что «новые» отрасли промышленности характеризуются высокой производительностью и малым количеством рабочих. На годичном общем собрании акционеров Вестминстерского Банка Юз Теннан указал, что в так называемых «новых» отраслях промышленности—электротехнической, автомобильной, химической, производстве искусственного шелка, занято всего 700 тыс. рабочих из 12 млн., обслуживающих промышленное хозяйство Англии (цитируем по ст. тов. Сейлора в «Экономической Жизни»).

В цитированной уже выше статье в «Плановом Хозяйстве» т. Спектатор приводит весьма интересные данные о темпах роста производительных сил. Он пишет: «Применение механической силы увеличилось за 10 лет перед войной (1904—1914 гг.) с 13,5 до 22,4 млн. лошадиных сил, или на 66%, а за годы 1919—1925 с 29,3 до 35,8 млн. лошадиных сил, или всего на 22%». Эти цифры наглядно показывают весьма существенное замедление темпа расширения основного капитала в капиталистической промышленности. Если обратиться к данным, характеризующим положение в отдельных странах, к таким показательным данным, как, например, по германской промышленности, мы наткнемся на новое подтверждение вышеуказанного положения.

Тов. Спектатор приводит в своей статье ряд данных, характеризующих роль технических улучшений в германской рационализации.

По материалам германского союза машиностроительных заводов видно, что продукция и сбыт машин в Германии составляли:

Годы.	Продукция.	Сбыт на внут. рынке (в млн. марок).	Экспорт.
1913	2.800	2.050	750
1924	2.200	1.630	570
1925	2.900	2.140	670
1926	2.500	1.660	840
1927	3.400	2.440	960

Цены на машины в 1926 г. превышали довоенный уровень на 44—45%. Этим самым сбыт на внутреннем рынке составлял 1.100 млн марок, или 53% довоенных. В 1927 году, когда положение значительно улучшилось, сумма вновь введенных машин фактически составляла 84% довоенных.

Таким образом, современная капиталистическая рационализация, происходя в эпоху монополистического загнивания капитализма, не опирается на относительно мощное расширенное воспроизводство основного капитала и не создает возможности роста числа рабочих, занятых в промышленности.

Т е н д е н ц и я к застою и техническому загниванию, характерная для монополистического капитализма (ни в коей мере не опровергаемая теми или иными техническими достижениями современного капитализма), является о п р е д е л я ю щ и м м о м е н т о м п р о ц е с с а а б с о л ю т н о г о у м е н ь ш е н и я р а б о ч е й с и л ы.

В период экстенсивной рационализации начала XIX века мы имели, как указывалось уже выше, увеличение производства в ряде смежных с рационализируемой отраслей, в частности, в области с ы р ь я. Увеличению производства в этих отраслях соответствовало и увеличение рабочих рук. Что же мы имеем в наше время? Процесс механизации захватил и сырьевые области. Достаточно обратиться к характерным процессам рационализации, происходящим сейчас в угольной промышленности, где механическая погрузка угля, применение конвейеров, изменение методов организации производства и труда в шахтах превращают последние в своеобразные фабрики, чтобы убедиться в том, что ни о каком росте рабочих там не приходится думать.

Крупную роль в современной рационализации играет химическая промышленность, стремящаяся заменить органическое сырье н е о р г а н и ч е с к и м — синтетическим. И как раз химическая промышленность славится тем, что в ней основную роль играют инженеры, химики, техники, лаборанты и весьма незначительное место в общем процессе производства играют неквалифицированные, вспомогательные рабочие. Как раз на опыте химической промышленности Альфред Монд и Гильфердинг строят свои теории о возможности ликвидации социальных противоречий в современной промышленности и о мирном развитии капитализма. Наконец, рост рабочей силы, участвующей в процессе производства, можно было бы себе мыслить при условии значительного р а с ш и р е н и я п р о д у к ц и и, а следовательно, и при наличии условий р е а л и з а ц и и этой расширенной продукции. Другими словами, рост рабочих в производстве мог бы в тех или иных размерах происходить, если бы у монополистического капитализма более или менее благополучно обстояло дело с проблемой рынков.

Энгельс в своей статье «Английский десятичасовой билль» писал:

«С о в р е м е н н а я к р у п н а я п р о м ы ш л е н н о с т ь м о ж е т с у щ е с т в о в а т ь т о л ь к о п р и у с л о в и и п о с т о я н н о г о р а с ш и р е н и я, п о с т о я н н о г о з а в о е в а н и я н о в ы х р ы н к о в. К э т о м у п р и н у ж д а е т е е б е с к о н е ч н а я л е г к о с т ь с а м о г о м а с с о в о г о п р о и з в о д с т в а, б е с п р е с т а н н о е д а л ь н е й ш е е р а з в и т и е и с о з д а н и е м а ш и н и о б у с л о в л е н н о е э т и м б е с п р е р ы в н о е в ы т е с н е н и е к а п и т а л о в и р а б о ч е й с и л ы».

Монополистический капитализм как раз характеризуется невозможностью «постоянного расширения» своих рынков. Особенно наглядно эти рыночные затруднения вырисовываются в период послевоенного кризиса мирового хозяйства.

Политика интернационального картелирования ставит себе целью установление норм продукции в отдельных странах по тем или иным отраслям промышленности, пытаясь смягчить проблему рынков искусственным сокращением выпускаемой на мировой рынок продукции. Если в период рационализации XIX века капитализм разрешал проблему уменьшения нормы прибыли, являвшегося результатом органического роста капитала, соответствующим р а с ш и р е н и е м сбыта, то в наше время значительного сокращения емкости мирового рынка возможность реализации прибыли капитализм видит в соответствующем с о к р а щ е н и и производства. Этого процесса не может компенсировать и так называемая н о в а я промышленность, на которую возлагают надежды капиталисты метрополии, пытаясь при помощи ее преодолеть трудности проблемы рынков сбыта.

Рационализация эпохи монополистического капитализма, снижая заработную плату и уменьшая количество занятых рабочих рук, уменьшает платежеспособную емкость и в н у т р е н н е г о рынка.

Таким образом, получается диалектический «танец» — рационализация проводится для разрешения проблемы сбыта и в то же время она является причиной нового обострения сбыта на внутреннем рынке.

Мы элиминируем здесь вопрос о недогрузке производственного аппарата, который тоже играет в эпоху монополистического капитализма свою роль в вопросе абсолютного уменьшения рабочей силы.

Мы предвидим здесь одно возражение: процесс абсолютного уменьшения рабочей силы может быть и характерен для отдельных стран, но ведь проблема-то в целом определяется положением в мировом хозяйстве? А в мировом хозяйстве, как известно, благодаря индустриализации колоний и экспорту капитала число рабочих рук увеличилось? Такая постановка вопроса будет неправильной. Верно то, что мы сейчас должны мыслить мирохозяйственными масштабами, но нельзя забывать о том, что мирохозяйственный организм является единством весьма противоречивым. Неравномерное развитие капитализма делает систему мирового хозяйства весьма своеобразной. Нельзя арифметически складывать количество рабочих, занятых в промышленности в Индии и Англии, и оперировать их арифметической суммой. Это будет метафизика, а не диалектика.

Вполне естественно, что говоря о процессе абсолютного уменьшения рабочей силы мы имеем в виду не страны строящегося социализма, не страны восходящего капитализма, а страны империализма, загнивающего капитализма.

В Индии мы не имеем еще процессов монополистического загнивания, а следовательно, и такого уменьшения рабочей силы. Этот процесс разворачивается в странах «новейшего» капитализма. Экспорт капитала, создание стран-рантье усложняет, как известно, процесс загнивания, отражаясь соответствующим образом и на уменьшении рабочей силы метрополии. Рационализация английской промышленности, протекающая в условиях превращения Англии в страну-рантье, характеризуется стабилизованной резервной армией труда и абсолютным уменьшением рабочей силы, занятой в производстве.

Таким образом, абсолютное уменьшение рабочей силы проявляется и становится реальным процессом. Процесс этот протекает неравномерно и таит в себе огромные революционные возможности. Не рассасывающаяся резервная армия труда на фоне затруднения и даже полного исключения возможности эмиграции — свинцовый груз на ногах современного капиталистического общества. Эта проблема серьезно заботит буржуазию, она пытается найти способы смягчения растущих трудностей. Она пытается создать искусственные условия для эмиграции, как например, Англия в Канаду и Австралию. Однако, этими паллиативами буржуазия не в силах приостановить развития процесса, корни которого заложены в природе монополистической фазы капитализма и который резко выявляется на данном этапе послевоенного капитализма.

Подготавливаемая буржуазией война, на ряду с целым рядом других обстоятельств, вызывается и намерением «оперативным» путем разрешить проблему рабочей силы в эпоху загнивающего монополистического капитализма

Проблема абсолютного уменьшения рабочей силы весьма неизученная и новая, и поэтому анализ этого явления должен поневоле носить дедуктивный характер. Данные, которые приводит в своей книге тов. Варга, отдельные данные, проскальзывающие на страницах печати не могут еще служить вполне надежным и достаточным материалом для постулирования тех или иных законов. Этот статистический материал может служить скорее сигналом, стимулом для абстрактно-логических гипотез. И главное здесь надо весьма осторожно оперировать с «цифирью». Цифры, характеризующие уменьшение рабочей силы по отдельным отраслям промышленности (а таких данных много по различным странам), недостаточно показательны. Решающее значение здесь играет исчерпывающий охват всей промышленности той или иной страны. Но если даже взять под строжайшее сомнение все цифровые данные, это не исключает возможности гипотетических построений, имеющих далеко не академический интерес. Ведь и ленинский анализ монополистического загнивания носил в значительной степени дедуктивный характер. Заслуга тов. Варги заключается, несомненно, в том, что он первый сигнализировал этот новый характерный для монополистического капитализма процесс.

Из отдельных вопросов, поставленных в работе тов. Варги, мы считаем необходимым еще остановиться на несколько нечетком анализе тов. Варгой проблемы экспорта капитала. Тов. Варга пишет:

«В вывозе капитала следует различать два момента: вывоз капитала с целью экспорта товаров и вывоз в собственном смысле этого слова.

Вывоз капитала с целью экспорта товаров происходит в форме долгосрочных кредитов, при чем экспортированные товары переходят в распоряжение покупателя. Такова, например, продажа иностранным государствам военного снаряжения в сочетании с долгосрочным кредитом.

Вывоз капитала в собственном смысле этого слова: капитал, не находящий внутри страны достаточно выгодного помещения вследствие недостаточного сбыта и низкой нормы прибыли, вывозится за границу, при чем распоряжение им остается в руках экспортеров капитала (например, постройка и эксплоатация железных дорог за границей)». (Стр. 56).

Нам представляется, что определения т. Варги не дают четкого понимания разницы, существующей между экспортом капитала и экспортом товаров. Критерий кредитов не играет в этом вопросе такой роли, какую ему приуготавливает тов. Варга.

Тов. Варгу вводит в заблуждение то обстоятельство, что экспорт капиталов часто происходит в товарной форме. Но ведь критерием экспорта капиталов является не его форма, а назначение. Экспорт капитала это — вывоз стоимости для создания прибавочной стоимости. Между тем, при экспорте товаров мы имеем дело с реализацией стоимости, в том числе и прибавочной стоимости, уже созданной в экспортирующей стране. Если же экспортированные товары переходят в распоряжение покупателя, то какая бы форма оплаты этих товаров ни имела место, на какой бы срок ни предоставлялся кредит покупателю, все равно эта операция будет носить характер экспорта товаров, а не экспорта капитала. Срок кредитования и форма оплаты не играют здесь решающей роли [1]).

Мы останавливаемся на этой неточности т. Варги еще и потому, что она может оправдать совершенно неправильные теории экспорта капитала, которые у нас находят место даже на страницах серьезных научных журналов. Наглядным примером этого может служить рецензия на книгу Гобсона «Экспорт капитала», помещенная С. Выгодским в «Под Знаменем Марксизма» № 7—8.

Для С. Выгодского «экспорт капитала становится формой экспорта товара» (стр. 270). С. Выгодский видит в экспорте капитала лишь один из способов реализации продукции за границей. Это, конечно, совершенно неправильная установка. Верно, что экспорт капитала стимулирует сбыт товаров, но из этого вовсе не следует превращение экспорта капитала в форму экспорта товаров.

Другим дефектом книги тов. Варги является недостаточное внимание, уделяемое им такой важной проблеме, как сырье. Говоря о колониях тов. Варга подчеркивает их значение для сбыта товаров и вывоза капитала.

«Лучшее средство обеспечить себе соответствующую долю сбыта товаров и вывоза капитала на мировом рынке это — приобретение колоний. Этим об'ясняется стремление капиталистических держав еще в период

[1]) Подробнее об этом — в «Большевике» № 15 в нашей рецензии на книгу Гобсона «Экспорт капитала».

свободных конкуренций к завоеванию возможно более обширных колоний». (Стр. 57).

Нам представляется оценка тов. Варгой движущих сил колониальной политики эпохи империализма явно недостаточной. Тов. Варга опускает здесь и почти ничего не говорит в других главах книги об одной наиболее существенной движущей силе колониальной политики — борьбе за рынки сырья.

«Основной особенностью новейшего капитализма, — писал Ленин в «Империализме»,—является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки все источники сырых материалов».

И в другом месте т. Ленин со всей четкостью ставит вопрос, что «владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником—вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защищаться законом о государственной монополии. Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, тем острее конкуренция за источники сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний».

Таким образом, борьба за монопольное обладание сырьевыми источниками является одной из важнейших движущих сил колониальной экспансии капитализма в империалистическую фазу его развития. Ошибкой т. Варги является недооценка этого положения.

Вообще круг вопросов, связанных с колониальной проблемой, не нашел в книге тов. Варги достаточно полного и четкого анализа. Это относится и к вопросам индустриализации или «дезиндустриализации» колоний, к вопросам о переделе мира и т. д. Нечеткость имеется у т. Варги и в постановке вопроса о монопольной прибыли (стр. 64) и путях ее реализации.

Но за всем этим, как мы уже указывали выше, книга тов. Варги может служить хорошим пособием для изучения современных проблем мирового хозяйства, особенно в связи с проработкой итогов последнего конгресса Коминтерна.

Дм. Бухарцев.

АУТСАЙДЕР. (Outsider). «Пакт Келлога». Госиздат. М.—Л. 1928 г. Стр. 71. Тираж 3.000 экз.

П. ЛАПИНСКИЙ. «Пакт Келлога и пакт против Келлога». Госиздат. М.—Л. 1928 г. Стр. 140. Тираж 3.000 экз.

Шаг за шагом описывает брошюра Аутсайдера ход переговоров, которые привели империалистические державы к подписанию пакта Келлога. За посланием последовал проект, за проектом — оговорки, за оговорками — контрпроект, пока, наконец, не родился «на свет божий» знаменательный пакт.

Коротко и просто изложена вся дипломатическая возня, предшествовавшая подписанию пакта и происходившая в промежуток времени от 6 апреля 1928 г. (дата посылки Брианом Келлогу первой ноты) до 27 августа 1928 г. (дата подписания пакта).

Наибольший интерес вызывает у читателя часть брошюры, трактующая о юридическом и политическом значении всех тех оговорок, которые были сделаны некоторыми участниками пакта (в первую очередь Англией и Францией) до его подписания.

В текст пакта эти оговорки не вошли, тем не менее анализ их приводит к поучительным выводам. Основной и самый важный вывод заключается в том, что за оговорками некоторых держав не трудно разглядеть империалистический кулак, защищающий «кровные интересы» своего собственного капитала.

Однако, есть в брошюре формулировки, которые идут в разрез с фактами действительности. Две причины, по мнению автора, побудили Соединенные Штаты добиваться заключения договора об отказе от войны. Во-первых, «для утверждения своей гегемонии американский капитал в данный период времени (подчеркнуто автором) не нуждается в военной силе». Во-вторых,—«пакт Келлога представляет собой первую попытку Соединенных Штатов создать организацию, параллельную Лиге Наций, организацию, которая стала бы на место Лиги Наций» и, разумеется, под главенством Соединенных Штатов.

Нельзя возражать против второй побудительной причины, ибо по опыту Лиги Наций Соединенные Штаты убедились, какие она дает преимущества ее двум верховодам—Англии и Франции. Однако, мнение автора о том, что Америка «в данный период времени не нуждается в военной силе», диаметрально расходится и с фактами и с заявлениями государственных деятелей Соединенных Штатов. Морской министр Вильбур, например, заявляет, что «так как Соединенные Штаты являются самым крупным импортером мира, то они нуждаются в сильном военном флоте» (подчеркнуто мною. *Б. Ж.*). Его коллега по военному министерству Дэвис, вторит ему, выступая на политическом собрании: «Подписание договора Келлога ни коим образом не отразится на американских вооружениях». Достопочтенный мистер Дэвис вряд ли возразил бы, если бы мы прибавили к его словам «в данный период времени», ибо было бы по меньшей мере странно говорить о вооружениях 1940-х годов.

Сам автор на стр. 65-й говорит о том, что «Кулидж намерен всемерно форсировать через конгресс новую гигантскую судостроительную программу». (Речь идет о постройке 15 быстроходных крейсеров).

И это называется не нуждаться в военной силе или, по мнению автора, на той же 65-й стр., строить крейсера для того лишь, чтобы «произвести впечатление на Англию».

Недурная «моральная» теория вооружений.

Именно в данный период времени Соединенные Штаты ведут колоссальную работу по вооружению [1]. Тезисы VI конгресса Коминтерна говорят о «массовой милитаризации в Америке», о том, что «соперничество на море между Америкой и Англией ведет к новым вооружениям» и т. д., и т. п.

Вот какова действительная картина вещей. Как видит читатель, она несколько иная, чем рисуется автору брошюры.

Другое дело видеть в келлоговском маневре Соединенных Штатов международный пацифистский жест, необходимый как раз для данного периода времени, когда ведется интенсивная работа по вооружению, с целью прикрыть эту работу. Не в меньшей степени можно усмотреть в пакте и своеобразный маневр, вызванный соображениями внутренней политики (избирательная кампания).

В несколько ином плане составлена брошюра Лапинского. В ряде статей, печатавшихся в свое время в «Правде» и уже знакомых читателю, автор выявляет все те взаимосвязи, взаимозависимости и взаимовлияния, которые вытекают из пакта Келлога, с одной стороны, и пакта против Келлога, под которым автор разумеет англо-французское соглашение,—с другой стороны.

Умело и обильно используя международную прессу, автор разоблачает действительные мысли и планы тех, кто приложил руку к пакту и соглаше-

---

[1] Достаточно будет одного знакомства с достижениями военной техники, которые демонстрировались в октябре 1927 г. на Эбердинском полигоне в Америке. В одном только 1927 г. было ассигновано 27 млн. долларов для пополнения запаса огнеприпасов и оружия.

нию. На фоне игры империалистических сил рельефно выделены два могучих соперника—Англия и Соединенные Штаты. Несколько механически привязаны пять последних статей, посвященных франко-германским взаимоотношениям в связи с вопросом о долгах и досрочной эвакуации Ренании и не имеющих прямого отношения ни к пакту Келлога, ни к англо-французскому соглашению.

То, что выгодно отличает брошюру Лапинского от брошюры Аутсайдера, это—более четкие формулировки и значения самого пакта и роли его главнейших участников.

В основном же она является дополнением к брошюре Аутсайдера, расшифровывающим, так сказать, изнанку всего дела с пактом и соглашением.

Обе брошюры будут с большим интересом прочитаны.

Б. Жуков.

В. И. ФРОЛОВ. «Экономика нефтяного хозяйства». С пред. проф. Губкина. Издание Совета нефтяной промышленности. 1928 г., стр. 392, тираж 2.130.

Экономика нефтяного хозяйства России десятилетиями находилась в теоретическом загоне. Благодаря пренебрежительному отношению к ней буржуазных экономистов и скептицизму инженерского состава, теория нефтяного хозяйства, как удачно замечает Вышнетравский [1]), поистине оставалась до революции «темным делом». Темные пятна этого пренебрежительного отношения к экономике весьма ярко проявились в нашумевшем в свое время, в 1907 г., инсценированном кризисе бакинских нефтеносных земель, в хищническом расхищении российскими грюндерами земель Апшеронского полуострова, в анархическом строительстве наливного флота и нефтеперегонных заводов и т. д.

Не везет в разработке, правда, еще не совсем конституированных основ «экономики нефтяного хозяйства» и в настоящий период. Ее исходные теоретические начала хотя и завоевали свое право на жизнь в кругу общей теории советского хозяйства, но эта область экономических знаний еще далека от марксистской научной разработки, марксистского влияния и марксистского руководства. Исследование категорий, проработка отдельных проблем здесь ведется архибуржуазной плеядой экономистов, а не нашими силами.

Блестящим примером отмеченного положения служит рецензируемая нами работа, которую можно назвать экстрактом того, что написано за последние годы по этому, весьма актуальнейшему, вопросу тяжелой индустрии.

Автор «Экономики нефтяного хозяйства» в форме расширенных лекций, читанных им ранее в Горной Академии, пытается теоретически осветить для молодых инженеров следующие положения экономики: 1) Значение и отличительные свойства нефтяной промышленности. 2) «Капитал». 3) Рента в нефтяной промышленности. 4) Труд в нефтяной промышленности. 5) Цены нефти и нефтяных продуктов, себестоимость, прибыль. 6) Транспорт в нефтяной промышленности. 7) Экспорт нефтепродуктов. 8) Нефтяная промышленность и торговля за время войны и революции, и проч.

Теоретическое и методологическое освещение этих категорий Фролов производит настолько развязно, настолько махрово-буржуазно, что перед его научным маразмом даже бледнеют исследования таких прожженных эпигонов капитализма, как Сея, Бастиа и Таранеа. Так, автор, отвергая историзм

---

[1]) Смотри его интересную работу «Нефтяное хозяйство России за последние 10 лет».

и социальную форму экономических категорий, диалектическую трансформацию последних, важность изучения регулятора хозяйства переходного периода, считает, что задачей «экономики» является научить молодых инженеров владеть «истиной», хотя «истина, как всегда,—говорит Фролов,—находится где-то посредине и установить ее чрезвычайно трудно» (стр. 3).

Одной из таких «научно-выясненных истин» экономики нефтяного хозяйства, которую в качестве теоретического открытия нужно утвердить в современной теории и которой молодые инженеры и студенты должны проникнуться в своей практической работе, являются нижеследующие открытия автора:

1) При социалистическом строе «прибавочная стоимость будет существовать и прогресс человечества будет возможен до тех пор и лишь постольку, поскольку будет создаваться прибавочная ценность» (стр 15).

2) На ряду с этим при социалистическом строе труд «будет вознаграждаться, т.-е. как бы это вознаграждение ни назвать, в сущности, будет заработная плата» (стр. 15).

3) «Капитал», это,—по определению политической экономии,—«кристаллизованный» труд, э т о — о р у д и я п р о и з в о д с т в а, с о з д а н н ы е п р о ш л ы м ч е л о в е ч е с к и м т р у д о м. Без этих орудий производство итти не может ни при каком строе, следовательно, капитал будет существовать при социалистическом строе» (стр. 15).

4) «Тот излишек дохода, который получается не вследствие разницы в труде и в орудиях производства, а исключительно вследствие разницы в природных условиях, и который в политической экономии называется диференциальной рентой, будет иметь место и в социалистическом строе» (стр. 16).

Ту же теоретическую истину автор «экономики» распространяет и на категорию советской ренты. Рента интепретируется им, как категория вечная, вытекающая из естественных условий почвы. Практическое выявление ее у нас происходит в виде долевого отчисления Наркомфину хозорганами. При этом подобно тому, как в рамках буржуазного общества происходит борьба между землевладельцами и промышленной буржуазией за долю ренты, так же должна быть аналогична борьба между Наркомфином и нефтяными трестами за долевые отчисления, ибо функции землевладельцев в переходный период взяло на себя государство, а функцию промышленной буржуазии—наши тресты.

Вообще, говорит Фролов, «в нашем строе какой-нибудь металлотрест, текстильный трест, нефтетрест и крестьянин со своими изделиями (последний с хлебом) на рынке встречаются как частные собственники» (стр. 138), ибо «по сущности идеи хозяйственного расчета отдельные промышленные предприятия и их об'единения, принадлежащие государству, должны рассматриваться, как частные предприятия, с той лишь разницей, что их хозяйство подвергается жесткому регулированию государственных учреждений» (стр. 138).

В книге имеются десятки еще таких же «перлов», таких же открытых «истин» буржуазного экономиста. Особенно богаты ими 3 и 4 главы книги (рента и капитал), трактующие преимущественно методологические вопросы экономии в свете вульгарных экономистов.

Разумеется, буржуазная методологическая и теоретическая установка ставит на голову и тот большой статистический материал, который приводит автор в своей работе.

Словом, «Э. Н. Х.» в области статистической является мало полезной работой, а в области теоретической и методологической крайне вредной. Рекомендовать данную работу, как пособие, как ключ к пониманию советского нефтяного хозяйства, ни в коем разе нельзя ни учащимся, ни практическим работникам горной и нефтяной промышленности. Она им пользы не сослу-

жит. Приходится только пожалеть, что на эту антимарксистскую работу, притом работу, которая, вне всякого сомнения, явится идейным рупором наших врагов, советом нефтяной промышленности выброшены большие деньги. Цена отдельной книжки 3 р. 50 к.

Вместе с тем приходится удивляться и тому печальному факту, как такой стопроцентной буржуазной пошлятине содействуют в распространении по периферии СССР нефтяники-марксисты, напр., редактор «Азербайджанского нефтяного хозяйства» тов. Блинов, который рекомендует читателям журнала «Экономику Нефтяного Хозяйства», как пособие, которое «дает много интересного и полезного материала не только для студентов, будущих работников нефтяной промышленности, но и для настоящих ее работников, уже искушенных опытом, со сложившимися взглядами на нефтяное хозяйство в советских условиях». («Азер. Нефт. Хоз.» № 6—7, стр. 132).

Пора покончить с такого рода буржуазным идейным «реставраторством».

Пора экономику нефтяного хозяйства освободить от тлетворного влияния вульгарных экономистов и передать в выдержанные марксистские руки.

Шур—гин.

Всем обласкомам, губкомам, окружкомам, укомам, райкомам и ячейкам ВКП(б).

Уважаемые товарищи!

5 лет существования боевого руководящего партийного органа—двухнедельного журнала «Большевик»—сделало его неот'емлемым теоретическим оружием в руках каждого большевика, желающего быть сознательным строителем и бойцом политического, хозяйственного и культурного фронтов.

Освещая важнейшие теоретические и практические вопросы текущей политики и экономики под углом зрения ленинизма и борясь со всякими уклонами и ликвидаторством, «Большевик» является боевым выразителем коллективной мысли ленинской партии.

Постоянно держа своих читателей в курсе основных вопросов политики и экономики текущего дня, политики и практики ВКП(б), теории и практики марксизма-ленинизма, международного рабочего движения и мировой экономики, «Большевик» тем самым предназначается для самых широких слоев партийного актива.

Однако, несмотря на это, далеко не каждый активист читает «Большевик», не в каждой еще парт'ячейке прорабатываются важнейшие материалы, помещаемые на страницах журнала. Поэтому редакция просит поставить перед членами партии Вашей организации вопрос о необходимости продвижения «Большевика» в широкие слои партактива и дать директиву, чтобы, по крайней мере, каждое бюро ячейки выписывало журнал.

Редакция журнала «Большевик».

О „ПРОЖЕКТОРЕ"

За шесть лет своего существования «ПРОЖЕКТОР» ни разу не выступал с широковещательными декларациями и обещаниями. Вместо этого редакцией и издательством велась ежедневная, настойчивая, непрерывная работа по улучшению качества журнала. В настоящее время «ПРОЖЕКТОР» единогласно признается лучшим журналом в СССР.

В 1929 году «ПРОЖЕКТОР» значительно усилит все без исключения отделы журнала, проведет ряд серьезных улучшений в своей и без того высокой технике. В виду растущего тиража журнал будет печататься на новейшем типе германской ротационной машины «Хох-Друк». Качество краски и бумаги будут улучшены.

Формат журнала и количество страниц, несмотря на уже проведенное удешевление (вместо 30 к.—25 к.), останутся те же.

В отношении содержания «ПРОЖЕКТОР» ставит перед собой следующие задачи. Прежде всего привлечение новых сил во все отделы. Редакция обеспечила сотрудничество лучших писателей и поэтов. Придавая значение сложной международной обстановке, редакция «ПРОЖЕКТОРА» увеличила количество корреспондентов во всех значительных пунктах Западной Европы, Америки и Азии. Все актуальные политические, общественные и бытовые вопросы найдут в «ПРОЖЕКТОРЕ» немедленное освещение—литературно-публицистическое, художественное и иллюстрированное.

«ПРОЖЕКТОР» готовится к проведению ряда кампаний в литературной, общественной и культурной жизни. «ПРОЖЕКТОРОМ» будет культивироваться новый тип короткого сюжетного рассказа, актуального стихотворения. В отделе очерков попрежнему будет уделяться много внимания художественно-фактическому освещению разнообразных областей нашего строительства, жизни и быта провинций и центров.

Больше страниц будет отведено научным очеркам. Литературная критика, история и мемуары займут попрежнему видное место в журнале.

Впервые «ПРОЖЕКТОРОМ» введен отдел «Страница классиков». В нем будут печататься лучшие главы и страницы из сокровищницы мировой литературы. Произведениям классиков будут предпосланы небольшие характеристики.

В 1929 г. будет значительно улучшен и расширен отдел сатиры и юмора, в который тоже привлечен ряд новых художников и карикатуристов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1929 ГОД:

на 1 м.—1 р.; на 3 м.—3 р.; на 6 м.—6 р.; на 12 м.—12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в главной конторе издательства «Правда» и «Беднота» (Москва, 9, Тверская, 48) и во всех провинциальных отделениях и представительствах «Правды».

Для ознакомления номер „ПРОЖЕКТОРА" высылается за одну десятикопеечную марку.